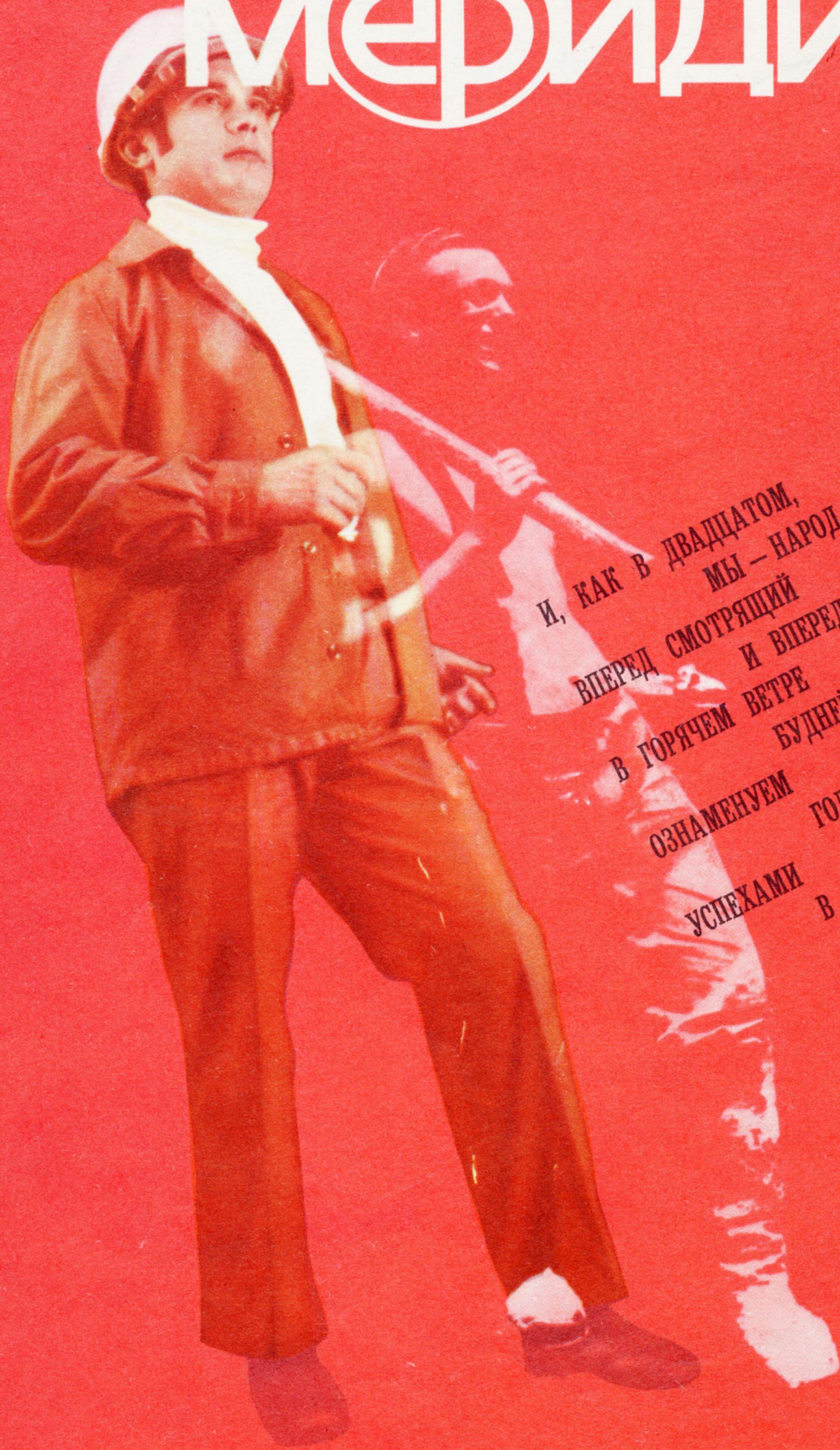

СТУДЕНЧЕСКИЙ

ФЕВРАЛЬ 1974

2

МЕРИДИАН

И, КАК В ДВАДЦАТОМ,
МЫ — НАРОД ДЕРЗАЮЩИЙ,
ВПЕРЕД СМОТРЯЩИЙ
И ВПЕРЕД ШАГАЮЩИЙ
В ГОРЯЧЕМ ВЕТРЕ
БУДНЕЙ, СТРОЕК, ДЕЛ
ОЗНАМЕНУЕМ
ГОД ОПРЕДЕЛЯЮЩИЙ
УСПЕХАМИ
В УЧЕБЕ
И ТРУДЕ!

ВАМ, ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ, ПРЕДСТОИТ ОГРОМНАЯ РАБОТА НА ВСЕХ УЧАСТКАХ КОМУНИСТИЧЕСКОЙ СТРОЙКИ — РАБОТА, КОТОРАЯ ТРЕБУЕТ ГЛУБОКИХ И ПРОЧНЫХ ЗНАНИЙ, БЕЗЗАВЕТНОЙ ЭНЕРГИИ И СТРАСТНОСТИ, ТВОРЧЕСТВА И НОВАТОРСТВА, РЕВОЛЮЦИОННОГО ЭНТУЗИАЗМА. ВАМ ПРЕДСТОИТ ПРОНЕСТИ ЛЕНИНСКУЮ ЭСТАФЕТУ БОРЬБЫ И ТРУДА В БУДУЩЕЕ.

Из обращения Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. БРЕЖНЕВА «К читателям журнала «Студенческий меридиан»

ДОВЕРИЕ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

Валерий БУДАРИН, секретарь комитета ВЛКСМ МВТУ имени Баумана

С чувством глубокого волнения встретили студенты-бауманцы, весь коллектив учи-

ты — выпускники Университета молодого лектора и комсомольского активиста МВТУ прочли более трех с половиной тысяч лекций.

Мы, бауманцы, любим точность, но есть вещи, которые нельзя выразить цифрами, для оценки которых нужны иные критерии. Учась в нашем институте, нельзя не проникнуться духом МВТУ. Наш диплом — это «марка фирмы», свидетельствующая не только о высоком уровне технической подготовленности, но и о глубокой идейной убежденности, трудолюбии, честности, это удостоверение настоящего советского человека!

НАША КОМСОМОЛЬСКАЯ ГАРАНТИЯ

Александр ГЛАЗКОВ, учащийся Тульского механического техникума имени Мосина

С огромной радостью и воодушевлением восприняли учащиеся нашего техникума теплые слова Леонида Ильича Брежнева, адресованные читателям «Студенческого

Александр Глазков

ОТЛИЧНАЯ УЧЕБА, УДАРНЫЙ ТРУД

лица сердечное обращение Леонида Ильича Брежнева к читателям нового студенческого журнала. От всего сердца мы говорим спасибо нашей партии, Родине, народу за высокую оценку труда студенческой молодежи, вузовского комсомола.

Не так давно в нашем вузе прошло Всесоюзное комсомольское собрание: «Ударным трудом и отличной учебной ознаменован определяющий год пятилетки». Перед каждым студентом и сотрудником, перед каждым комсомольцем оно поставило конкретные задачи, вытекающие из документов декабрьского (1973 г.) Пленума ЦК КПСС, Обращения ЦК КПСС к партии, к советскому народу.

Прошедший год останется в нашей памяти как год ударного труда, небывалого энтузиазма советских людей по выполнению и перевыполнению заданий девятой пятилетки. В прошлом году на промышленные предприятия, в НИИ и КБ страны пришел новый отряд выпускников-бауманцев. 2028 грамотных специалистов, таких, что не подведут, справятся с любым заданием. Мы уверены в наших выпускниках, потому что знаем — они прошли хорошую школу и станут настоящими учеными-исследователями. Не случайно по итогам Всесоюзного конкурса по постановке научно-исследовательской работы студентов МВТУ заняло первое место, а студенческое научно-техническое общество имени Жуковского стало лауреатом премии Ленинского комсомола. Можем гордиться мы и своей успеваемостью — она растет год от года. В училище 32 ленинских и 8 именных стипендиатов, около 4 тысяч человек учатся хорошо и отлично. А вот еще несколько цифр. В прошлом году более семи с половиной тысяч бауманцев участвовали в училищном туре Всесоюзного конкурса студенческих работ по проблемам общественных наук, истории ВЛКСМ и международного молодежного движения. А студен-

меридиана». Мы хорошо понимаем, какая огромная работа нам предстоит в недалеком будущем и каких глубоких и прочных знаний она потребует от нас. И не только знаний. Она требует беззаветной энергии и страстности, творчества и новаторства, революционного энтузиазма, то есть всех тех качеств, которые должны быть присущи современному специалисту.

После школы я пошел на завод. Получил второй разряд токаря, но уже тогда, работая за станком, я почувствовал, что мне многого не хватает, чтобы отвечать тем требованиям, которые предъявляет жизнь. Я всегда помню слова отца, слесаря тульского завода «Штамп». Для того чтобы в наши дни стать хорошим слесарем, говорил он, нужно обладать прочным запасом знаний на уровне хорошего инженера и техника.

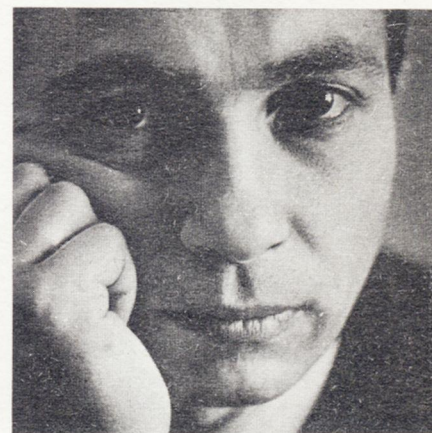
И после армии я решил поступить в Тульский механический.

Сейчас я и мои товарищи — комсомольцы вместе со всем народом трудимся над претворением в жизнь задач, поставленных партией в определяющем году девятой пятилетки. А наш главный труд — отличная учеба. В ней гарантия будущих успехов.

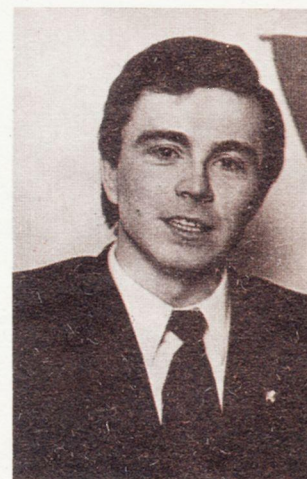
ВПЕРЕД, БОЙЦЫ ОТРЯДА!

Леонид РЯБКО, студент 5-го курса Харьковского политехнического института имени В. И. Ленина. Командир Харьковского областного студенческого строительного отряда

Для меня и моих товарищей, бойцов и командиров ССО, высокой наградой прозвучали слова Леонида Ильича Брежнева, сказанные им о деятельности студенческих строительных отрядов в обращении «К читателям журнала «Студенческий меридиан».

Леонид Асланов

Валерий Бударин

Нас было свыше полумиллиона, тех, кто по призыву партии и комсомола отправился минувшим летом на новостройки Родины. Этот трудовой семестр стал для нас знаменательным. Прежде всего потому, что он пришелся на решающий год девятой пятилетки.

Бойцы нашего отряда готовились к нему как к празднику и как к ответственному экзамену. Местом дислокации ССО стала Чарджоуская область Туркменской ССР. В состав «трудового десанта» входило свыше тридцати линейных отрядов из вузов Киева, Харькова, Донецка, Ивано-Франковска.

За два месяца было освоено 3 миллиона 860 тысяч рублей капиталовложений. Согласитесь, это большая цифра. Она складывалась из многих показателей и прежде всего самоотверженного труда наших парней и девчат. Их руками воздвигнуты жилые дома, административные здания, построены различные сельскохозяйственные помещения. Кроме того, они принимали участие в сооружении компрессорной станции в поселке Наиб, нефтеперерабатывающего завода в городе Нефтезаводске, а также оставили в подарок местным ребя-

денческие изыскания найдут применение в народном хозяйстве.

ЭФФЕКТ СОТРУДНИЧЕСТВА

Леонид АСЛАНОВ, доктор химических наук, лауреат премии Ленинского комсомола, Московский государственный университет имени Ломоносова

От имени студентов и преподавателей МГУ хочу выразить искреннюю признательность и благодарность за теплые слова Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Леонида Ильича Брежнева, адресованные многочисленным читателям «Студенческого меридиана».

С радостью и гордостью мы осознаем, что с подготовкой, воспитанием специалистов партия связывает завтрашний день нашей Родины, ее успехи и свершения в строительстве коммунистического общества.

На мой взгляд, одна из важнейших задач, стоящих сейчас перед вузами, — добиться дальнейшего совершенствования научно-

ТАКОВ ОТВЕТ СОВЕТСКОГО СТУДЕНЧЕСТВА НА ПРИЗЫВ ПАРТИИ ОЗНАКОМОВАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОД ПЯТИЛЕТКИ НОВЫМИ УСПЕХАМИ В ВЫПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ XXIV СЪЕЗДА КПСС, НА ОБРАЩЕНИЕ ГЕНЕРАЛЬНОГО СЕКРЕТАРЯ ЦК КПСС Л. И. БРЕЖНЕВА «К ЧИТАТЕЛЯМ ЖУРНАЛА «СТУДЕНЧЕСКИЙ МЕРИДИАН».

Ольга Пуртова.

- ТЕБЕ, РОДИНА!

Леонид Рябко.

там две новые школы: одну в колхозе имени Жданова, другую — в поселке Кабаклы. Все заработанные деньги были израсходованы на приобретение наглядных пособий.

СТРОИМ САМЫЕ КРАСИВЫЕ КОРАБЛИ

Ольга ПУРТОВА, студентка 5-го курса факультета кораблестроения Горьковского института инженеров водного транспорта, ленинский стипендиат

В своем обращении «К читателям журнала «Студенческий меридиан» Леонид Ильич Брежнев отметил тот большой вклад, который вносят в коммунистическое строительство советские студенты. Эта высокая оценка вселяет в нас чувство гордости и заставляет по-новому оценить свои силы и возможности, определить новые рубежи.

По-моему, нет большего счастья, чем видеть, как со стапелей сходит красавец корабль, в создание которого вложен и твой труд. Надеемся, что и в будущем не раз доведется испытать это чувство. А пока у нас, пятикурсников, горячая пора: готовим к защите дипломные работы, последнее, так сказать, испытание в институте.

Для многих это продолжение исследований, начатых еще в студенческом конструкторском бюро, которое объединяет сейчас около пятидесяти человек. К стати, его деятельность носит вполне практический характер — ребята выполняют заказы предприятий Горького. Естественно, в работе над дипломами пригодятся и знания, полученные на производственной практике, которую мы проходили на Киевском судостроительном заводе. Думаю, каждый из нас в глубине души надеется, что его сту-

исследовательской работы. Мы знаем много примеров плодотворного сотрудничества вузов с производством, научно-исследовательскими организациями и даже зарубежными родственными институтами. О полезности и актуальности подобной связи молодой студенческой науки с реальной жизнью много говорилось и писалось в последнее время. Хочу обратить внимание на еще один аспект этой темы, хотя он на первый взгляд и не имеет к ней прямого отношения.

При нынешних темпах научно-технической революции человек не может позволить себе транжирить время, чересчур долго заниматься поисками своего «я». Этот процесс должен протекать столь же активно и увлеченно, как и творческие поиски в избранной специальности. Неудивительно, что у нас все серьезней относятся к профессиональной ориентации. Естественно, что и студенты участвуют в решении этой проблемы. Они организуют работу технических кружков в школах и профтехучилищах, выступают с лекциями перед старшеклассниками, рассказывают о современных достижениях науки. Студенты МГУ, например, вот уже более десяти лет успешно шефствуют над заочной математической школой. Они испытывают чувство особой ответственности, выступая перед школьниками в роли наставников, воспитателей. Это, в свою очередь, воспитывает и их самих — будущих специалистов, формирует их гражданские качества.

Наметилась, таким образом, хорошая тенденция: к сотрудничеству комсомольских организаций институтов, предприятий и школ.

И этот факт является, мне кажется, еще одним подтверждением точности ленинского предвидения о закономерном для социалистического общества процессе сближения рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции...

Сегодня, накануне XVII съезда комсомола, мы приглашаем читателя в нашу «Коммунистическую аудиторию». Под этой рубрикой мы проведем деловой разговор об актуальных проблемах общественной жизни, учебы, научно-исследовательской работы и быта студентов вузов и учащихся техникумов.

Двери «Коммунистической аудитории» широко открыты для всех. Ее полноправными хозяевами станут молодой специалист и аспирант, известный ученый и рабочий, педагог и комсомольский активист, писатель и школьник. С одинаковым вниманием и интересом мы выслушаем различные точки зрения и предложения по самым острым вопросам.

Наша задача — помочь студенческой молодежи глубже и яснее осознать свою ответственность перед Родиной, перед партией и народом, добиваться, чтобы будущие специалисты стремились учиться, работать и бороться по Ленину.

Мы надеемся, что в нашей «аудитории» прозвучат слова прямые и искренние, а мысли — глубокие и общественно значимые. Возможно, иной раз в пылу полемики мы выскажемся резко и заденем чье-то самолюбие — не беда, это дело поправимое. Но мы не имеем права кривить душой, уходить от честного ответа, отгораживаться от общественных интересов. Ибо высока и светла коммунистическая аудитория, в которой мы собрались.

Сегодня на повестке заседания одна из самых важных проблем высшей школы — проблема качества учебы, подготовки высококвалифицированного специалиста. Специалиста, отвечающего требованиям научно-технической революции, задачам, поставленным в решениях XXIV съезда КПСС, в речи Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева на Всесоюзном слете студентов, в Обращении Центрального Комитета КПСС к партии, к советскому народу.

Тройка, четверка, пятерка. В этом математическом ряду нет ничего таинственного. Цифры нейтрально немые. Но едва им выпадает роль меры, символа человеческих знаний, как они приобретают новую, удивительную жизнь. И мы замечаем, не будучи особыми психологами: сколько, оказывается, мыслей и чувств фокусируется в них. В связи с этим стоит, наверное, проверить прочность самого математического ряда: 3, 4, 5. Тогда мы и увидим, что единственный элемент, способный вызвать сомнение, — тройка. Эта отметка все больше и больше обнаруживает признаки анахронизма. Про-

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР О ПРОБЛЕМЕ НЕ НОВОЙ, НО ПО-ПРЕЖНЕМУ ЗЛОБОДНЕВНОЙ.

В БЕСЕДЕ УЧАСТВУЮТ:
ОТЛИЧНИК И ТРОЕЧНИК,
ПРОРЕКТОР И АСПИРАНТ
1-ГО МОСКОВСКОГО
МЕДИЦИНСКОГО ИНСТИТУТА
ИМЕНИ СЕЧЕНОВА.

СТРАШЕН ЛИ ШТОРМ В ТРИ БАЛЛА?

исходит как бы смещение ее вниз, к минусовой оси.

Посмотрим беспристрастными глазами, что отражает в наше время в вузе оценка в три балла.

Прежде всего — значительность пробелов в освоении и осмыслении информации, могучий взрыв которой открыл массу проблем. И характерно, что адрес многих из них — высшая школа.

Забываясь о профессиональной «прочности» выпускника, ученые, педагоги ведут настойчивые поиски новых, активных форм обучения не только в вузе, но и после окончания его. Немало поводов для размышлений дает, в частности, и система оценки знаний. Причем больше всего вопросов и тут сходится на оценке «удовлетворительно». Не становится ли «уд» знаком будущей профессиональной серости? В общем, «шторм в три балла» на экзаменах вызывает опасения достаточно серьезные.

Кстати, здесь полезно вспомнить и историю. У тройки не всегда был синоним «удовлетворительно». Иные профессора и сейчас именуют эту оценку по-старому: «посредственно». И отрицание тройки — это в конечном счете протест против посредственности, безликости специалиста.

Отрицаю я середину,
Даже если она золотая.
Середина не сердцевина,
Хоть, бывает, ее почитают.

Что же, поговорим о тройке — и с уважением, и без такового. Попробуем, какая она с минусом и с плюсом, возведем в степень и извлечем из нее корень. Посмотрим, какая существует связь между системой оценок и качеством знаний.

И. А. СЫЧЕНИКОВ,

доктор медицинских наук,

профессор, проректор по учебной работе

Когда задают вопрос, что лучше — тройка или пятерка, то тут двух мнений быть не может.

На многих совещаниях доводится слышать нелестные слова в адрес тех вузов, где большой отсев неуспевающих. Наш вуз эта проблема не мучает. Скорее мы «мучаемся» из-за «переводников», студентов, которые приходят к нам из других вузов. Как правило, они пополняют контингент троечников. Но бывает и так, что приезжий отличник у нас становится троечником.

Чем руководствуется экзаменатор, ставя тот или иной балл в матрикуле студента? «Отлично» получает студент, который знает материал шире и глубже программных требований. «Хорошо» ставится за знание материала. «Посредственно» — когда в знании программы есть определенные, но не существенные пробелы.

Можно привести десятки примеров, когда способные и одаренные от природы студенты по тем или иным причинам «равнодушны» к от-

личным оценкам. Они даже несколько бравадируют тройкой. Смотрите, мол, говорят они, я такой умный, способный, а за отличной оценкой не гонюсь. Все относительно, и оценка моих знаний — тоже.

Такая бравада порой оборачивается тем, что через несколько лет после окончания учебы молодой специалист вдруг обнаруживает: одни только способности не могут восполнить того пробела в знаниях, который возник где-то на первых курсах.

Однако вряд ли стоит ставить вопрос так, что всякий троечник — человек наполовину потерянный для вуза и производства.

Не так давно мне довелось беседовать с одной журналисткой. Как раз на эту тему. Корреспондентка никак не могла взять в толк, как это троечник, середнячок, получает диплом нашего вуза и начинает практиковать, лечить людей. Собеседница моя допускала тройку в любом вузе, кроме медицинского, и видела в этом особую нравственную проблему.

Лично я не могу принять такого формального (идущего скорее от чувства, чем от рассудка) рассуждения. Объясню почему.

Большой процент троечников приходится у нас на младшие курсы. Объясняется это разными причинами: отличие вузовских программ (большой объем, сложность их) от школьных, новая система проверки знаний и т. д. Новичку нужно какое-то время для адаптации, для втягивания в качественно новый процесс учебы. К старшим курсам положение улучшается. Когда начинается специализация, процент троечников значительно снижается.

Как известно, учиться нам приходится всю жизнь. Практика, ежедневный труд становятся продолжением учебы в вузе. И чем больше практика, тем ценнее специалист, тем квалифицированнее врач.

Тут мы подошли вплотную к аспекту проблемы, который особенно волновал мою собеседницу, журналистку: к нравственному выбору своей профессии. Если я вижу, что студент-практикант «жалеет» своего больного, я знаю почти наверняка: из него получится врач.

Как разглядеть в абитуриенте, будущем студенте, его медицинскую «жилку», как развить в нем такие качества, как трудолюбие, добросовестность, чувство ответственности перед больным и перед самим собой?

На приемных экзаменах мы не успеваем подчас разглядеть, чем мотивировано желание стать врачом, и довольствуемся оценкой суммы знаний абитуриента. Именно поэтому мы прекрасно относимся к тем абитуриентам, которые после школьной скамьи отправились в больницы и клиники, не испугавшись черновой работы нянечек и санитаров, и пришли на приемные экзамены уже с медицинским стажем. Их выбор оправдан, их тройка на вступительных экзаменах дорого стоит.

Тот факт, что за последние годы у нас в институте уменьшился процент неуспевающих, нас радует. Но с другой стороны, количество отличников растет слабо. В осно-

вом это те, кто активно занимается в НСО. Стало аксиомой, что исследовательская работа в вузе необходима, а существующие в учебном процессе методические приемы, направленные в основном на запоминание фактического материала, недостаточно воспитывают у студентов способность к научному аналитическому мышлению.

Выход напрашивается сам собой: чтобы подготовить квалифицированного специалиста, нужно перестроить учебный процесс по принципу учебно-исследовательской работы (УИР).

Такая перестройка потребует значительных усилий как со стороны студентов, так и со стороны преподавателей. Ведь тройка — это один из качественных критериев оценки работы всего вуза.

УИР воспитывает научное мышление. Каждая кафедра должна разработать комплекс методических приемов, позволяющих студенту воспринимать фактический материал как открытие нового.

Студент не обязан, да и не может вести экспериментальную или клиническую научно-исследовательскую работу на каждой кафедре. Однако любая кафедра должна включать всех своих студентов в учебно-исследовательский процесс. Учебный материал должен преподноситься в форме своеобразных заданий, которые следует решить.

Вполне понятно, что выполнить это задание можно, лишь прослушав лекции, проработав соответствующие разделы учебника, а в некоторых случаях и дополнительную литературу.

Когда все кафедры института перестроят учебный процесс, цена оценки, даже такой посредственной, как тройка, неизмеримо возрастет. Видимо, тогда отпадут опасения, что мы с вами, придя в поликлинику, попадем в руки малоквалифицированного специалиста.

КОНСТАНТИН Р.

3-й курс, лечебный факультет

Сегодня у нас разговор о тройке, и я являюсь в некотором роде обвиняемым, потому что у меня как раз это самая частая оценка.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СТУДЕНЧЕСКАЯ
МЕРИДИАН

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И МИНИСТЕРСТВА ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР
№ 2 февраль 1974

Но ведь каждый обвиняемый имеет право на защиту. Попробую защититься и я.

Итак, меня считают чем-то вроде Митрофанушки. И-де ленив я, и нусерден, и зря хлеб ем. Но лично я о себе другого мнения.

Я буду ученым, может быть, профессором. Вы спросите, какие у меня основания так говорить? Извольте. У меня есть локальная, конкретная цель, четко поставленная задача, выбрана область науки, которую я люблю. Многие ли преуспевающие студенты могут этим похвастаться? И что с того, что не всем медицинским наукам я поклоняюсь и числюсь в деканате троечником.

Вот Иван Михайлович Сеченов, к примеру, — простите за такое сравнение, — ученый, чье имя носит наш институт, бывший троечник. У нас на кафедре физиологии аттестат его висит, там много троек. И что же? Наш 1-й медицинский гордится именем Сеченова.

Мне в деканате сказали: «Ишь возомнил себя Сеченовым!» И сняли со стипендии (за то, что пропустил лекции). А как же маршальский жезл, который лежит в ранце любого уважающего себя солдата?

Я еще до поступления в институт знал, что буду заниматься молекулярной биологией. И в лаборатории пропал с первого курса. Иные опыты надо повторять 10, 100 раз. О лекциях-то порой вообще забываешь.

Я не понимаю, не признаю тезиса, что надо проходить все подряд, по расписанию, потому что это может когда-нибудь пригодиться.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АУДИТОРИЯ

Мои товарищи по группе сидят на лекциях, делают вид, что записывают. Но часто они не слушают, думают о том, как бы не уснуть. Им тоже бывает неинтересно. Но они дисциплинированные люди. И никуда с лекций не уходят. Говорят, так надо!

Я уверен, что провожу время с большей пользой. Это, кстати, подтверждается в сессию — некоторые предметы сдаю на «отлично». А какие-то — на «удовлетворительно».

Мне говорят, что наш институт готовит врачей общего профиля, а не биохимиков. Когда начнется специализация, интернатура (6—7-й годы обучения), тогда, мол, выбирай что угодно. А сейчас изволь знать все. При этом между словами угадывается: может, ты со временем чего-то добьешься, но сейчас мешаешь. Другие, более слабые, берут с тебя пример, не сдают в срок зачеты.

Наверное, это справедливо. Но дело не только в том, что один из нас способен другого. Суть в том, что я-то пропускаю занятия осмысленно — ради опытов, экспериментов, одним словом, ради дела. А ребята в этом случае воспринимает лишь внешнюю сторону явления. Видят, что я живу вроде бы вольготнее, чем они.

Но это не совсем так. И мне бывает нелегко. Год назад меня даже отчислили из института за пропуски лекций.

Прошел этот год — и я снова студент 1-го медицинского. Только теперь я стал осмотрительнее. Мысленно повторяю слова одного ученого человека: «Если кто-то хочет построить себе дворец, а пока живет в хижине, то ему не стоит начинать с разрушения хижины, иначе он рискует ночевать под открытым небом». Приходится быть благодарным.

Но не думайте, что я сдаюсь. Опять пропадаю в лаборатории. И по-прежнему считаю, что самостоятельная работа на кафедре, общение с серьезными специалистами для меня полезнее иных лекций.

Строгие рамки учебной программы меня, увы, не устраивают. На мой взгляд, программа медицинского вуза построена так, что на равный интерес студентов ко всем предметам рассчитывать не приходится. А без этого интереса, как говорил Горький, нет любви к делу, нет таланта.

ТАТЬЯНА ОБОЗНАЯ,

3-й курс, лечебный факультет,

отличница

Странное у меня состояние, когда я слушаю Костю. Почти все, что он говорит, вроде бы и правильно и дельно. В то же время не могу с ним во всем согласиться. Дело в том, что Костя — нетипичный троечник. Да, большинство его оценок — тройки. Вдобавок он прогульщик. И все-таки какой же Костя троечник? На мой взгляд, он потенциальный отличник. Не только потому, что он способный. Костя — человек увлеченный. Беда его, а может быть и вина, в том, что те, в общем-то, заслуживающие внимания мысли, которыми он оперирует, он как бы вырывает из жизни, абстрагирует, и они, абсолютизированные, приобретают уже иную окраску.

И еще Костя, защищая свою линию поведения, берет только одну часть доказательств, выгодную ему, и сознательно или без умысла опускает из виду другую. Я имею в виду многообразие и сложность жизни и учебы в вузе. И хорошо, если бы он говорил только о себе, но он пытается обобщать, а потому становится смешным и неубедительным.

Вот Костя авторитетно заявляет, что когда-нибудь будет профессором. Вполне возможно. Но я говорю о том, что после окончания института и нам и ему придется лечить людей. А Костя и не собирается быть врачом. Какое же моральное право имеет он учиться на нашем факультете, который готовит именно врачей? Может быть, кто-то силой тащил его сюда? Или кто-нибудь мешал ему попытаться поступить в тот вуз и на тот факультет, который больше соответствует его устремлениям?

До института я работала нянечкой в Липковской городской больнице (в Тульской области, если кто не знает). Не понимала тогда, кто может быть равнодушным в таком святом деле, как медицина. Теперь понимаю — троечники.

Если это были нянечки, то они ворчали, что работа грязная, а больные — капризные. Если медсестры — много назначений, тяжелых больных нарочно подкидывают им, а на дежурстве — ни поспать, ни почитать. Если врачи... Лучше не вспоминать!

И всех этих горе-нянечек, сестер и врачей объединяло нетерпение — скорее бы конец рабочего дня.

Да, наша работа мало похожа на праздник. Это работа, изнуряющая и порой раздражающая. Жестокая необходимость каждый день слышать про боли и страдания. Ненавидеть их и бороться с ними.

Замечаю — многие в нашей группе изменились, как только попали на практику в клинику. Отошли в сторону мелкие обиды, споры.

Вот настает минута ставить диагноз. Первый диагноз.

Только теперь, лицом к лицу встретившись с больным, понимаешь всю тяжесть этой еще вчера абстракции — ответственность врача.

Тяжело болен молодой парень, мой ровесник.

— Что это за болезнь? — спрашивает преподаватель. — Можно ли его спасти?

Мы молчим. Путаемся. Я называю диагноз.

— Неверно, — говорит мой учитель.

— НЕВЕРНО! — повторяю я. А если бы учителя не было рядом и никто меня не поправил?

Хоть раз побывав в таком положении, уже не сможешь отмахнуться от конспектов и учебников, заниматься спустя рукава, списывать, калтурить. Так получилось и в нашей группе. Резко уменьшилось число «свободных личностей», мы как-то разом повзрослели.

Теперь наши троечники стали едва ли не усерднее отличников. Возвращаются из клиники — и бегом в читальный зал, в библиотеку. Учебники, монографии, последние статьи в журналах — все это нам нужно срочно, сейчас... Нас ждут больные.

И только один человек никуда не горопится. Это Сергей Кудряшов. Коротко говоря, троечник. Но только разве тройки у него в зачетке стоят? На мой взгляд, самые настоящие двойки. Книгу Сергей не открывает, дальше оглавления не заглядывает. Но ему не лень лисой крутиться возле преподавателя, вымаливая зачет. Он знает — семь раз прогонят, а когда-то и надоест, поставят «уд».

Нам он старается объяснить, как «надо жить».

— Ну, чего вы шумите? — спрашивает. — Все равно ведь кончу. И устроюсь не хуже вашего.

Устроиться он собирается в сельской больнице.

— Поеду, — говорит, — в далекое село. В город мне без надобности. А в селе кто ко мне на прием придет? Дедушки. Бабушки. Люди старые, жизнь повидали. Они к фельдшеру-то без лукошка яичек не пойдут, а уж к врачу!..

И на спокойном Серезином лице появляется улыбка. Шутит ли он или действительно видит себя в белом халате, с лукошком яичек в руках?

Для какой жизни он вымаливает

у нас конспекты, а у преподавателей — тройки?

Собрали даже собрание, чтобы потолковать. Хотели: пусть каждый увидит, с кем имеет дело. Хотели честного, прямого разговора. Но Сергей, видимо испугавшись, стал ломать комедию. Во-первых, сказал, что для общества жизни своей не пожалеет, а все замечания учтет. Насчет учебы обещал не выходить из читального зала до закрытия и спать не больше шести часов в сутки.

Кое-кто из преподавателей спрашивал после собрания:

— Что это вы, ребята, так на него ополчились? Старается ведь парень.

Мы помолчали. Не склочничать же!

Наверное, это самая распространенная разновидность троечника. Его даже рядом нельзя поставить ни с Костей, ни с кем-нибудь еще из наших ребят, которые учатся на тройки.

На мой взгляд, именно такой троечник является злом и для института, и в будущем — для производства.

Разве, придя в вуз, мы не принимаем на себя определенные обязательства, главное из которых — хорошо, в полную силу учиться? Для меня вопрос этот ясен: не хватает таланта учиться на «отлично» — бери усидчивость, упорством, терпением. Не хватает и этих качеств — уходи из института, тебе здесь не место. А красивой позой, умными суждениями можно обмануть кого угодно: себя, товарищей, но только не будущих больных. Странно ты будешь выглядеть со своей возможной гениальностью и солидными пробелами в знаниях, когда перед тобой окажется живой человек, со своими живыми страданиями, ждущий от тебя помощи.

Троечник умеет сваливать свою вину на «объективные обстоятельства». Он может умно рассуждать о том, какое нынче трудное время для студента. Тут тебе и перенасыщенность программ, и лавина новой информации, и резкое смещение понятий в науках, и стрессы, и так далее.

Все это так. Многие трудности, неизвестные десять лет назад, нам приходится преодолевать сейчас. Замечу только, что троечники были в вузе и до этих «новых условий высшей школы».

Многое действительно переменялось. Многое, но далеко не все. Есть понятия, которые одни-единственные на все времена. Такие, к примеру, как нравственный долг, ответственность перед обществом.

И вот, когда дело доходит до этих вещей, уверена, троечнику тут сказать нечего, будь он хоть семи пядей во лбу.

ПЕТР ЛИТВИЦКИЙ,
бывший отличник,
ныне аспирант кафедры
патофизиологии, председатель НСО
института

В известном смысле современного врача готовят так же, как, скажем, инженера. Выпускник медицинского

вуза получает стереотипно техническое образование. То есть студент-медик запасается изрядным запасом знаний и учится применять их, работая в клинике.

Но еще с незапамятных времен Гиппократ о врачевании говорили как **об искусстве**, а о врачах как **об исцелителе души**.

«Желание служить общему благу должно непременно быть потребностью души, условием личного счастья; если же оно происходит не отсюда, а из теоретических или иных соображений, то оно не то» — так писал Антон Павлович Чехов.

К сожалению, далеко не у всех наших студентов заметно желание служить общему благу.

Сейчас я веду практические занятия по патофизиологии с третьим курсом. Задаю вопрос: как объяснить такое-то явление? Встает студентка и начинает точно излагать все написанное в учебнике патофизиологии. Ей можно ставить «четыре» или «пять», в зависимости от того, как она запомнила расстановку запятых. Прошу на тот же вопрос ответить троечника. Ему, как вы догадываетесь, вспомнить особенно нечего. Но отвечать-то надо, положение безвыходное. И он начинает думать, пытается сам сообразить, что к чему. Иногда получается любопытно, оригинально.

Что я должен ему ставить — «два» или «пять»? Знает он плохо, соображает хорошо. Ставлю средний балл — «удовлетворительно».

Поэтому, когда мы говорим об отличниках и троечниках, хочется внести некоторые уточнения: какой троечник и какой отличник? Нужна дифференциация! И говорить, видимо, надо не о формальной оценке — тройке, а о качественном отношении студента к своим обязанностям.

Есть отличник-«механист» — вспоминает все благодаря зубрежке, его уважать особенно не стоит.

Есть отличник-логик, способный все осмыслить, проанализировать самостоятельно. Это человек достойный, из него обязательно будет толк. Это будущий «золотой солдат» медицины.

Среди троечников, даже в моей группе, есть, как я уже сказал, образительные, но беспечные — за них стоит бороться. Они тоже «логики», но ущербные — мало знают. Этим способным ребят мы должны заставлять работать. Иному студенту стоит смекнуть, что он талант, как он тут же впадает в некое эйфорическое состояние. И мир может так и не узнать о его потенциальных способностях. Надо, по-моему, крепко уяснить, что тройка характеризует не умственные возможности человека, а отношение его к учебе — безответственность, расхлябанность и, если угодно, общественную пассивность. Иногда хитрецы ставят вопрос так. Разве не может круглый отличник оказаться в науке бесперспективным? Да, может. Но он трудолюбив. У него (а не у троечника, работавшего в вузе от случая к случаю) выработана система в занятиях: в науке он умеет уловить общий стиль выводов, общие приемы.

И потому он принесет пользу как работник. Скажем иначе. Может ли троечник вдруг воспарить в медицинской практике на невиданную высоту? Тоже может. Но все-таки эти «может» относятся к области случайных явлений.

На практике в клиниках и в научно-исследовательских учреждениях успех чаще всего приходит к добросовестным и широко мыслящим людям, для которых в вузе не было «неважных» дисциплин. А среди бывших троечников куда чаще встречаются просто посредственности.

Думаю, что легенду о непризнанном гении-троечнике сочинили сами троечники себе в оправдание. В наш век стремительного движения научной мысли только дисциплинированный, всесторонне образованный ум способен быть «на уровне» всего нового, прогрессивного.

Добрая треть троечников (будем откровенны) в вузе люди случайные. Из остальных — большая часть попросту лентяи. И создавать вокруг подобных людей ореол таинственной «непризнанности» нелепо, а по большому счету — и вредно.

А почему бы, скажем, плохо или средне успевающего студента не переводить из вуза в средние медицинские заведения или просто выдавать ему по окончании диплом фельдшера, а не врача?

Уверяю вас, что одна лишь возможность получить свидетельство о среднем, а не высшем медицинском образовании сделала бы многих лентяев усердными. А фельд-

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АУДИТОРИЯ

шера нам нужны ничуть не меньше врачей. (Разумеется, хорошие фельдшера.)

Кстати, у нас в институте был такой случай. Парень несколько лет не мог сдать государственные экзамены. В конце концов ему предложили диплом фельдшера. Он с радостью согласился.

Это одно из тех конкретных предложений, которое, на мой взгляд, заслуживает самого широкого обсуждения.

Итак: «Страшен ли шторм в три балла!» Этот вопрос слишком многозначен, чтобы на него можно было ответить в нескольких выступлениях.

Но уже теперь видно, что «требалльный шторм» в вузе — это далеко не пресловутая буря в стакане воды. Его «неглубокие» волны явно влияют на атмосферу в студенческой аудитории.

Вопрос этот злободневен, и мы не хотим, чтобы он кого-нибудь оставил равнодушным.

Очевидно, у вас есть свои позиции в споре о качестве учебы и, в частности, о тройке. Может быть, стоит перенести разговор на свое комсомольское собрание?

Давайте сообща разберемся в этой проблеме.

ВРЕМЕН ВОЗ

Юлия ДРУНИНА,
студентка Литературного института
имени А. М. Горького,
1947 г.

Памяти однополчан

После тревоги ночью
Крепок тяжелый сон.
После тревоги ночью
Занервничал телефон.
Подхожу. «Товарищ, срочно
Явитесь с вещами в райком».
Иду в предрассветном тумане.
Долго ль собратъся мне!
Билет комсомольский в кармане.
Дорожный мешок — на спине.
В райкоме просто и ровно
Сказал секретарь:
«Комсомольцы мобилизованы
на фронт».

Январь, снегами заметенный.
Померзших голосов прибой:
«Э-ше-лон за эше-ло-ном,
Э-ше-лон за э-ше-ло-ном
В бой!»
Все пройдет, о многом
забудешь.
Но об этом — никогда!
Баррикады. Суровые люди.
Осажденные города.
Не гудок, а беда кричит.
Словно в песне, встают

заводы,
Москвичи, москвичи,
москвичи,
Молодежь сорок первого
года.

Мой ровесник — солдат!
Оглянись,
Только двое дошли до Буга...
Где ж теперь вы, ребята,
влюбленные в жизнь
И, конечно, немного
друг в друга?

«Советское студенчество», № 4

Сергей ОРЛОВ,
студент Ленинградского
университета,
1947 г.

Светлый север, лес дремучий
В узорочке, в серебре...
Как медведи, в небе тучи
Черно-буры на заре.

Ели, словно колокольни,
Тишина, как спирт, хмельна,
И из трав встает над полем
Рыжим филином луна.

Пенье вёсел, скрип уключин,
Рокот журавлиных стай...
Не скажу, что самый лучший,
А милей всех сердцу край!

«Советское студенчество», № 4

Раиса РОМАНОВА
выпускница Литературного
института имени А. М. Горького,
1974 г.

Прогнать бы этот сон...
Невыносимо!
Один
на опрокинутой стене
ребенок
из убитой Хиросимы
все тянет ручки тонкие
ко мне...
Как лестница,
в которую навеки
впечатан человеком
черный день:
и дымом захлебнувшийся
Освенцим,
и вдоль по Сейму —
«мессершмитта» тень,
и траур
на глазницах
голых окон,
и стон предсмертный,
как немой вопрос,
и девочки-малютки
мягкий локон,
упавший в грудку
неживых волос...
И новый кадр,
с горящего экрана
воображеньем отснятый
больным:
огромный гриб,
и город,
весь — как рана,
и вой сирен,
взметнувшийся над ним.
...Я вскакиваю.
Вертикальные стены.
Тепла за ширмой
детская постель.
И не идут стервятники
на цель,

лишь чутко насторожены
антенны,
и тих рассвет...

Но снова
ночью длинной
ворвется в сны
военная гроза,
чтоб не забылись
бомбы и руины
и насмерть удивленные
глаза...

Просматривая номера выходящего в середине 40-х годов журнала «Советское студенчество», в № 4 за 1947 год мы обнаружили стихи студентки Литературного института имени А. М. Горького Юлии Друниной и студента Ленинградского университета Сергея Орлова. Ныне имена этих поэтов известны каждому, кто интересуется поэзией.

И Юлия Друнина, и Сергей Орлов стали студентами, пройдя через огонь Великой Отечественной войны. И в двух этих опубликованных «Советским студенчеством» стихотворениях нашли выражение сокровенные чувства их сверстников. То, что пришлось пережить советскому народу в годы войны, — незабываемо, память о павших — неизгладима и вечна. Об этом говорит стихотворение Юлии Друниной. Но жизнь не стоит на месте, она берет свое, требует качественно иного отношения к ней, и вчерашний фронтовик, автор ставшего военной классикой стихотворения «Его зарыли в шар земной...», Сергей Орлов, пишет полные высокой, торжественной радости стихи «Светлый север, лес дремучий...».

С той поры прошло много лет. Но тема войны, тема мужества, верности Отечеству нашла свое продолжение в стихах молодых поэтов. Естественно, их поэзии присущ другой угол зрения, о той же самой войне они пишут совершенно по-иному.

В портфеле журнала накопилось немало таких стихов. И сегодня, перепечатывая из пожелтевших номеров «Советского студенчества» стихи студентов-фронтовиков Юлии Друниной и Сергея Орлова, мы предоставляем слово и нынешним студентам.

ВЫШЕННАЯ СВЯЗЬ

Граница

Укрылись сопки розовым туманом
На той, уже не нашей, стороне...
Красиво здесь — и кажется

обманом
Любая мысль о ссоре, о войне.
Но знаю: рядом, в полукилометре,
Устаив желтый рупор на кордон,
Орет динамик при случайном

ветре,
Что дом родной — не мой как
будто дом.

А здесь солдаты слушают поэму
О парне, не вернувшемся

с войны,
О том, что идеалы неизменны
И обелисков грани холодны...

Но, по тревоге разобрал оружие,
Уходят, не дослушав до конца
Стихов о пулеметчике Андриюше,
В бессмертие ушедшем из Ельца.
.. Им понимать и радость и

разлуку
На этой синей, как клинок, реке,
Но каждый миг внимательную

руку
Им на взведенном чувствовать
курке.

Владимир ИРБЕНЕК,
студент 6-го курса Литературного
института имени А. М. Горького,
1974 г.

В детстве

Я так войну запомнил,
когда подросток:
был в комнате огромной
почти мороз.

Все про меня забыли.
Из печки дым.
Казалось, в целом мире
я был один.

Дрожащую коптилку
я зажигал,
прислушивался тихо
к своим шагам.

И вспоминал туманно,
сглотнув слюну:
ушла за хлебом мама,
а папа — на войну.

Заплакать было стыдно.
А ночь близка.
Я заводил пластинку
про ямщика.

Так засыпал нередкое.
Метель мела,
когда меня соседка
к себе вела.

Виктор ВЕРСТАКОВ,
курсант, 1974 г.

Старая гвардия

Заслышав сигналы горниста,
построятся снова в полки
гражданской войны коммунисты,
в буденовках большевики.
В шеренгах займут свое место —
лишь только б труба позвала! —
герои Смоленска и Бреста,
Москвы, Сталинграда, Орла.
Живу я серьезней и строже,
чтоб вечный покой их был чист
и павших солдат не тревожил
призывным сигналом горнист.

Пусть я родился поздно...

Мне кажется,
что видел я когда-то
горящий Витебск —
родину свою,
прифронтовых госпиталей палаты
и беженцев
голодную семью.

Я видел
исковерканную грудь
«тридцатьчетверки» моего отца.

Я видел,
как упал Матросов грудью
на ливень
раскаленного свинца.

Я видел
точки бомб над головой —
тяжелых,
косо падающих бомб.

Я видел,
как захлебывались боем
сырые галереи катакомб.
Я видел смерть
и жизнеутверждение
суровых не по возрасту ребят.

Пусть я родился поздно, —
без сомненья,
я это видел
и вобрал в себя.

* * *

Я не видел те рассветы,
что запомнил мой отец
в сорок первом,

в сорок третьем,
в сорок пятом, наконец.
Но в годах семидесятых
над палаткой в лагерях
краснозвездные закаты
об отце мне говорят.

Александр РЕВЕНКО,
студент 5-го курса Литературного
института имени А. М. Горького,
1974 г.

Мать

На берегу равнинной речки,
В избе, отставшей от села,
С веселой прялкой у печки
Старушка древняя жила.

Она ранехонько вставала,
Мотала пряжу по утрам,
Носки и варежки вязала
Своим любимым сыновьям.

Как в старой сказке,
Было трое
У той старушки сыновей.
Тоскливой зимнею порою
Они во сне являлись к ней.
Она спала, и ей казалось —
Сыны приходят на крыльце...
И теплым светом озарялось
Ее усталое лицо.

А сыновья спокойно спали:
Один — в кургане за Днепром.
Другой на сером пьедестале
В далеком городе чужом.

А третий, без вести пропавший,
Уснул — никто не знает где,
И лишь ковыль, войной
пропавший,
Поет о нем ночной звезде.

С студент и научно- техни- ческий прогресс

ПЯТЬ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ ПРЕДЛАГАЕТ БУДУЩИМ ИНЖЕНЕРАМ МОСКОВСКИЙ АВТОЗАВОД ИМЕНИ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА

Эти задачи могут показаться легкими старшекурснику. Но это только на первый взгляд. Ведь решаются они на разном уровне: можно усовершенствовать уже существующую конструкцию, а можно создать принципиально новую, предложить оригинальный метод. И тогда результат будет запатентован как изобретение.

Думаете, нереальные вещи? Реальные и даже обычные. Не первый раз помогают студенты решать серьезные производственные задачи. Который год, к примеру, дружат Московский карбюраторный завод и институт стали и сплавов, и трудно найти на заводе разработку, в которой не приняли бы участие студенты.

Мы знаем о студенческих конструкторских бюро и о штабах по реальной тематике, которые толково выполнили уже не одно хозяйственное задание. Поэтому мы сегодня и обращаемся к вам, будущие конструкторы: попробуйте свои силы.

Современное автомобильное производство — сложнейший техниче-

ский комплекс. Это видно на примере автозавода имени Ленинского комсомола, который за последние годы претерпел коренную реконструкцию.

Начиная с заготовительных операций и кончая выпуском автомобиля, производство насыщено современным высокопроизводительным оборудованием, управление которым под силу не только теоретически, но и практически подготовленным специалистам. Да и конструкция самого автомобиля непрерывно усложняется и совершенствуется.

Предлагаемые задания имеют не отвлекающий характер. Они вытекают из производственной необходимости.

Пусть работа над этими задачами поможет нам лучше узнать друг друга. Успехов вам, друзья!

Свои письма с разработками и предложениями посылайте в редакцию журнала.

И. ЧАРНОЦКИЙ,
главный конструктор
автозавода имени
Ленинского комсомола

ЕСЛИ СОСКОЧИЛ ТРОСИК...

...Жарко? Хочется опустить стекло в машине? Не опускается? Правильно: соскочил с роликов металлический тросик. Существующая система подъема стекла давно доказала свою ненадежность.

Предлагается: РАЗРАБОТАТЬ НОВУЮ КОНСТРУКЦИЮ ПОДЪЕМНОГО МЕХАНИЗМА ОПУСКАЕМЫХ СТЕКОЛ ДВЕРЕЙ АВТОМОБИЛЯ.

ТРЕБУЕТСЯ СЕМЬ ТЫСЯЧ ХОМУТОВ

Маленькая, но важная деталь автомобиля — хомут для крепления шлангов — изготавливается вручную. А таким способом при самой ударной работе больше полутора тысяч хомутов за смену не получается, а требуется минимум 5000—7000.

Значит, нужен АВТОМАТ ДЛЯ СБОРКИ СТЯЖНЫХ ХОМУТОВ ИЗ СТАЛЬНОЙ ЛЕНТЫ. Он должен разматывать ленту с рулона, обрезать по размеру и одновременно собирать с ушком и шплинтом.

ПОКОВКИ — НА КОНВЕЙЕР

При чеканке поковок на чеканочном молоте рабочий вручную укладывает поковку в штамп. Эта операция требует большого напряжения и внимания.

Необходимо ПРЕДЛОЖИТЬ КОНСТРУКЦИЮ МЕХАНИЗМА ПОДАЧИ ПОКОВОК ПОД МОЛОТ, ИСКЛЮЧАЮЩУЮ РУЧНОЙ ТРУД.

НАПИЛЬНИК — В ОТСТАВКУ?

На заготовках, отлитых самым современным способом, под давлением, все равно остаются заусенцы. Эти шероховатости удаляются сейчас при помощи напильников и абразивных кругов.

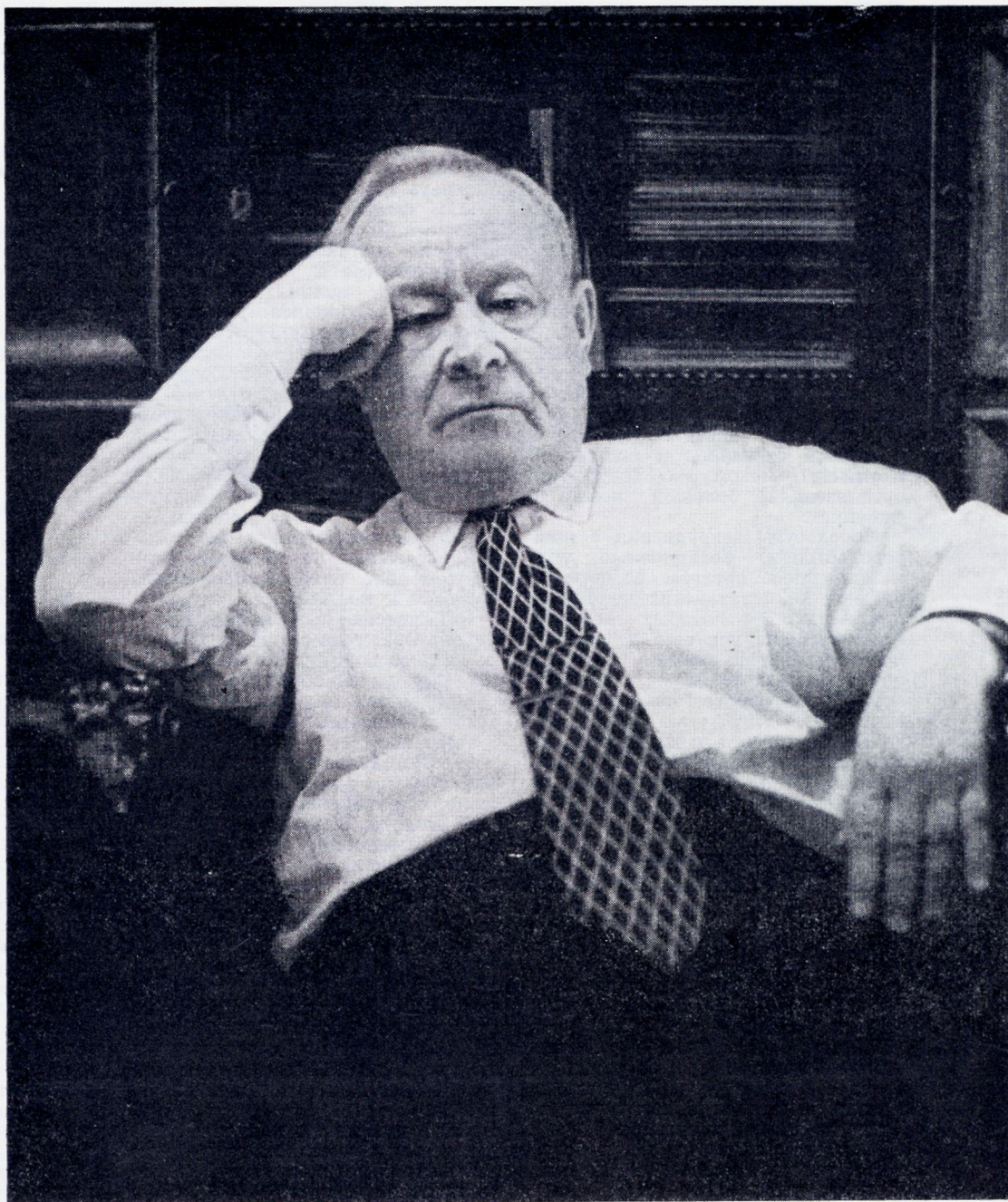
Требуется УСОВЕРШЕНСТВОВАТЬ ТЕХНОЛОГИЮ ЗАЧИСТКИ ЗАУСЕНЦЕВ НА ОТЛИВКАХ ЦВЕТНОГО (ЦИНКОВЫЙ И АЛЮМИНИЕВЫЙ СПЛАВЫ) ЛИТЬЯ.

„СИБИС-РЕНО“ НЕ ГОДИТСЯ

ИЗМЕНИ КОНСТРУКЦИЮ УСТАНОВКИ ДЛЯ РЕГУЛИРОВКИ ПУЧКА СВЕТА ФАР. Сейчас пучок регулируют на тяжелой установке «сибис-рено». Из-за несинхронности движения подвесного и напольного конвейера имеющуюся установку трудно использовать.

ПРЕДЛОЖИ ЛЕГКУЮ МАЛОГАБАРИТНУЮ УСТАНОВКУ ПО ТИПУ «ВАЗ» (С УЧЕТОМ КОНВЕЙЕРОВ) ДЛЯ РЕГУЛИРОВКИ ПУЧКА СВЕТА ФАР НА ДВИЖУЩЕМСЯ АВТОМОБИЛЕ.

Мой путь в высшую школу

В. С. ЕМЕЛЬЯНОВ,
Герой Социалистического Труда,
член-корреспондент АН СССР

В ВЫСШУЮ ШКОЛУ

Имя Василия Семеновича Емельянова, известного ученого-атомщика, видного общественного деятеля, хорошо знакомо читателю. Его книги воспоминаний получили самое широкое признание не только в нашей стране, но и за рубежом.

Сейчас В. С. Емельянов работает над новой рукописью о студенчестве 20-х годов, отрывки из которой он любезно предоставил нашему журналу.

ПЕРВЫЙ ШАГ

Гражданская война закончилась. Перед страной вставали новые задачи. Уже в самом начале 1921 года, 3 января, газета «Бакинский рабочий» писала: «Прошлый год был переломным годом в жизни Российской Советской Республики. Двадцатый год ознаменовался победами героической Красной Армии. Был разбит Де-

никин, уничтожен его преемник Врангель и добыты остатки колчаковщины и петлюровщины. Война с Польшей закончилась миром. Собранный на исходе 20-го года Восьмой Всероссийский съезд Советов прошел под знаком обсуждения вопросов мирного строительства».

Вопросы восстановления хозяйства не сходили с повестки дня наших партийных собраний. Печать призывала к увеличению добычи нефти и бдительности, так как, хотя фронты и были ликвидированы, борьба не прекращалась. Она только принимала другие формы. Начались диверсии. Бывшие владельцы нефтяных промыслов создали диверсионную группу «Пылающее сердце», которая стала выводить из строя нефтяные скважины и поджигать промыслы. Летом 1921 года они организовали большой пожар в Сабунчах.

Используя затруднения с продовольствием, реакционные элементы сировоцировали забастовку рабочих на балаханских нефтяных промыслах. В некоторых районах Азербайджана все еще действовали вооруженные банды. Они терроризировали население, мешали нормальной работе советских органов.

Но все же не эти трудности были теперь основными. Главным теперь было быстро ликвидировать хозяйственную разруху.

СЛОВО О КРАСНОМ СТУДЕНЧЕСТВЕ

Развал нефтяного хозяйства, перебои в снабжении продовольствием — все это привело к тому, что рабочие с промыслов стали уходить. За пять лет, с 1916 по 1921 год, численность рабочих нефтяников в Баку сократилась более чем в два раза. Неурожай в Поволжье привел к тому, что в Баку не стало даже хлеба.

Хлебные пайки, и так небольшие, сделались совсем мизерными. В нашей семье одна смерть следовала за другой. От туберкулеза умер дядя Яша, а вслед за ним, тоже от туберкулеза, тетя. Затем — сестра Нина, брат Костя. На брата Николая страшно было смотреть — лицо без кровинки, под глазами зеленые круги. Он тоже заболел туберкулезом. Отец совсем потерял голову. И в это время в город приехал вербовщик. Требовались рабочие на Туркестанскую железную дорогу.

— Хлеба, мяса — там всего много, — соблазнял вербовщик.

Отец решил завербоваться. А я в это время как раз получил согласие на поступление в высшую школу. Из Москвы только что вернулся Тевосян, рассказывал, что в Москве организовано новое учебное заведение — Горная академия, и он поступил в нее. Апряткин, когда мы встретились с ним, сообщил, что тоже решил забрать свои документы из горного института в Петрограде и переводиться в Московскую горную академию.

Так и случилось, что почти одновременно семья во главе с отцом собралась отплывать на пароходе в Краснодарск, а мы с Николаем — ехать на учебу. Я — в Москву, Николай — в Петроград.

Но прежде чем выехать из Баку, мне необходимо было отрегулировать свои партийные дела.

...15 июля 1921 года в газете «Бакинский рабочий» было опубликовано постановление о проверке, пересмотре и чистке партии.

Проверка начиналась с 1 августа, а я собирался уезжать в Москву в июле. В Городском районном комитете мне посоветовали пройти проверку в Баку.

— Тебя здесь знают, что ты будешь проверку в Москве проходить, — сказал мне Розинер, заменявший в то время Тевосяна на посту секретаря райкома. — Там о тебе никто ничего сказать не сможет. — И предложил: — Давай мы поговорим с центральной комиссией по проверке, чтобы тебя вне очереди проверили? Так я и поступил.

В комиссию входили Стуруа и Вацек. Оба меня знали, и проверка свелась к тому, что Вацек сказал, обращаясь к Стуруа:

— Поставь ему штамп в партийном билете. Учиться едет в Москву, в академию.

— Ну, желаем успеха, приезжай обратно академиком, — и они тепло попрощались со мной.

Я начал верить, что на этот раз действительно уеду и буду учиться. Сколько же прошло времени с тех пор, когда я последний раз сидел за партией. Последний раз я был в реальном училище в феврале 1918 года, теперь июль 1921-го. Ведь совсем немного, а сколько событий за это время произошло, и каких. Я еще даже не начинал бриться, надобности не было. Но мне казалось, что прожил я много много лет, и мои ученические годы закончились давным-давно.

...Все документы получены. Надо сняться с учета, зайти в Центральный Комитет и взять письмо с направлением в ЦК РКП(б) в Москву.

Письмо при мне вложили в конверт и скрепили сургучными печатями. В нем было всего несколько строк, в которых говорилось о том, что ЦК АКП просит ЦК РКП(б) оказать мне содействие в поступлении в Московскую горную академию. А в командировочном удостоверении, помимо того, что я направляюсь в Москву в ЦК РКП(б), было указано еще и то, что у меня имеется при себе «секретный пакет». Этот «секретный пакет» сослужил мне большую службу — значительно облегчил путь до Москвы.

...Зашел попрощаться к Бесо Ломинадзе. Тогда у меня даже и в мыслях не было, что этот энергичный жизнерадостный человек так трагично закончит свой жизненный путь.

Ломинадзе подошел к книжному шкафу, раскрыл его, вытащил одну из книг и передал ее мне.

— Возьми, мне учиться уже не придется. А тебе пригодится. Сей-

час трудно такие книги достать.

Это был учебник интегрального исчисления Поссе. Ломинадзе перед революцией учился в университете.

Левка Цинман тоже собрался в Москву на учебу. Мы решили ехать вместе. Мать в дорогу собрала мне кулечек сухарей и завернула пяток огурцов — это все, что она могла дать. В свой солдатский вещевой мешок я уложил шапку-ушанку, телогрейку, пару белья и полотенце. Гимнастерка была на мне — и больше у меня никакого имущества не имелось.

С большим трудом мы с Левкой протиснулись в тамбур переполненного вагона, и поезд тронулся в Москву.

ОТ БАКУ ДО РОСТОВА

В тамбуре мы стояли вплоть до Дербента. Потом нам удалось все же протиснуться в вагон и даже присесть в проходе на свои вещевые мешки и подремать. Главное — то, что мы едем. Проиллюстрируют за окнами знакомые станции, и на каждой из них — огромные толпы народа. Кажется, что все поднялись со своих мест и начали движение. Платформы загружены мешками, узлами, ящиками, около них и на них сидят и лежат мужчины, женщины, дети. Лица озабоченные, сумрачные. Разговоры невеселые, не слышно ни шуток, ни смеха. Люди ищут места, где бы можно было жить, хоть впроголодь.

Проезжаем Порт-Петровск. Здесь я в третий раз. Вокзал переполнен ждущими своей очереди уехать. Куда? Одни едут на юг, другие — на север. Третьи в замешательстве — решили уезжать, но не знают куда же. Еще не определились и расспрашивают.

В нашем вагоне половина пассажиров едет на Украину. Поезд идет до Ростова. В Ростове у всех пересадка. Разговор вращается вокруг одной темы: как попасть на поезд в Ростове?

Наш сосед по вагону рассказывает:

— Туда, кажись, со всей России и со всего Кавказа съехались. Такая пробка образовалась, что и не знаю, как выбираться оттуда будем. Знакомый железнодорожник в Грозном рассказывал: хорошо еще, если неделю просидим, многие и по две, и по три недели живут на вокзале, пока билет получат.

Поездки по железной дороге в начале 20-х годов были сплошным мучением. Эти мучения начинались с того самого момента, когда вы решались на поездку. Достать билет, а особенно попасть в вагон, считалось большой удачей. В те годы мне часто приходилось ездить на крышах товарных вагонов, на буферах, а однажды даже на лестнице цистерны для перевозки нефти. То, что

мы с Левкой попали в пассажирский вагон, было настоящим чудом.

Когда наконец мы выгрузились в Ростове и увидели, что там делается, то поняли: выехать отсюда сможем, если произойдет еще два чуда. Во-первых, достанем билеты, а во-вторых, проскочим в вагон.

В Ростове не только весь вокзал был забит пассажирами, но и вся площадь перед вокзалом превратилась в какой-то цыганский табор.

Мы с Левкой решили прежде всего разобратся, есть ли здесь какие-нибудь очереди к билетным кассам, и если есть, кто в этих очередях последний.

— Ты оставайся с вещами, я пойду на разведку, — сказал я.

После длительных блужданий и расспросов мне удалось выяснить, что образовались четыре очереди. Одна — это обычные пассажиры, те, кто едет по собственной необходимости. В этой очереди было больше всего народу, конец ее терялся где-то на вокзальной площади. Когда я спросил столпившихся плотной кучкой мужчин, долго ли они ждут посадку, один словоохотливый мужичок сказал:

— Да как тут сказать, долго или нет. От чего считать будешь. Если бы к тебе на блины ехал, так вроде и опоздал бы уже — всю масляную здесь просидел. А если бы, скажем, в деревню к старосте подать нести, то и недолго вроде. Вторую неделю здесь живем, я уже на поденную работу нанялся. Все, что было с собой, прожил. Хотят, кажется, скоро отправить.

Во второй очереди стояли командированные. Их тоже было много. Когда спросил, долго ли они ждут, двое, перебивая друг друга, стали рассказывать о своих злоключениях.

— Три дня здесь торчим. Могли бы нас еще вчера отправить, да не захотели лишний вагон прицепить. И вагон-то был исправный, а не прицепили. Из графика вышли, видите ли. А какой тут может быть график. Теперь обещают или этой ночью, или завтра утром отправить.

В третьей очереди — военные. Их тоже много, но все же меньше, чем командированных. Эта очередь нам ни к чему, военного билета у нас с Левкой нет, и я пошел к четвертой очереди. В ней стояло всего несколько человек.

— А тут что за очередь? — спросил я.

— Курьеры.

Мне это слово ничего не говорило, и я вновь спросил:

— А что это значит?

— У нас с собой секретные документы.

И вдруг меня осенило. Да ведь я тоже тогда курьер, у меня имеется секретный документ.

Я вынул свое командировочное удостоверение и вновь перечитал, что я командируюсь в Москву в ЦК РКП(б). В конце удостоверения стояли слова: «Привлечен — секретный пакет». Я вынул из

кармана конверт с пятью сургучными печатями и жирной надписью в верхнем правом углу: «Секретно». Значит, я тоже курьер. По всем статьям курьер. И я встал в очередь.

Когда я подал свое удостоверение дежурному коменданту — билеты выдавал он, — то сразу же понял, что билет получу.

— Вы должны были уже на месте быть. Где лишний день проболтались? Будете утверждать, что выехать не могли? Вот вам билет. Садитесь в штабной вагон, поезд через час отойдет со второго пути.

— Я не один, нас двое, — жалобно произнес я.

— А где второй?

— Он у вещей остался.

Комендант выписал второй билет и молча сунул его мне.

Мне казалось, что у меня выросли крылья. Я не шел и не бежал, а летел через переполненный вокзал к Левке.

— Да нас с тобой разве в штабной вагон пустят? Ты что, рехнулся? Тоже мне главнокомандующий нашелся! — засомневался Левка, когда я объяснил ситуацию.

— Ты лучше посмотри, какой штамп на билете стоит, — предложил я ему.

А на билете крупными буквами жирной краской были отпечатаны два слова: «Штабной вагон». И мы, забрав свои вещевые мешки, понеслись на второй путь искать состав с этим штабным вагоном.

В ШТАБНОМ ВАГОНЕ

Штабной вагон оказался такой же теплушкой, как и все остальные в этом поезде. Он имел только одно преимущество — народу в нем было поменьше, и можно было найти на полу местечко и не только сесть, а даже растянуться. Большинство пассажиров военные, но были также и гражданские, а среди них — три женщины.

— Тоже, видимо, курьеры, — смеясь, кивнул головой Левка в сторону женщин.

Мы сразу же перезнакомились. Одна из женщин оказалась женой командира и возвращалась домой в Воронеж, вторая — студенткой, ехала в сельскохозяйственный институт, а третья — артисткой Александровской-Корчагиной, тогда еще никому не известной.

Жена командира предложила нам сходить на станцию за кипятком.

— Чай и сахар у меня есть, да и пожевать кое-что тоже найдется. Муж на дорогу снабдил провиантом. Раздобудете кипятку — можно будет перекусить.

Мы с Левкой собрали чайники и котелки со всего вагона и пошли за кипятком, принесли и не заметили, как включились в общую трапезу и разговоры.

— Всего неделю тому назад на этой самой дороге у станции Миллерово махновцы остановили поезд и всех пассажиров обобрали, — говорил один из наших попутчиков.

— Мне тоже рассказывали, что с месяц назад между Ростовом и Миллеровом махновцы задержали поезд. Да такой спектакль устроили, — подхватил другой пассажир. — На платформе поставили стол. Всем предложили выйти из вагонов, взять свои вещи, встать в очередь, подходить к столу и выкладывать на стол имеющиеся ценности и деньги. А потом тот махновец, что сидел за столом, пересчитал деньги и предложил всем по очереди снова подходить к нему и каждому давал по несколько рублей на расходы в дороге. И разъяснил: «Не думайте, что мы грабители. Мы за справедливое распределение. Того, что вам дадим, хватит, чтобы доехать до места назначения. А остальные деньги необходимы нам на организационные расходы». Наделили каждого, скомандовали: «По вагонам», и поезд отправился. Ну конечно, кольца там, брошки, часы — все это они забрали полностью.

Наш поезд тоже тронулся. Паровоз еле тащил длинный состав. Люди сидели на буферах, на крышах, все вагоны, кроме нашего, были набиты до отказа.

Проехали несколько станций, и

СЛОВО О КРАСНОМ СТУДЕНЧЕСТВЕ

поезд остановился. Кое-кто выскочил из вагонов, чтобы поразмяться. Проехали еще полкилометра — и новая остановка, затем — рывок паровоза, какой-то грохот и крики:

— Махновцы, махновцы!

Люди выпрыгивали из вагонов, куда-то бежали. Из нашего вагона тоже выскочило несколько человек, в том числе и Александровская-Корчагина. Многие сильно ушиблись, исцарапались.

Но никаких махновцев не было. Случилось, как оказалось, вот что. Когда паровоз дернул состав, в одном из вагонов порвало сцепку, и все сложенные там узлы и ящики полетели на полотно дороги.

Поврежденный вагон отцепили, свалили с железнодорожного пути, и паровоз потащил состав, сделавшийся на один вагон короче. Штабной вагон будто бы нарочно был поставлен так, что почти весь дым от паровоза проходил через него. Разговоры прекратились, кое-кто дремал. Мы с Левкой сидели у раскрытой двери. Зеленые поля и березовые рощи были таким разительным контрастом с пейзажем нефтяных промыслов в Балаханах, Сабунчах и Сураханах, что мы не могли оторвать от них глаз.

(Продолжение на стр. 29—31)

**В ЦЕНТРАЛЬНОМ КОМИТЕТЕ ВЛКСМ
И МИНИСТЕРСТВЕ ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР**

С ноября прошлого года в стране началась Всесоюзная олимпиада «Студент и научно-технический прогресс». Как отмечается в совместном постановлении, принятом ЦК ВЛКСМ и коллегией Министерства высшего и среднего специального образования СССР, она проводится (по октябрь 1974 года) «...в целях содействия глубокому и творческому овладению студентами современными знаниями, воспитания у них любви к специальности, развития любознательности и навыков самостоятельной работы».

Руководство олимпиадой, которая пройдет в три тура, возложено на оргкомитет. В его состав входят известные ученые, руководители союзного и республиканского министерств высшего и среднего специального образования, ответственные комсомольские работники, представители вузов страны. В заключительном состязании примет участие 18 команд — четыре от Российской Федерации и по одной от каждой из союзных республик. Победители будут награждены специальными призами министерства и ЦК ВЛКСМ.

Министерство пересмотрело перечень специальностей, по которым готовятся кадры в заочных и вечерних вузах. Создан специальный Научно-методический совет по проблемам подготовки специалистов без отрыва от производства.

Научно-исследовательский институт проблем высшей школы — так называется созданное при министерстве новое научное учреждение. Его сотрудники будут вести исследования по широкому кругу вопросов. Это и учебно-воспитательный процесс в вузах, и организация научной работы, и методика применения технических средств обучения, и многое другое, что имеет самое непосредственное отношение к подготовке молодых специалистов

Ежегодно свыше сорока центральных и республиканских издательств выпускают новые учебники и пособия для студентов. В нынешней пятилетке выйдет в свет почти 5,5 тысячи наименований таких книг.

Сейчас разрабатывается план выпуска учебной литературы на 1976—1980 годы. Предусматривается значительно увеличить количество учебников по новой технике, гуманитарным и естественнонаучным дисциплинам, пособий для слушателей подготовительных отделений, по дипломному и курсовому проектированию, лабораторных практикумов, сборников задач и упражнений.

В 60 учебных заведениях страны созданы специальные подразделения для распространения научно-технической информации. Они помогут студентам быть в курсе новейших достижений отечественной и зарубежной науки и практики.

Утверждено Положение о стажерах-преподавателях вузов. Выпускники, проявившие склонность к педагогической работе, могут теперь начинать ее в должности стажера-преподавателя. В штаты тех вузов, которые имеют возможность обеспечить квалифицированное руководство стажировкой и располагают современной научно-методической базой, вводятся новые должности. Лица, успешно окончившие стажировку и рекомендованные на педагогическую работу, зачисляются без конкурса на должности ассистентов и преподавателей.

Может ли вуз выпускать «готовых» специалистов, которые досконально знают все особенности своей будущей работы? Очевидно, нет. Именно поэтому все выпускники высшей школы обязаны теперь проходить на предприятиях, в организациях и учреждениях, куда они направляются после получения диплома, стажировку сроком до года. В это время они будут выполнять должностные обязанности и получать заработную плату согласно штатному расписанию.

Такая стажировка, является, по существу, заключительным этапом обучения питомцев высшей школы, углубляющим их специализацию. Под руководством опытных и квалифицированных производственников стажеры ознакомятся с передовыми методами труда и управления в той области, где им предстоит трудиться многие годы. Период стажировки включается в трехлетний стаж производственной деятельности молодого специалиста по месту его распределения на работу.

Положение об этой стажировке, обязательное для всех ведомств, уже утверждено министерством.

ДВА НЕБОЛЬШИХ
РАССКАЗА
О
СТУДЕНЧЕСКОМ
СТРОИТЕЛЬНОМ
ОТРЯДЕ
МОСКОВСКОГО
ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО
ИНСТИТУТА,
РАБОТАВШЕМ
НА
САЯНСКОЙ
ГЭС

Виталий ЗЛОТНИКОВ
Фото Николая БОЛОТИНА

ТРЕТИЙ ТРУДОВОЙ

«Я БЫЛ БОЙЦОМ...»

Геннадий Майоров по восемь часов в день крушил ломом гранит, зачищая блок, и, конечно, уставал. Но усталость эта была приятной: ныли вечерами мышцы, и ему казалось, что они наливаются силой. Хотя и был он вполне здоровым и крепким парнем, но спортом в последнее время мало занимался и сейчас, орудуя ломом, с радостью готов был восполнить этот пробел.

— Ну как, держимся? — спрашивал его Виктор Цыганков, институтский друг, с которым они сейчас жили в одной комнате.

— Все нормально! — отвечал Геннадий.

Но, когда блок зачистили и стали заливать бетоном, Гена «взвыл», и впервые появилась у него робкая, не обросшая еще уверенностью мыслшка: а не смыться ли отсюда?

— Вира! — командовал крововещику бригадный стропальщик Иван Доронин, который на конкурсе «Лучший по профессии» был признан лучшим стропальщиком в отряде.

По его команде бадья, наполненная бетоном, взмывала над блоком.

— Майна! — и бадья опускалась вниз.

Бетон густой массой ложился на скалу, и ребята вонзались в нее вибраторами, чтобы она равномерно растекалась по блоку.

Работа с вибратором тяжелая — это тебе не лом! Во-первых, целыми днями держишь на весу эту машину. А кроме того, от вибрации весь сотрясаешься...

Вкусив всю прелесть бетона, Геннадий уже через несколько часов страшно жалел, что послушался Цыганкова и поехал в отряд. Захотелось ему, видите ли, пощеголять в защитного цвета студенческой рубашке с гордой надписью — «ХАКАСИЯ-73!» Витьке-то что! Он уже не первый раз в стройотряде. А кроме того, он и сам говорит: «Мы, деревенские, к любой работе приучены».

— Майна! — командует Ваня Доронин.

Бойцы, лихо сдвинув на затылок противоударные шлемы и оперевшись о свои вибраторы, встречают бетон шуточками:

— Капай, капай, родимый!.. Дорогу бетону!..

Это был первый студенческий бетон на Саянской ГЭС, и вся стройка поздравляла отряд с успехом.

А Генку при слове «майна» начинало лихорадить без вибратора. Попробовал он поработать вполсилы, но зоркий и неумолимый глаз бригадира Володи Мельникова сразу заметил это:

— Сачкуешь?

— Что же, передохнуть нельзя?

— Мы приехали сюда работать, а не передыхать. Посмотри, как другие вкалывают! Им, думаешь, легче?

Гена разобиделся и решил бросить все и уехать. В тот же день вечером после работы Генка шептал Цыганкову, который лежал на соседней койке:

— Вить, не могу больше.

— Как это?! — испугался тот.

— Ну не могу... Очень плохо себя чувствую, — соврал Геннадий и,

прислонив ладонь к левой стороне груди, добавил, тяжело вздыхая:

— Сердце пошаливает.

— Хватит трепаться! — не поверил Витя. — Просто слабо работать! Но учти: если сбежишь и опозоришь отряд, я тебе больше не друг!

Обычно очень добродушный, Виктор выглядел сейчас таким расстроенным, что Генка даже испугался и решил пока подождать с исполнением своего решения. Но, продержавшись кое-как еще пару дней, он окончательно пришел к выводу, что он «не ишак», а потому работать здесь больше не намерен. А тут еще пришло письмо от жены Гали, полное любви и нежности, и Генка решил немедленно бежать.

Пойти к командиру отряда и честно заявить, что он работать больше не хочет, Генка не решился — очень уж стыдно — ведь даже девчонки работают, и ничего. После продолжительного размышления Геннадий решил сказать больным. Он слышал, что если выпить на ночь много очень крепкого чая, то наутро проснешься бледным, с сильно учащенным пульсом. В тот же день купил две пачки чая и за ужином незаметно всыпал их в свою кружку...

Утром он с трудом поднялся с постели: кружилась голова, отчаянно колотилось сердце.

— Ты чего это такой... бледный? — обеспокоенно спросил Витя.

— Я же тебе говорил... сердце, — слабым голосом ответил Генка.

Отряд уже проснулся. В коридоре гремела музыка, прерываемая время от времени голосом командира, который объявлял в микрофон:

— До построения на линейку остается двадцать минут... пятнадцать... десять...

Витя Цыганков и Ваня Доронин, который жил в этой же комнате, подхватили Генку и потащили в медпункт. Отрядный врач Володя Ячменев долго выслушивал и ощупывал его.

— У тебя раньше такое бывало? — спросил он.

— Бывало, — соврал Генка. — Но я скрыл, чтобы меня приняли в отряд.

— Эх ты, голова садовая! — сочувственно проговорил Володя и склонился над бумагой.

Заклучение, которым он сопроводил больного, гласило: «Сердечная слабость, связанная с рабочими перегрузками. Обязателен строгий постельный режим в течение трех дней». Володя учился в медицинском институте на пятом курсе и, не считая обычной студенческой практики, где тебя все время опекают, самостоятельно врачом до этого не работал. Гена Майоров был его первым серьезным пациентом. Володя входил в состав штаба и ночевал вместе с другими «штабистами» на втором этаже. В эту ночь он несколько раз приходил к Геннадию и, присев на угол кровати, прислушивался к дыханию больного. Утром отрядный врач чувствовал себя хуже всех.

Слух о болезни Майорова моментально разнесся по всему отряду, и в его комнату началось паломничество. Переживали за него все, но, пожалуй, больше всех Володя Лысов. Хотя доктор и уверял его, что тех-

ника безопасности тут ни при чем, он все равно чувствовал себя виноватым и без конца проводил внеплановые производственные совещания с главным инженером отряда Эдиком Кякинином: может, что-то следует изменить в режиме работы?

Через два дня Гена пришел в себя и приступил к работе. А еще через несколько дней он повторил свой «чайный» эксперимент. На этот раз доктор был неумолим: «Геннадию Майорову работа в стройотряде категорически противопоказана!»

На следующее утро все свободные от работы бойцы провожали Генку на пристань: ему предстояло на теплоходе добраться до Абакана, а оттуда самолетом — в Москву. Перед тем, как попрощаться, командир объявил Геннадию приятную новость — до этого ее скрывали, решив преподнести больному сюрприз, — отряд решил (а штаб утвердил это решение) оставить его в списках бойцов. Ребята обязуются отработать за него и на равных поделиться с ним своим заработком.

— Ура!!! — дружным хором прокричали бойцы и бросились поздравлять Генку.

А он стоял молча и чувствовал, что розовая краска покрывает лицо. Пожалуй, он впервые в жизни сам себе стал противен.

— Мужики... Мужики... — со слезами в голосе обратился он к своему отряду и, собравшись с духом, рассказал все...

Вечером Генка лежал на своей койке среди своих друзей и слушал Валеру Дидуру, который пел для ребят под гитару. За совершенную провинность Генке завтра предстоял внеочередной наряд — весь выходной чистить на кухне картошку. Он один будет завтра работать, а весь отряд пойдет в тайгу за кедровыми орехами. Но это завтра... А сегодня Гена, слушая гитару, улыбался счастливой улыбкой и представлял себе, как через много-много лет он с гордостью будет говорить: «Я был бойцом стройотряда!»

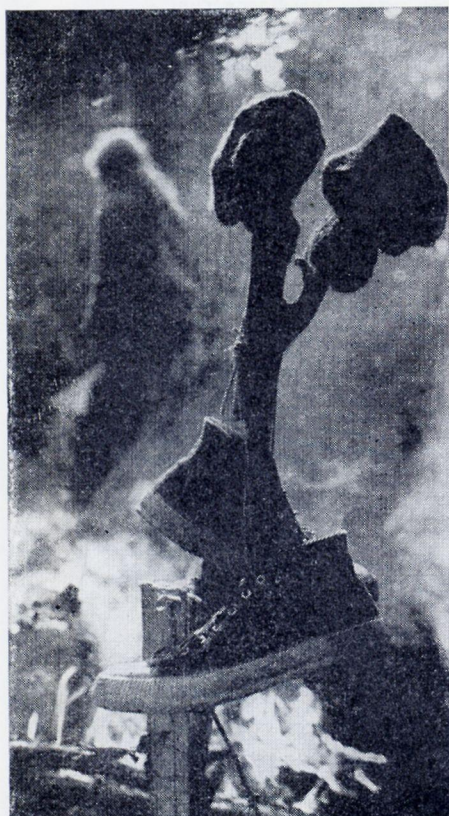
«МЫ ПРОИГРАЛИ? МЫ ВЫИГРАЛИ!»

Футбольная сборная отряда встречалась со сборной УОС (Управление основных сооружений). Это была первая спортивная (да и не только спортивная) встреча с местной молодежью, и ребятам, естественно, хотелось не ударить лицом в грязь.

Когда команда пришла на стадион, оказалось, что у противника не хватает одного игрока, а заменить его некем — о запасных не подумали. Капитан УОСа Сережа Пчелкин виновато разводил руками:

— Жена у него неожиданно заболела, что поделаешь!..

— Он тут будет мячи гонять, а она в это время возьми да помри, — серьезным тоном поддержал капитана кто-то из команды. Товарищи его дружно рассмеялись.

Было видно, что хозяева поля не принимали гостей всерьез: ну приехали, мол, ребята из столицы, ну и что?

Студентов пришло двенадцать (один запасной), и комиссар отряда Саша Штык, являющийся по совместительству капитаном команды, предложил Пчелкину «одолжить» им игрока.

— Ну что ж, давайте, если не жалко, — улыбнувшись, развел руками капитан УОСа.

Штык оглядел своих и решил пожертвовать Эдиком Кякиненем.

— Будешь играть за них, — сказал он.

— Кто? Я?! — изумился главный инженер отряда, и это изумление разделила с ним вся команда. Эдик был лучшим нападающим не только в отряде, но и в институтской сборной, имел первый разряд по футболу, и добровольно лишаться такого игрока было, конечно, безумием.

— Лучше давай я за них сыграю, — попробовал самопожертвоваться Генка Майоров.

— Правильно, пусть Геннадий играет! — поддержали его товарищи по команде.

Но капитан был неумолим, и лучшему футболисту стройотряда пришлось встать под флаги сборной УОСа. Вид у него был явно озадаченный. Он смотрел на комиссара и пытался вспомнить, не обидел ли чем в последнее время своего друга. Но так ничего не припомнив, Кякинен решил, что просто Александр Штык сошел с ума (возможно, от переменных климата, а возможно, и от умственных перегрузок — Саша собирался поступать в аспирантуру и даже в отряде готовился к вступительным экзаменам).

Противник же был об Эдике совершенно противоположного мнения. Ребята-строители смотрели на главного инженера и, еле сдерживаясь от смеха, вспоминали, как он целых два дня уже носится по стройке,

вымаливая для своего отряда «лишний» подъемный кран.

Обе команды выстроились на поле, и Сережа Пчелкин звонко и отчетливо произнес:

— Команде стройотряда МЭИ физкульт...

— ...ура-а-а!!! — дружно подхватили ребята.

— Ура-а-а! — запоздало и вяло поддержал своих новых товарищей понурый Эдик Кякинен.

Саша Штык выступил с ответным словом:

— Команде строителей Саянской ГЭС физкульт...

— ...ура-а-а!!! — грянули студенты. Игра началась.

Хотя Кякинен ясно сказал своему новому капитану, что его основная профессия — центрофорвард, Пчелкин все-таки не решился поставить его в нападение, полагая, что у того не поднимется нога бить по родным студенческим воротам.

— Будешь играть в защите, — коротко распорядился капитан.

— Но ведь я... — попробовал было возразить Эдик.

— Будешь играть в защите, — сухо повторил Пчелкин.

С первых же минут хозяева бросились в атаку, и вскоре вратарю сборной Ивану Доронину пришлось вынимать мяч из сетки.

Студенты устремились в ответную атаку, и юркий Штык, обыграв Эдика Кякинена, хитроумно послал мяч в нижний левый угол. Прошло еще несколько минут, и напористый начштаба Олег Рубан, обыграв того же Эдика Кякинена, вывел свою команду вперед. Обеспокоенный Пчелкин срочно перебрался Кякинена в нападение: в глубине души он был уверен, что этот «троянский конь» нарочно пропустил нападающих противника к воротам. Увы, эта перестановка ничего не дала, и в конце первого тайма студенты закрепили успех — 3:1!

На перерыв стройотрядовцы ушли довольные. Дидура запел песню, и вся команда дружно подхватила ее. Эдик, не в силах совладать со своим студенческим патриотизмом, тоже улыбался счастливой улыбкой, чем еще больше усугубил мрачные подзрения Пчелкина.

Саша Штык отозвал Кякинена в сторону и строго спросил:

— Ты что так играешь?

— Как? — не понял тот.

— Не стараешься, не бегаешь, ходишь по полю как вареный... Ясно, они решили, что мы им нарочно такого игрока подкинули.

— Какого это «такого»? — обиделся главный инженер. — Просто в жару бегать трудно.

Штык положил руку на плечо Эдику и, пристально глядя в глаза, сказал:

— Ты мне не финти! Играть ты должен с полной отдачей, лучше, чем бы ты играл за нас... Этим ты принесешь гораздо больше пользы и своей команде, и всему отряду, — комиссар постукал Эдика пальцем по лбу и добавил многозначительно: — Думать надо!

— Все ясно, господин дипломат! — насмешливо ответил Кякинен, намекая на пристрастие Саши Штыка к дипломатической литературе.

Подошел Цыганков и тоже стал журить Эдика:

— Уж раз так получилось, что ты за них играешь, то давай играй, покажи студенческий класс! А то нечестно получается.

— Ну хорошо, я вам покажу класс! — угрожающе проговорил Эдик и отошел к своим новым товарищам по команде.

Во втором тайме его нельзя было узнать: он играл с таким азартом и вдохновением, как, наверное, никогда раньше. Четыре безответных мяча провели хозяева поля в ворота студентов во втором тайме, и три из них были на «совести» Эдика Кякинена. Студенты проиграли 3:5.

Победители, восхищенные честностью и благородством студентов, после игры бросились качать Эдика и Штыка.

— Надо же! — удивлялся Сережа Пчелкин. — Я-то сперва подумал, что вы нам самого завалющего подсунули, а вы лучшего игрока отдали! Теперь я вижу, что вы правильные ребята.

Прораб Слава Витошкин, защищавший ворота хозяев поля, задумчиво посмотрел на Эдика и, своей огромной ручищей прочертив в воздухе обнадеживающий вензель, сказал:

— А насчет подъемного крана подумать надо... Я завтра потолкую с главным инженером стройки. Постараюсь его убедить.

С этого момента студенты отряда и строители ГЭС подружились. Стройотрядовцы приглашали своих новых друзей на все свои вечера, а те — на свои. На районном фестивале студентам доверили участвовать в поднятии флага. Ваня Доронин зажег от факела огонь фестиваля... А Слава Витошкин свое обещание действительно выполнил — сумел убедить главного инженера стройки, что отряду нужен свой, личный подъемный кран.

Дорогие читатели! Если вы хотите получить справку по интересующему вас вопросу, связанному с учебой, научной деятельностью, общественной работой, отдыхом или бытом, — с нынешнего номера к вашим услугам «Справочное бюро «Студенческого меридиана». Отвечать вам будут ответственные работники министерств и ведомств, руководители советских, комсомольских и профсоюзных организаций, ученые, писатели, журналисты.

УВАЖАЕМАЯ РЕДАКЦИЯ!

Все мы недавно еще учились в школе, а теперь стали студентами. Время от времени мы собираемся вместе, делимся впечатлениями, и, естественно, разговор заходит на самые разные темы, в том числе и о том, кто как живет, получает ли стипендию и т. д. И тут неожиданно выяснилось, что размер стипендий в вузах неодинаков. Так ли это и почему? Мы даже поспорили, но так и не пришли к единому мнению. Решили обратиться за разъяснением к вам. И еще: нас интересует, кто имеет право лишить стипендии?

Извините, что задаем такие чисто житейские вопросы, но мы не знаем на них ответа. Думаем также, что они возникают не только у нас.

Андрей МАЗАНОВ, Ирина ЗОТОВА, Евгения ГЛЕБОВА,
Михаил КАЛАШНИКОВ
Москва

ОТВЕЧАЕТ НАЧАЛЬНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ОТДЕЛА МИНИСТЕРСТВА ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ СССР ЕВГЕНИЙ ИВАНОВИЧ ВОЙЛЕНКО

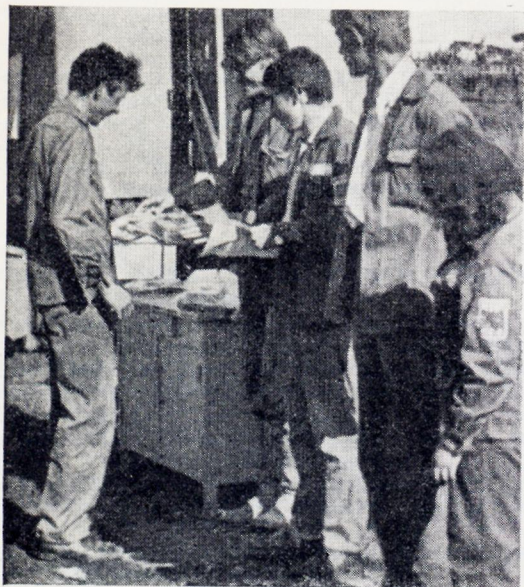
— За последнее время благодаря постоянному вниманию и заботе Коммунистической партии и Советского правительства значительно улучшились материальные и жилищно-бытовые условия студентов высших и учащихся средних специальных учебных заведений. Только на повышение стипендий и расширение числа стипендиатов государство дополнительно выделяет в этой пятилетке 1,5 миллиарда рублей.

С 1 сентября 1972 года для студентов вузов установлен единый основной размер стипендии: на I—IV курсах — 40 рублей, на V—VI, а также на IV курсе при 4-летнем сроке обучения — 45 рублей в месяц.

Что же касается вопроса, поставленного авторами письма, то ответ на него можно найти в инструкции Министерства высшего и среднего специального образования СССР о порядке назначения и выплаты стипендий студентам вузов. В ней говорится, что обучающимся по горным, металлургическим, нефтяным и лесным специальностям основной размер стипендии увеличивается на 10 рублей в месяц; по специальностям дефектологии, специальной техники, а также тем, кто учится в юридических институтах, Московском государственном институте международных отношений, советским студентам Университета дружбы народов — на 15 рублей в месяц.

Повышенная стипендия в указанных вузах связана с особыми трудностями учебы и дальнейшей работы по полученной специальности. Кроме того, в ряде высших учебных заведений обучение ведется по усложненной программе, от студентов требуется безукоризненное знание иностранного языка, умелое владение особыми приемами и методами, связанными с будущей профессией. Нередко при приеме в эти институты учитывается опыт практической работы по избранной специальности, рекомендации партийных, комсомольских и профсоюзных организаций.

И второй вопрос: кто имеет право лишить стипендии? Только ректор и лишь в исключительных случаях, да и то временно — за нарушение дисциплины. Соответствующее представление ректору дается деканом совместно с партийной, комсомольской и профсоюзной организациями факультета.

...И всегда,
где было трудно
и требовались
помощь, совет,
мы знали —
там комсорг.
...Умеет он
«завести» ребят.
Для них он
настоящий
авторитет.

Третий год подряд Сергея избрали комсоргом группы. Единогласно. И объясняют этот факт его сокурсники так: другого мы себе комсорга не представляем.

Сергей Внученков из тех людей, с которыми всем легко и просто. Но ошибется тот, кто решит, что характер этот у него от удачливой, не представляющей особых волнений жизни. Как раз все наоборот. Именно потому, что за свою небольшую жизнь он успел преодолеть немало трудно-го, Сергей совершенно отчетливо себе представляет: главное — честность. Прав-

да в людях, правда в самом себе. Его простота — в честности.

Нет, на везучесть ему надеяться нельзя. В этом он убедился сразу же после школы, когда отправил по почте свой аттестат зрелости в приемную комиссию Ивановского энергетического института. Не прошел по конкурсу... Пришлось серьезно думать, что делать дальше. Ведь он твердо решил: буду в институте! Но, видно, пока до вуза не дорос. Нужно готовиться основательней. Можно, конечно, плыть по воле волн, ждать до следующего лета, до новых вступитель-

ных испытаний в институт, но честно ли так будет?..

Он вернулся в Калугу и поступил в ГПУ-3. Учился основательно, на совесть. Но весной в военкомате сказали: «Готовьтесь, Внученков, к службе в Советской Армии». А до окончания училища еще несколько месяцев... Подал заявление: «Разрешите сдать выпускные экзамены досрочно...» Нелегко пришлось, но и в этот раз выдержал характер, все экзамены — на «отлично».

И еще он усвоил из всех своих «лекций» в жизни: быть как можно больше среди людей, верить им,

КОМ

поступать так, чтобы верили тебе. Поэтому не отмахивался от всяких поручений, а, наоборот, радовался им. «Интересно, — проверял себя, — сумею ли?» Так и пошло: в школе — член редколлегии стенгазеты, в ГПТУ — профорг группы, в армии — член комсомольского бюро взвода.

Так что пришел Сергей Внученков в приемную ко-

ную цену товарищеской дружбы. Таких подмечают быстро и тянутся к ним. С ребятами из его группы трудно не согласиться. Да, Сергей стал их комсоргом, и это было само собой разумеющимся.

Вот что о нем сейчас говорят.

Г. ПРОВОТОРОВА, староста группы ЭТ-421:

— Сергей — один из лучших наших комсоргов. Любая комсомольская задумка факультета, института — Внученков один из первых. А на комсомольское собрание его группы хоть посылай новичков комсоргов на стажировку. Умеет он «завести» ребят. Для них он настоящий авторитет. Кстати, его группа вот уже чет-

Сковородинского района комсомола.

Лекции, семинары, воскресные вылазки всей группой на лыжах в лес, часы затишья в читальном зале, взрывные минуты комсомольского собрания — привычные ритмы жизни комсорга Сергея Внученкова.

Что было самым трудным в твоей комсомольской работе?

миссию Московского института инженеров железнодорожного транспорта не робким школьником, а человеком зрелым, знающим высо-

— Семь сессий осталось за нашими плечами, и за все это время в зачетке у Сережи самыми редкими гостями были четверки. Сейчас он отличник. Что и говорить, приятно, когда комсорг первый не только на собраниях, но и на экзаменах. А как он помогает тем, у кого не все ладится с учебой!.. Ведь наш Сережа — это душа, распахнутая навстречу каждому. Нет, только не подумайте, что он рубаха парень. Справедливый у нас комсорг...

Т. ЛУТОНИНА, член комсомольского бюро экономического факультета МИИТа:

вертый год подряд лучшая в институте.

А. БЕЛОВ, комиссар студенческого строительного отряда БАМ-73:

— Прошлым летом мы были на строительстве магистральной. Комсоргом отряда избрали ветерана ССО Сергея Внученкова. В этом выборе ни у кого не было сомнений. Мы хорошо поработали, и везде, где было трудно и нужна была помощь, совет, где звучали струны гитары, мы знали — там комсорг. Наш отряд занял первое место в своей зоне, а Сергей был назван лучшим комсоргом и награжден Почетной грамотой

— Сплотить группу. Самое важное — создать из двадцати пяти индивидуальностей коллектив, живущий общими интересами. Дело это долгое и трудное...

— А самое для тебя приятное?

— Чувство, что тебя понимают, что ты нужен товарищам.

Вот так живет комсорг Сергей Внученков.

А недавно лучшая группа МИИТа «выдавала в мужа» жениха Сергея Внученкова. Девчонки заворожено глядели на невесту, вздыхали: «Счастливая!..»

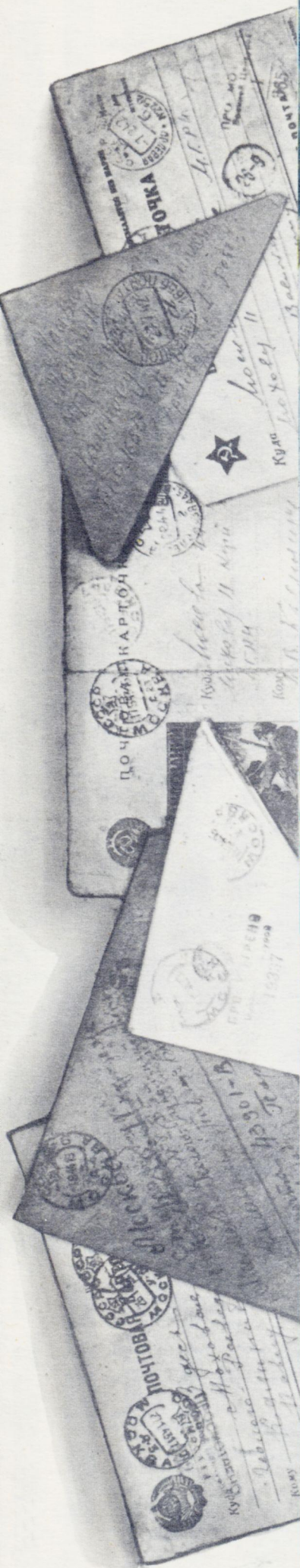
КОМСОРГ

Пожелтевшие треугольники с солдатскими штемпелями, открытки, листки, вырванные из школьных тетрадей, строки, написанные второпях, уже выцветшие от времени. Эти письма дошли до нас через три десятилетия. Они напоминают нам о войне. Опять о войне... Их писали своим родным, близким студента, которые в суровую годину войны сменили свои институтские аудитории на сырые окопы фронтов...

Мы разыскали эти письма в архивах вузовских музеев, у ветеранов войны, для которых священна память о своих сокурсниках, у родных студентов - фронтовиков, которые хранят пожелтевшие треугольники как самые дорогие реликвии. А сколько еще таких писем хранится в сокровенных семейных тайниках! Неизвестные по сей день людям героические судьбы...

Перечтите еще раз письма фронтовиков-студентов, хранящиеся в вашей семье, подумайте: может, стоит, просто необходимо переслать их нам, чтобы о суровых испытаниях, принесенных войной вашему отцу, старшему брату, матери, подруге, об их мужестве узнали те, кому сегодня двадцать?..

Лилия

«БЕЗ СВОБОДНОЙ РОДИНЫ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ СВОБОДНОЙ НАУКИ»

Евгения РУДНЕВА

Студентка МГУ. По призыву ЦБ ВЛКСМ поступила в штурманскую школу, организованную Мариной Расковой. Погибла 9 апреля 1944 года, совершая свой 645-й боевой вылет. Посмертно удостоена звания Героя Советского Союза.

ПРОФЕССОРУ С. Н. БЛАЖКО:

«Уважаемый Сергей Николаевич! Пишет вам ваша бывшая студентка Жена Руднева из астрономической группы... Сегодняшнее утро меня очень взволновало. Я держала в руках сверток, и в глаза мне бросилось название газетной статьи «На Пулковских высотах». Я, конечно, и раньше знала, что фашисты разрушили Пулково, но я никогда не могла подумать, что варварство может дойти до такой степени, чтобы не оставить камня на камне от этого храма науки, от нашего Пулково. Зимой я училась, а теперь уже 5 месяцев, как на фронте. Летая штурманом на самолете... Свою первую бомбу я обещала им за университет — ведь они его бомбили... На сегодня у меня 225 боевых вылетов. И я не хвалиться хочу, а просто сообщаю, что честь университета я поддерживаю — меня наградили боевым орденом...

Я очень скучаю по астрономии, но не жалею, что пошла в армию... Без свободной Родины не может быть свободной науки.

Глубоко уважающая вас Е. Руднева».

«Я НЕ МОГ ПОСТУПИТЬ ИНАЧЕ»

Владимир СУМИН

Студент 4-го курса геофизического факультета Московского геологоразведочного института. Погиб в апреле 1942 года в бою у деревни Моютовыцы Новгородской области.

МАТЕРИ:

«У меня большие перемены. Я теперь боец Красной Армии. 16 октяб-

ря 143 коммуниста и комсомольца нашего института вступили добровольно в ряды особого Рабочего Краснопресненского батальона. Среди них был и я. Я не мог поступить иначе, когда Родина и наша Москва подвергаются величайшей опасности. Думаю, что вы будете того же мнения. Врага я буду встречать своим пулеметом «максимом», изучением которого сейчас усиленно занимаюсь.

21 октября 1941 г.».

ШКОЛЬНОМУ ТОВАРИЩУ:

«Наша часть, наступая на деревню, заняла ее почти всю, но фашисты встретили нас таким шквальным огнем, что представить даже трудно. Нашему пулеметному взводу пришлось двигаться по открытой местности. Тащить пулемет, хотя и поставленный на лыжи, по глубокому снегу было ужасно трудно. Внезапно с елки нас обстрелял автоматчик и ранил всех троих. Меня — в кисть руки, навывлет. Быстро перевязав рану, я продолжал идти вперед...

Гитлеровцы открыли ураганный огонь из автоматов, но мы бросились в атаку, враги отступили. Но они успели поджечь некоторые дома и сарай, в котором остались раненные в прошлом бою красноармейцы. В госпиталь я пошел на другой день, к вечеру, так как из раны все время сочилась кровь.

Ты помнишь, сколько нас уходило из института на фронт, так более половины ранены, многие дважды побывали в госпиталях, а некоторые убиты. Их особенно жалько. Но студенты-геологи выдержали боевое крещение и не дрогнули перед врагом.

22 февраля 1942 г.».

«ЭТО — БИТВА ЗА СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Хазби КАЛОЕВ

Учащийся 5-го курса Северо-Осетинского педагогического училища. Командир танка. Погиб в бою под Белгородом 8 июля 1943 года. Ему было неполных двадцать два года...

ДРУГУ:

«Идут дни, идут месяцы, скоро пройдет и год. Мы перешагнем через зияющую брешь, перепрыгнем через пропасть и выйдем на путь грядущий... Это битва за жизнь, за справедливость. Враг не пройдет! И горе тому, кто дрогнет, кто бросит свое оружие и повернет назад! Многие сложат свои головы на полях сражений, многие отдадут свою

жизнь за счастье, за свободу будущего поколения, за тех, кто останется в живых...»

Друг мой, не беспокойся, я самый яростный противник смерти, она бессильна против меня. Я пошлю к черту тысячу смертей и сам стану злым и коварным, как она, похищая всех позорящих мир людишек. «Погибнуть или победить!» Это девиз каждого истинного патриота.

13 мая 1942 г.».

«ТЕБЕ НЕ ПРИДЕТСЯ КРАСНЕТЬ»

Давид МИКЕЛАДЗЕ

Студент Тбилисского университета. Сейчас — учитель математики в сельской школе Грузии.

ОТЦУ:

«Вот и наступает еще одна весна. У вас уже, наверное, тепло. Здесь же лучи солнца пока не греют — север. Но это те же лучи, что и в Грузии. И мне хотелось бы, чтобы они донесли до вас мой солдатский привет.

Дела здесь идут неплохо. Гоним фашиста от многострадального Ленинграда. Нам стало известно, что у них уже был назначен комендант города. Но не вышло. И никогда не выйдет.

В нашей роте... русские, грузины, украинцы и татары, казахи и азербайджанцы. И вот, когда есть возможность, ребята собираются вместе покуригь. И знаешь, о чем они говорят? О родных местах, об отцах и матерях, о невестах. И говорят о том, что, воюя здесь, под Ленинградом, защищают их, своих близких.

У меня, отец, тоже такое ощущение, будто за спиной у нас не город на Неве, а наш родной Самтредиа. Видимо, в этом и проявляется в жизни та самая сила, которая называется дружбой народов нашей страны. Крепко споткнулись гитлеровские захватчики об эту дружбу. Основательно заскрипела их военная машина.

Иногда, когда можно, думаю об учебе. Ничего, что пришлось прервать ее. Останусь живой, все еще можно наверстать. Было бы желание.

Ты, отец, пишешь, чтобы мы побыстрее прогоняли фашистов и приезжали домой. Что же, принимаю этот твой наказ как приказ командира. Обещаю, что тебе не придется краснеть за своего сына.

Март 1944 г.».

тебе с фронта

«ВОТ И НАСТУПИЛ ДЕНЬ РАССТАВАНИЯ»

Вера ВОЛОШИНА

Студентка 3-го курса Московского кооперативного института. Разведчица партизанского отряда. В ноябре 1941 года в Наро-Фоминском районе, раненую, ее схватили фашисты. Так же, как и Зоя Космодемьянская, не назвала своего имени. Гитлеровцы повесили юную партизанку в деревне Крюково.

ПОДРУГЕ:

«Милая Маринка! Вот и наступил день расставания, о котором мы раньше часто думали, но не предполагали, что оно будет в таких условиях. Я уезжаю на фронт, ты тоже куда-то уедешь, и увидимся ли мы когда-нибудь — это вопрос будущего. Годы, проведенные вместе, останутся у нас в памяти до конца жизни, потому что это самые хорошие годы. Я надеюсь на лучший исход всего происходящего и надеюсь посмотреть, что будет год спустя... 14 октября 1941 г.»

«Я СЕБЯ ЧУВСТВУЮ СПОКОЙНО»

Надежда КОВАЛЕНКО

Студентка 1-го курса биологического факультета МГУ. Вынесла с поля боя десятки раненых. В январе 1943 года погибла.

МАТЕРИ:

«Родная мамулька! Пока я нахожусь на ПИМ (полковой пункт медпомощи), в любую минуту меня могут послать на поле боя. С сегодняшнего дня будет много работы, не знаю, скоро ли смогу тебе написать. Я знаю, это письмо дойдет до тебя не скоро, когда многое уже изменится... Я себя чувствую совсем спокойно, только очень хочется, чтобы о тебе кто-нибудь близкий думал сейчас.

Еще несколько минут, и начнется большая работа, как-то я справлюсь с ней. Думаю, не подкачаю, хотя знаю, что придется очень нелегко. Старший сержант Красной Армии, Надя.

15 сентября 1942 г.»

«СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ПОДДЕРЖАЛА НАС»

Яков ВОБЛОВ

Аспирант Краснодарского химико-технологического института. Политработник танкового подразделения. Погиб под Сталинградом.

ЖЕНЕ:

«Не беспокойся, родная, мы разобьем фашистов. Ты меня просишь, чтобы я не горячился, зря не лез под пули, чтобы помнить, что у нас есть дети. Все исполню. Под пули зря лезть не буду, но соевать буду

беспощадно. Иначе не могу. Я знаю, что такое Советская власть и как она досталась. Я тебе говорил, что отца моего, Никиту Платоновича, белобандиты расстреляли в станице Ладожской, на моих глазах расстреляли, когда я был еще совсем маленький. Знаешь, что у матери нашей было нас шестеро, мал мала меньше, но Советская власть подержала нас, дала возможность опериться. Я вот даже ученым стал. Поработать только фашисты не дали. Но я еще наверстаю. И о детях, родная, всегда помню. Береги их. Мы их вырастим, и образование они получат. Мы еще заживем прежней счастливой жизнью.

Март 1942 г.»

«КРАСНЫЕ СОЛДАТЫ НЕ ПОДВЕДУТ»

Георгий СУВОРОВ

Студент Краснодарского пединститута. Поэт. Погиб на реке Нарве 13 сентября 1944 года. В 1968 году посмертно награжден мемориальной медалью конкурса имени Николая Островского.

СЕСТРЕ:

«Здравствуй, дорогая Тамара! Наконец после многих стараний я отыскал свое местожительство. Величайшая радость снова найти тебя!!! Как хорошо иметь сейчас родного человека! Я убедился в этом...

Научился ...я очень многому. Вначале было неприятное ощущение, что через минуту можешь умереть. Постепенно привык. Научился воевать. Фашисты здесь перли как черти... Пятого ноября я был ранен в правую ногу... Ранение было тяжелое. Эвакуировали меня в Сибирь, в Алтайский край. В госпитале пролежал до 26 января... Скоро меня отправили на курсы младших лейтенантов в город Тулу.

Из Тулы приехал в Москву... Познакомился с большим советским поэтом Алексеем Сурковым. Он похвалил мои стихи. А лигобъединение при ЦК ВЛКСМ (я теперь комсомолец) устроило радиопередачу моих фронтовых стихов. Читал сам.

Прошло полтора месяца, как я опять на фронте. Не так давно побывал в Ленинграде. Сколько пережили ленинградцы! Сколько испытали! В Ленинграде я увиделся с поэтом-орденоносцем Николаем Тихоновым. Мои стихи ему очень понравились...

Писать стихи я не бросал ни на минуту. Писал в поезде, отправляющемся на фронт. Писал в госпитале. Писал под ожесточенными бомбежками. Везде писал. Обо всем писал. И сейчас пишу.

Гремит артиллерийская канонада. Снаряды рвутся там и там. Земля дыбом. Скоро наша часть пойдет в наступление. Это очень радостно...

...Передай привет от меня и от моих друзей своим знакомым. Скажи, что красные солдаты не подведут.

Твой брат Георгий,
2 сентября 1942 г.»

ВОТ ОНА КАКАЯ, ПОЛЕВАЯ ПОЧТА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ... И по сей день продолжает доставлять нам, живущим в семьдесят четвертом году, письма с фронтов грозных сороковых. Время стерло с лица нашей родной земли тяжелые шрамы войны. Но неподвластна годам наша память. Мы всегда будем хранить в сердце великие подвиги героев, их негибаемое мужество, беззаветную преданность матери-Отчизне.

Вчитайтесь еще раз в письма студентов-фронтовиков. Подумайте над каждой строкой, буквой, представьте тот краткий миг единения солдата, отрешения его от неизбежности близкого боя или нестерпимой боли в госпитальной палате — ради нескольких строк домой.

Я вижу большой смысл в сегодняшнем обращении «Студенческого меридиана» к родным, близким героев-фронтовиков с призывом раскрыть свои семейные архивы, поделиться самым сокровенным с теми, кому сегодня учиться жить.

Письма Великой Отечественной... Многие из них стали самыми первыми, самыми яркими реликвиями музеев боевой славы институтов и университетов, техникумов и училищ... В них, скупых фронтовых весточках, ищут истоки мужества и стойкости солдат Великой Отечественной войны посетители известных сегодня в стране музеев Харьковского государственного университета, Казанского механического техникума, Волгоградского института инженеров городского хозяйства и многих других.

Приближается 30-я годовщина победы советского народа в Великой Отечественной войне. Этой знаменательной дате посвящен очередной этап Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа.

Как сделать, чтобы о каждом герое знал каждый студент?

Что нужно предпринять, чтобы под знамя твоего следопытского отряда пришли новые бойцы?

Мы должны сделать все, чтобы в каждом вузе страны, техникуме, училище появились музеи и уголки боевой славы. Дело это совершенно необходимое, и оно должно стать делом комсомольской чести. Вам помогут в этом ветераны армии и флота, партизаны, труженики тыла, военные комиссариаты, организации ДОСААФ, туристские учреждения. Думается, что и администрация учебного заведения, профсоюзы не пожалеют средств на это благородное дело. Но главное — ваша настойчивость, горение, понимание тех высоких задач, которое несет наше следопытское движение.

В поиск, друзья! Пусть будет он настойчивым и успешным. Пусть музьяют ваши сердца на дорогах славы отцов, по которым вы идете.

И. Х. БАГРАМЯН,
Маршал Советского Союза,
Герой Советского Союза, председатель Центрального штаба Всесоюзного похода комсомольцев и молодежи по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа

ПАБЛО НЕРУДА:

” Я ДУМАЮ В НОЧИ,
ЧТО БУДЕТ

БЕССОННИЦА

Я думаю в ночи, что будет с Чили?
С моей несчастной,
с моею темной бедною страной?

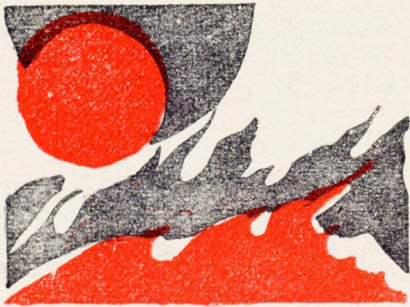
Я так люблю кораблик этот тонкий,
все камни, комья,
негаснущую розу побережья,
живущую бок о бок с пеной,
что стал единым целым с этой далью,
сошелся с каждым из ее детей,
с ее сквозными временами года, —
я с ними плакал, с ними расцветал.

Я ощущаю, как сейчас, едва лишь
пошел на убыль мертвый год сомнений,
и обескровившая нас ошибка
ушла, и снова начали мы счет
добру и справедливости, — как снова
повеяло угрозой
и злоба щерит пасть из-за угла.

Пабло Неруда. Кому неизвестно это имя! Переведенные на десятки языков, его стихи звучат на всех континентах и на всех континентах любимы и популярны.

Пабло Неруды больше нет в живых. Его большое сердце не выдержало надругательства над родиной, оно остановилось, потому что не могло биться в унисон с грохотом автоматных очередей на стадионе в Сантьяго. И миру с фотографий и телевизионных экранов предстал мертвый дом поэта, озаренный костром, в котором горели его книги, его рукописи...

Фашиствующая чилийская хунта хотела бы, чтобы народ Чили, весь мир забыли поэта, чтобы имя его стерлось в памяти людей, но — «Рукописи не горят». И сегодня, прощаясь с великим чилийским поэтом, ушедшим от нас навсегда, мы говорим его поэзии «здравствуй».

Он был поэтом в самом высшем значении этого слова — певцом свободы, человеческого достоинства, он не отвращал своего лица от страданий, грязи и нищеты, он прямо и открыто говорил о несправедливости, царящей на земле, об убожестве жизни бедных и роскоши богатых, его сердце было камертоном, чутко отзывавшимся на всякую самую малую человеческую боль. «Смотрите: кровь течет по мостовым», — писал он о растоптанной фашистским сапогом республиканской Испании. Тогда, в 1936 году, он присягнул на верность демократическим идеалам, идеалам свободы, справедливости, и борьба за них стала делом его поэзии, его жизни.

Обаяние его личности было велико. Но обаяние его поэзии — беспредельно.

ВИДЕНИЕ

Как вечно ты возникаешь
из прошлого,
разгораясь, бледная моя
студентка;
растекшиеся и застывшие месяцы
все еще ищут утешения у твоего
голоса.

Твои глаза боролись, словно гребцы,
одолевающие мертвую
бесконечность,
и светились сонной и явной
надеждой,
как существа, которые выходят
из моря —

из самой далекой дали, из глуби,
где запах земли — уже иной запах,
а предраассветная свежесть плачет,
как плачут перед рассветом
смуглые маки.

На самой вершине застывших дней
полдневный бесчувственный юноша
засыпал в сиянии твоего света,
опершись на него, как на саблю.

Между тем вырастает в тени
забытья,
простертого в бесконечность,
цветок одиночества, мокрый
и смутный,
как земля под пологом долгой зимы.

Рисунки И. ДАНИЛЕВИЧ

ОДА ЛЮБВИ

Любовь, пора подбить счета.
В мои года
нет смысла
обманывать, обманываться.
Я был грабителем с большой
дороги,
и, знаешь,
мне не стыдно
за вечность краткого мгновенья,
за магнолию,
которую терзал зубами,
и за мерцанье
сводницы-луны.
Что было — было, но каков итог?
В ту пору одиночество
сплетало сети
из студенья лилий
и розовая королева
с островов
покоилась
в моих объятьях.
Любовь, ты знаешь:
одна-единственная капля,
пусть эта капля
падает хоть вечность
в полночи весенней,
не станет океаном, —
я остался одиноким,
пустым, чего-то ждал...

И вот произошло!
И та, что накатила
в мои объятья, как волна,
та, что была
летучим ароматом
рассветного плода,
вдруг
замерцала звездочкой,
как горлянка, затрещала, —
и вдруг я ощутил,
что кожу мою ожгло,
а это были волосы пожара.

С тех пор, Любовь,
все стало просто.
Я внял приказам
заспавшейся души,
и обнял ее тело,
и рот ее призвал
всей властью
поцелуев,
словно король, штурмующий
отчаявшимся войском
маленькую башню, где растет
лесной цветок глухого детства.
Поэтому, Любовь, мне кажется,
что может быть крутой
и путаной твоя трона,
но в пору,
когда ты возвращаешься
с охоты
и снова разжигаешь
свой костер, —
то, как мы любим,
должно быть словно хлеб —
простым, как хлеб насыщенный.
Любовь, и это
ты мне дала.
Когда впервые
она мои объятья посетила, —
она нахлынула,
как яростное половодье.
Сегодня
она в моих руках.
Но руки мои малы,
мелки ложбины моих глаз,
чтобы вместить весь этот клад,
весь водонад немеркнувшего света,
всю золотую прияку,
весь хлеб ее благоуханья,
а попросту сказать —
то, что зовется
моею жизнью.

НЕ ВСЁ В СЕГОДНЯШНЕМ ДНЕ — СЕГОДНЯ

Вчерашний день
в сегодняшнем остался
обрывком знамени,
обломком доски
или намеком на иссякший свет,
морской травинкой
из бассейна ночи,
древесным неистлевшим волоконцем,
упругой золотой чистотой:
есть что-то, что, иссякнув, остается,
расплывчатое, выцветшее в стрелах
драчливого бунтующего солнца.
И если впрямь
вчерашний день иссяк
в сияющей свободе,
в самовластье
сегодняшнего дня, где мы живем, —
то почему же он летит назад,
как стая ласточек, дрожа, сплетая
свою голубизну с голубизной,
которая ушла?

Могу ответить.
Твоя душа
живет в пространствах света,
становится все меньше, исчезает,
чтоб вырасти,
как колокольный вздох.
От умирания до возрождения
не так уж далеко,
и не настолько
граница преступна между ними.
Свет — круглый, он похож на шар,
а мы
в его движеньи движемся и дышим.

ЗАБВЕНЬЕ

Спросило дерево: как звать тебя?
Какие у тебя листочки?
Спросила башня:
каков твой рост?

Я растянулся на земле —
она не спрашивала ни о чем,
она все знает, потому что ждет
и все узнает от людей,
которые ее дождутся, —
всезнайка, она похожа на забвенье,
вот именно — нет у нее пределов,
нет границы, нет
конца, как нет причала у забвенья.

СВЕТ СОЧИ

Сегодня в чаше Сочи
столько света, —
он плещет через край, слепит глаза:
своих лучей сберечь не может море
под неподвижным
циферблатом неба,
и лишь волна, как бабочка морская,
без усталости порхает над песком,
над целомудрием воды и камня,
где соль и солнце
трогают друг друга,
как два нагих бессмертных

божества.

УМЕРШЕМУ БЕДНЯКУ

Сегодня мы хороним бедняка,
безрадостного нашего беднягу.

Жилось ему так скверно,
что, может быть, впервые этот житель
жилище обретет.

Ни дома не было у бедолаги,
ни азбуки, ни плуга,
ни простынь,
вот так, скитаясь, он и умирал
от недостатка жизни — шел на убыль,
и длилось это с самого рождения.

По счастью, — если только это счастье, —
все, от епископа и до судьи,
ему твердили, что взамен земли
получит небо бедный наш бедняга,
и, умерев, надежно умерев,
наш бедный бедолага не смекнет,
что делать с этаким наделом неба —
возьмет ли плуг его, взойдет ли колос
и можно ли косить на облаках?

Он только это и умел — сражаться
до изнурения с землей, а небо
так мягко, что и венашка не нужна,
и в окруженье неземных плодов
свое возьмет он голыми руками,
там будет стол накрыт, а на столе —
все небо перед ним, ешь — не хочу,
и наш бедняк шестидесятилетний,
который голодал в земной низине,
чтоб честь по чести на небе отъестся,
которого не будут больше бить,
сажать в острог
за то, что хочешь есть, —
в своем жилище конечном под землей
уже не должен будет защищаться,
не должен будет драться за прибайку.
Он и не ждал подобной благодати:
из грязи в князи, и на том спасибо, —
видать, от счастья он и онемел.

Какой тяжелый наш бедняга бедный!
Он из одних костей и черных глаз,
но этот чистый вес на плечи давит
тем, что ему от веку не достало.
Двужильный житель,
сколько он бродяжил,
мотыжил пустошь и ворочал камни,
кошил пшеницу и возился с глиной,
носил дрова, крошил руками серу,
тяжелый этот человек — ах, горе! —
был бос, весь этот цельный человек,
силетенье мускулов и сухожилий,
был темен, все его нещадно били,
все ездили на нем, но он исполнил
свои обязанности, — и сейчас,
взвалив на плечи гроб, мы постигаем
весь вес того, чего он был лишен,
а мы ему не помогли при жизни...

Сейчас мы понимаем, что несем
то, что ему недодали, но поздно:
он тяжестью своей нас придавил.
Умерший, — сколько весил он живых?

Он весит целый мир, и, пригибаясь,
его несем мы из последних сил.
Ну да, само собою, небо — едоба...

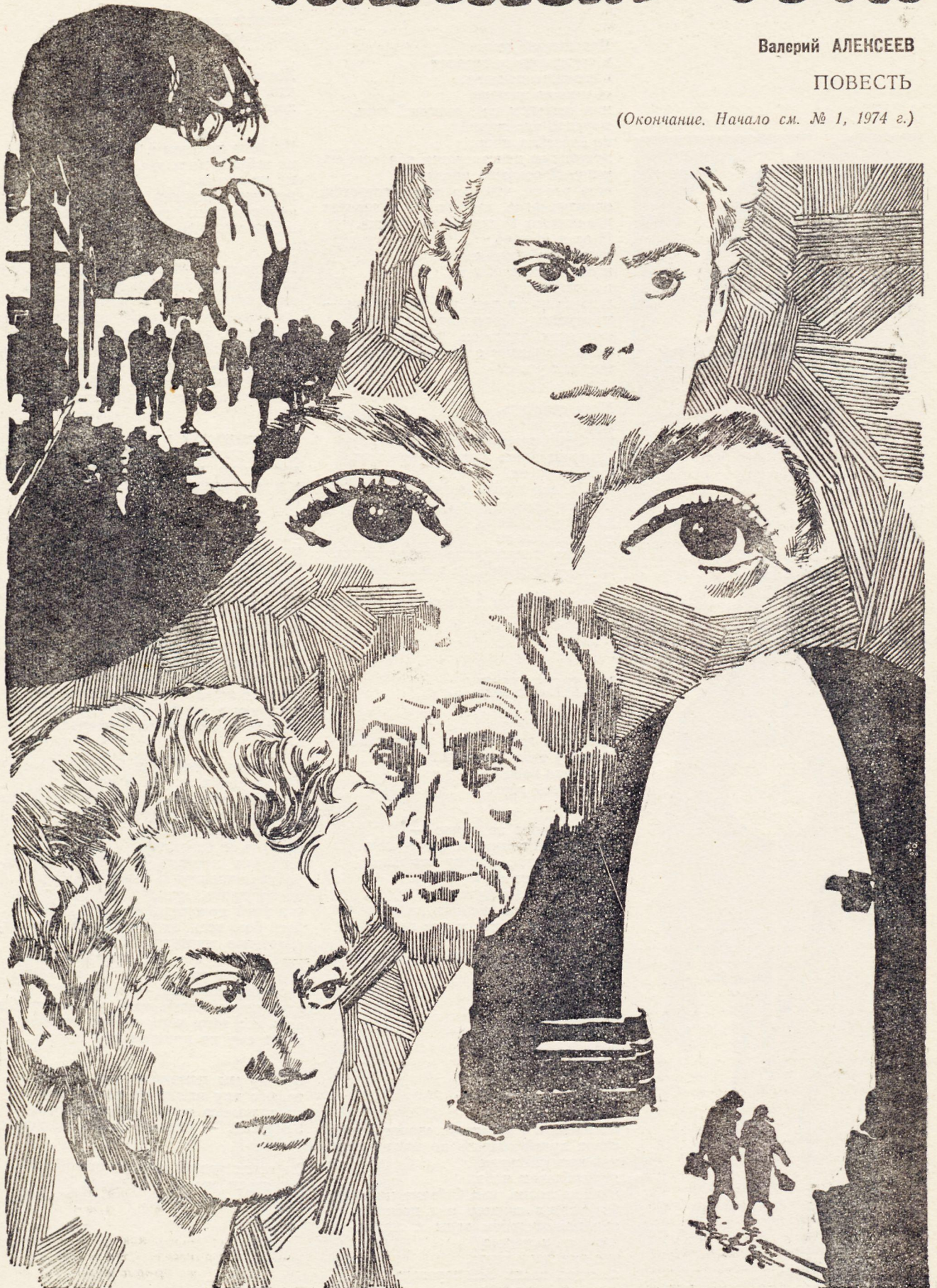
Перевел с испанского
Павел ГРУШКО

ОТКРЫТЫЙ УРОК

Валерий АЛЕКСЕЕВ

ПОВЕСТЬ

(Окончание. Начало см. № 1, 1974 г.)

Когда Кирилл вернулся, Самохин уже лежал под одеялом.

— Возможно, ты и великий педагог, — взволнованно сказал Кирилл и сел, не раздеваясь, к столу. — Очень возможно. Но человек ты и в самом деле крайне жестокий.

— Не надо суетиться, Кир, — мягко ответил Самохин. — Во все времена жестокость себя оправдывала. А впрочем, о чем ты?

— Живые люди для тебя материал, — сказал Кирилл, глядя на него в упор.

— Может быть, может быть, — согласился Самохин. — Такая уж наша с тобой профессия. Еще что скажешь?

— Тебе лишь бы эксперимент поставить. Как будто с мышами работаешь. А между прочим, это не мыши, а люди. Тебе не интересно, что они сами по поводу твоих экспериментов думают?

— Интересно. — Самохин заворочался, вылез из-под одеяла, сел на подушку. Был он в красной футболке, которую обычно надевал перед сном. — Интересно, с чего это ты на меня взъелся? Задело, что я тебя высмеял перед этим ребенком? Для твоего же, милый Кир, блага.

— Да что ты знаешь о моем благе? — вспыхнул Кирилл. — А этого ребенка можешь спокойно записать в свой «актив». Она сказала, что никогда тебя не простит.

Самохин нахмурился.

— Что, что? — переспросил он. — Не простит? В каком, собственно, смысле?

— Ну, видишь ли, — смутился Кирилл, — у нее это слово имеет особое значение.

— А-а... — протянул Самохин. — Понятно.

Он снова забрался под одеяло и накрылся с головой.

— Все-то ему понятно, — буркнул Кирилл. Он встал, повесил пальто на гвоздь и принялся разбирать постель.

10

Назаров Павел Борисович работал в школе лет пятнадцать назад, да и то только год, пока не открылось место в институте на кафедре методики, но у себя на факультете считался человеком с практическим опытом. Теоретически он был, как говорится, подкован, очень горячился, когда случалось опровергать чье-либо мнение о том, что методика не наука, а сумма личных умений, но сам показательных уроков не давал, от прямых контактов с учениками уклонялся, и учителя-практики, чувствуя за Павлом Борисовичем эту слабину, относились к нему столько свысока. Нередко, проводя разбор урока, он замечал, как учителя иронически усмеваются и перешептываются: его претензии к практикантам они считали нелепыми и несущественными придирками, в то время как главные

«ляпы» от его внимания, по их мнению, ускользали. Открыто об этом мало кто из учителей говорил, но так или иначе подобное отношение передалось и его подопечным.

Особенно трудным случаем для Назарова оказался Самохин: этот Лобастый (так про себя называл его Назаров) настолько был выше общего уровня, что не нуждался ни в каких его замечаниях. Самохин шел в своей практике «на ура», студенты валом валили к нему на уроки, и укротить эту стихию всеобщего восторга Назаров уже не мог. Между тем ситуация возникала скандальная: ведущий учитель Вероника Витольдовна открыто порвала с Самохиным всякие отношения, при каждом удобном случае повторяла, ломая руки: «Он мне загубит класс», — а класс выпускной, и директор школы стал проявлять признаки беспокойства. Все ничего бы, на практике и не такие осложнения бывают, но вот Лобастый начал поговаривать о том, что хорошо бы ему поработать до конца года. На факультете ничего не имели против, но Вероника Витольдовна категорически возражала, и появилось какое-то коллективное письмо родителей с просьбой практику в этом классе прекратить. Письмо было направлено сразу в три инстанции: в роно, в дирекцию школы и через голову Назарова в институт. Дошло до того, что директор школы Анатолий Наумович изъявил настойчивое желание поприсутствовать на уроке Самохина, и чтобы при этом непременно был районный методист. Лобастому-то все нипочем: в худшем случае его отзовут с практики, и он вернется на факультет героем, а с Назарова спросят, и спросят по всей строгости: как допустил, почему не пресек? Но поди пресеки, когда каждый урок Лобастого кончается чуть ли не аплодисментами.

В связи с этим открытым уроком Назаров попал в самое щекотливое положение: студенты не простят ему, если он будет ругать то, что раньше хвалил, а школа и роно не позволят ему хвалить то, что они расположены прекратить. Единственный разумный выход был — уговорить Лобастого дать нормальный, человеческий урок, без этого базара, без музыки, без дискуссионного клуба. Но Самохин и слышать не хотел о том, чтобы хоть раз дать стандартный урок с оргмоментом, объяснением и опросом. Его, видите ли, ребята уважать перестанут. С чего он взял, что ребята его уважают? Девчонки действительно от него без ума, среди ребят тоже есть энтузиасты, но вот насчет уважения... уважением здесь и не пахнет. Практикант, он и есть практикант, его оценки и те не считаются. Впрочем, Самохин и не ставит оценок: такая у него система. А спросят за эту систему с Назарова.

Павел Борисович наметнул, конечно, Самохину, каким должен быть открытый урок. Дал понять и о письме, хотя права не имел это делать. Но Лобастый и ухом не повел: все образуется, дядя, за нашей спиной родной институт, он нас в обиду не даст. Зазнался парень, на место бы его поставить. Да попробуй поставь! А все эти институтские установки — «не так, как другие» — Самохин за

главный критерий преподавания принял. А ты, братец, «попробуй-ка сначала так, как другие, а уж потом можешь делать «не так».

11

Школа стояла на краю огромного пустыря. Все благоустроенное находилось со стороны фасада — там были асфальт, тротуары с бетонными кромками, троллейбусная остановка. А через пустырь к школе вела единственная тропинка. Пустырь предназначался для чего-то монументального, к чему строители не решались приступить вот уже около десяти лет.

Самохину удобнее было подходить к школе как раз со стороны двора, и, пока стояла сухая погода, это ему удавалось. Но после вчерашнего снега вперемешку с дождем тропинка раскисла, и он, чертыхаясь, пошел в обход. Не хватало только опоздать на свой собственный открытый урок.

Минут через пять Самохин заметил трех девчонок, которые, пожевываясь, стояли на асфальтовой дорожке и как будто его поджидали. Подойдя ближе, он узнал в них своих учениц: Стрелковскую, Чижикову и Ханаян, которую в классе за восточную внешность и вспыльчивый нрав звали Хабиби. Они его заметили раньше и сейчас, видимо, колебались: идти ли навстречу или остаться на месте. Стрелковская, девушка рослая, что называется, «видная» и по натуре крайне решительная, угаривала идти навстречу. Чижикова, маленький круглолицый очкарик, оглядывалась на школу и всем своим видом показывала, что готова хоть сию минуту дать деру через пустырь. Хабиби, насупившись, следила за тем, как Стрелковская тянет Чижикову за рукав, и не одобряла, по-видимому, поведение обеих. «Новое дело, — мрачно подумал Самохин, — не букеты ли прячут за спиной?»

Но букетов, к счастью, не оказалось. Поравнявшись с девочками, Самохин сухо ответил на их «здравствуйте» и поинтересовался, отчего они, собственно, не на уроках.

— Мы... — начали одновременно Чижикова и Стрелковская, посмотрели друг на друга с недоумением и снова вместе сказали: — Мы...

— Идемте, идемте, — сказал Самохин, не останавливаясь. — Времени в обрез. На ходу поговорим.

Девочки, спохватившись, гуськом пошли за ним. Дорожка была узкая, и Самохин вынужден был идти впереди.

— Ну, так я вас слушаю, — бросил он через плечо. — Только без хорошей декламации. Говорите по очереди.

— Дело в том, — сказала Стрелковская, сделав попытку пойти с ним рядом, но поскользнулась и снова отступила назад. — Дело в том, что у вас, Евгений Ильич, могут быть сегодня крупные неприятности.

— Вот как, — вяло сказал Самохин.

— Мы не знаем, какие неприятности, — продолжала Стрелковская, — но пришли вас предупредить, потому что...

Она замялась.
— Потому что? — повторил Самохин.

— Потому что нам нравится, в общем, как вы ведете уроки, — скороговоркой сказала Стрелковская, и, даже не оглядываясь, Самохин понял, что она смутилась.

— Все это очень лестно, — насмешливо проговорил он, — тем более что у меня сложилось несколько иное впечатление. Не далее чем вчера перед началом опроса до моего слуха явственно донеслось, как вы сказали... нет, не сказали, буквально простонали: «О господи, начинается!»

— Это к делу не относится, — сердито возразила Стрелковская. — Так принято говорить, чтоб не подумали.

— Чего не подумали?

— Ну, например, что человек специально к уроку готовился. Принято думать, что это стыдно...

— Ну хорошо, оставим, — сказал Самохин, сбавляя шаг: по прерывистому дыханию за спиной он почувствовал, что девочки едва за ним поспевают. — Так какие же неприятности меня ожидают, никак я в толк не возьму? Темную, что ли, устроить собираетесь?

Чижилова засмеялась. Хабиби по-прежнему пыхла сзади, не подавая голоса.

— Нет, не темную, — сказала Стрелковская. — Вообще от класса вы ничего плохого не ждете, это мы вам обещаем. Есть, правда, некоторые недовольные, но мы на них управу найдем. Вот Тоня Чижилова у нас староста. И я как комсорг обещаю.

— О, да это, я вижу, делегация на самом высоком уровне, — заметил Самохин. — А я-то с вами на бегу общаюсь. Давайте тогда остановимся, поговорим.

Они сошли с дорожки и встали на мостовой.

— Так, значит, есть все-таки недовольные?

— Ну не то чтобы недовольные... — Чижилова нерешительно посмотрела на Стрелковскую, та согласно кивнула: «Ничего, говори». — Большинству нравится, как вы объясняете, какие вопросы задаете, хотя в общей массе мы к этому и не привыкли. Но есть у нас группка такая, они себя реалистами называют... Так вот, эти реалисты хотят, чтобы вас поскорее от нас убрали. Вы извините, что я говорю неприятные вещи...

— Ничего, — задумчиво сказал Самохин, — это все несущественно. Значит, реалисты. Чем же я мешаю этим реалистам?

— У них упор на институт, — сказала Стрелковская. — Для них вся эта лирика Блока — мелочи. Им планы нужны, развернутые планы сочинений, как Софа, в смысле Софья Павловна, в классе «Б» дает. У нее такие планы по всем мыслимым темам есть, начиная с Державина. Пункт — римской цифрой, пункт — арабской, подпункт — арабской цифрой со скобочкой, арабской с черточкой, потом подподпункты буквами от «а» до «я». Целыми уроками она им эти планы диктует.

— Ну, такие вещи мы не станем обсуждать, — недовольно сказал

Самохин. — У каждого учителя своя манера.

Он хорошо помнил эту Софью Павловну. Молодая учительница, всего четыре года назад окончила институт, внешне современная, даже несколько экстравагантная женщина... Подумать трудно, что такой реликт.

— Так вот, реалистам эта манера нравится, — сказала Стрелковская и искоса взглянула на Хабиби, которая по-прежнему была мрачна и надута. — Конечно, тоска зеленая целый урок писать под диктовку, но все понимают — для пользы дела. Такой план запросто можно переписать вместо сочинения. Только цитаты вставляй. Поэтому реалисты и недовольны, что вы таких планов не даете. Даже Вероника Витольдовна советует нам брать у «бешников» тетради и дома переписывать.

— А среди вас нет реалистов? — спросил Самохин.

— Нет, — сказала Стрелковская и снова посмотрела на Хабиби.

— Ну и не будем о них говорить, раз они ничего не могут сказать в свою защиту. Одно неясно: почему «реалисты»?

— Они все время повторяют: «Будем реалистами, будем реалистами...» — Чижилова сочла, видимо, что удачно передразнила, и засмеялась. — Из них некоторые на медаль идут, другие за ними тянутся. Вы знаете, что у нас в классе ожидается четыре золотые медали? — с гордостью спросила она.

— Слыхал, — сказал Самохин. — Но бог с ними, с реалистами и с медалистами. Меня интересуют прочие. Не может же класс состоять из одних медалистов.

— Конечно, не может, — согласилась Стрелковская. — Но кое-кому не нравится, что вы тексты читать заставляете, в собрании сочинений рыться. Ну и просто лоботрясы есть. Им лишь бы поменьше с места их поднимали. Они вас не любят: никогда не поймешь, когда и кого вы спрашивать собираетесь. Которые за отметкой гонятся, те тоже вас не понимают: отметок ведь вы не ставите.

Она замолчала.

— Да, — сказал, взглянув на часы, Самохин. — Многовато набралось недовольных.

— Ну что вы! — с жаром возразила Чижилова. — Меньше половины.

— Нормально, — поддакнула наконец и Ханая.

— Ну, раз вы так считаете... — сказал Самохин, — вам виднее. Так что же, мне от реалистов ждать неприятностей?

— Нет, что вы! — ответила Чижилова. — Мы их нейтрализуем.

— Ну давайте тогда перейдем к делу. А то и на урок можно опоздать.

— Это пусть Ленка говорит, — сказала Стрелковская. — Мы все от нее узнали.

— А чего говорить? — мрачно сказала Ханая. — Письмо на Евгения Ильича написали, вот и все.

— Ах письмо, — проговорил Самохин.

— Ну, в общем, родительское собрание было, — нехотя начала Ханая. — И в строгом секрете. Мне мама только вчера сказала. «Кон-

чилась, — говорит, — у вас практика». Я спрашиваю: «Как кончилась? Евгений Ильич сказал, что всю вторую четверть будет вести». — «Мало ли что сказал. Мы письмо написали куда надо. Двадцать человек подписались, многие с высшим образованием, есть даже кандидаты наук. Такое письмо без внимания не останется».

— И все? — спросил Самохин. — И вся неприятность?

— Вы их не знаете, наших родителей, — сказала Чижилова. — Они за выпускные экзамены больше нас боятся. Они на все пойдут.

— Ну и что же вы сказали вашей маме? — поинтересовался Самохин.

— Ничего я ей не сказала, — буркнула Ханая. — Я только спросила, подписала она это письмо или нет...

— Ну и?..

— Лена из дому ушла, — просто-душно сказала Чижилова. — Она у нас вспыльчивая.

— Вот это финт! — Самохин даже присвистнул. — Вот это подарочек! Вы же у меня... я же вас считал самой пассивной.

— Она просто стесняется, — пояснила Чижилова. — А вообще-то она в классе самая начитанная.

— Ничего я не стесняюсь! — возмутилась Ханая. — Мне, например, не нравятся все эти «мнения» да «точки зрения». Я определенность люблю. Но когда вот так, за спиной, — ненавижу, когда так делают.

— Ну дела. — Самохин покрутил головой. — Куда же вы ушли, любительница определенности?

— Ко мне, — ответила Стрелковская.

— А вы почему не ушли из дому?

— Моя мама не была на собрании.

— А мой отец ничего не стал подписывать, — с гордостью сказала Чижилова. — И говорить мне ничего не хотел.

— Вот это правильно, — одобрил Самохин. — А то хорошенькое дело, когда дети из дому бегут!

— Мы не дети, — обиделась Ханая.

— Тем более. Вас, наверно, уже по всему городу ищут.

— Не ищут, — басом сказала Ханая. — Я уже сегодня утром звонила. Обещала, что вечером приду.

— Ну я тронут, — сказал Самохин. — Все это очень непосредственно. Но давайте так: про письмо забыли.

— То есть как? — удивилась Стрелковская.

— Очень просто: забыли, и все.

— А вы? — спросила Чижилова.

— А я и знать о нем не хочу. Оно ведь не мне адресовано.

— Значит, мы напрасно вас задержали?

— Нет, отчего же. Я рад был поговорить.

12

Назаров очень волновался. Он сидел в учительской на расхлябанном кожаном диване (подобная мебель за последние пять лет почти полностью исчезла из присутственных мест, и только школьные завхозы за нее держались), каждые

полминуты смотрел на часы и мысленно чертыхался. Ругал он больше себя самого. Ругать Самохина, даже мысленно, было совершенно бесполезно. Подумать только: этот пижон не счел нужным явиться за десять минут до звонка в такой решающий, можно сказать, день. Ах, распустился негодяй, распустился. Надо бы с самого начала вожжи натянуть покрепче, чтоб пена изо рта... Нет, пощадил артистическую натуру.

В директорском кабинете, дверь которого выходила в учительскую, шла оживленная беседа. Анатолий Наумыч, походящая, занимал хозяйским разговором почетную гостью — районного методиста Ночкину. Вероника Витольдовна, также приглашенная в кабинет, голоса не подавала. Хотя дверь была плотно закрыта, Назаров отчетливо представлял себе, как Вероника Витольдовна сидит в мягком кресле, держа на коленях «дипломатический» чемоданчик с никелированным ободком, и загадочно усмехается. Ее улыбка, казалось Назарову, проступает сквозь обитую черным дерматином дверь, как знамение крупной служебной неприятности.

Он тоже был приглашен к директору, но что-то его остановило: то ли сухость, с которой поприветствовала его Ночкина, то ли взгляд Анатолия Наумовича — беглый и участливый: так смотрят на больного, стараясь не подать виду... Назаров очень волновался, а Лобастого все не было.

В учительской шла обычная, несколько приторможенная жизнь людей, у которых главные хлопоты еще впереди. Математичка, куря папиросу за папиросой, просматривала столку тетрадей, физкультурник без особого энтузиазма обхаживал Софью Павловну, а она, лениво посмеиваясь, стояла у зеркала и обеими руками, чуть пригнувшись, чтобы увидеть себя всю, поправляла пышную копну черных волос с седой прядью на лбу.

— Подойдите к окошку, Павел Борисович, милый, — сказала вдруг она нараспев, не прерывая, однако, своего занятия.

Все, кто был в учительской, повернулись к окну. Назаров встал, с достоинством прошел через комнату, оперся о подоконник. Далеко внизу, на краю пустыря стоял как ни в чем не бывало Лобастый и, держа портфель за спиной, разговаривал с тремя «гимназистками», которые, судя по наброшенным на плечи пальто, только что выскочили из школы.

— Очень трогательно, не правда ли? — насмешливо сказала Софья Павловна. — Свидание под окнами родной школы.

— Молодость, молодость, — вздохнул физкультурник. — Где мои шестнадцать лет?

— Бедный мальчик, — буркнула математичка. И снова принялась за свои тетради.

— Почему же бедный? — спросила Софья Павловна, грациозно присев на валик дивана.

— Будет вечно присутствовать на празднике юности, а женится на какой-нибудь старой мымре вроде меня.

Назаров постучал костяшками пальцев по стеклу, но было слыш-

ком высоко, и Самохин не услышал. Следовало как-то оценить увиденное, произнести какие-то слова, но Назарову помешали.

Открылась дверь, и в учительскую заглянула студентка.

— Павел Борисович, — робко сказала она, — тут еще трое с первого курса просятся на Самохина.

Назаров медленно повернулся.

— С первого курса? — саркастически произнес он и внезапно обозлился. — А из детского сада еще никто не пришел? Сегодня на уроке Евгения Ильича никого из посторонних не будет. Никого. Вы меня поняли?

Голова студентки исчезла. Но через секунду дверь снова открылась.

— Мы не посторонние, — возмущенно сказала студентка.

— Это уж вы позвольте судить мне, — возразил Назаров и, побегов, вернулся на свое место.

13

— Стихи Блока, — несколько растягивая слова, говорила Стрелковская, — я бы разделила на черно-белые и цветные. Черно-белых я встретила больше, они напоминают гравюры: «Лошадь влекли под уздцы на чугунный мост. Под копытом чернела вода. Лошадь хрела, и воздух безлунный храп сохранял на мосту навсегда. Песни воды и хрипящие звуки тут же вблизи расплывались в хаос. Их раздирали незримые руки, в черной воде отраженья неслось».

Из стопки лежавших перед нею на учительском столе эстампов она выбрала один, показала его классу и, недодержав (чем вызвала легкий шумок), положила обратно.

— Это как гравюра, но гравюра озвученная и живая. С цветом Блок вообще поступает очень интересно: в его стихах чаще всего одно цветное слово, он или разбрасывает его, как блики, или повторяет подряд, создавая фон. «Меж двумя стенами бора редкий падает снежок. Перед нами — светофора зеленеет огонек. Небо — в зареве лиловом, свет лиловый на снегах, словно мы — в пространстве новом, словно — в новых временах». А дальше совсем без цвета: «Одиноко вскрикнет птица, отряхнув крылами ель, и засыплет нам ресницы белоснежная метель...»

Последнее слово она произнесла с вопросительной интонацией и подняла глаза на Самохина.

— Вычитала где-то или сама заметила? — спросил Самохин.

— Сама заметила, — с гордостью ответила она. — Вы сказали — подумать над цветовой гаммой Блока, я подумала и нашла закономерность.

— Ну что, оспорим? — Самохин повернулся к классу.

— Оспорим! — выкрикнул с третьей парты Чернявский, один из реалистов, как теперь понимал Самохин. — Пожалуйста. «Белой ночью месяц красный выплывает в синеве». Где же здесь одно цветное слово? Целых три. Я могу найти и четыре.

— Ну и что? — раскрасневшись, возразила Стрелковская. — Исклю-

чение, которое подтверждает правило. Зато: «Свирель запела на мосту, и яблони в цвету. И ангел поднял в высоту звезду зеленую одну, и стало дивно на мосту смотреть в такую глубину, в такую высоту». Можешь хоть сто раз прочесть, там только одно «зеленую». Зато горит.

Самохин очень жалел, что позволил себе выслушать этих двоечек. Пропало очень важное, без чего, оказывается, было нечеловечески трудно вести урок: пропала цельность восприятия, помогавшая ему ощущать класс как единый организм, не умный и не глупый, не смиренный и не дерзкий, не доброжелательный и не враждебный — нейтральное коллективное сознание, в глубинах которого, как и во всяком сознании, копошились умные, глупые и ленивые мысли. Пропала счастливая способность исключать за ненадобностью ту или иную «клетку» из сферы своего внимания. Теперь на каждого, кто подскакивал с поднятой рукой, он смотрел не по-прежнему — как на сработавший контакт несложной электронной машины, а как на отдельного человека: кто он, зачем он поднял руку, что ему нужно? «Обратная связь», которую он так ловко налаживал, вдруг перестала быть просто «связью». Причина заключалась не в том, что в поле его зрения попали те, кто раньше не попадал. Самохин гордился, что в его киберсхеме класса нет темных пятен: всюду вспыхивают лампочки, стовсюду поступают сигналы. И если какая-то область бездействует, он замыкает ее на другую, активную, заставляя отбиваться от вопросов, поспешных выводов, ложных посылок, — вот тут-то и обнаруживается, кто дома сидел над Блоком, вчитывался, а кто только перелистал. На схеме класса, вычерченной в записной книжке, которую Самохин не выпускал из рук, зеленым и красным были проведены линии предполагаемых соединений и столкновений точек зрения. Нередко они не срабатывали, ну что ж, тогда должна была сработать блокировка, которую учитель обязан предусмотреть.

Сегодня срабатывало как никогда. Сказалось отсутствие помех и посторонних влияний: на задних партах не теснились «гости», сидели только (каждый за отдельной партой) директор школы, Вероника Витольдовна, Назаров и незнакомая Самохину пожилая женщина с круглым благодушным лицом. Люди эти были солидные, они не ерзали, не ахали, не вздыхали. Вероника Витольдовна, например, сидела с опущенными глазами и даже, кажется, не шевелилась. Назаров, напротив, смотрел сквозь круглые очки на Самохина не отрываясь, и лицо его было значительным и строгим. А незнакомая женщина словно поставила целью застенотографировать весь урок. Она писала как одержимая, не изменяя благодушного выражения лица, и лишь иногда, когда рука затекала, морщилась. Один Анатолий Наумович не скрывал своих эмоций: он с искренним изумлением смотрел на класс, переводя взгляд с одного отвечавшего на другого.

Между тем на доске появилась крупная репродукция «Неизвестной»

Крамского, и к столу, покачиваясь, вышел сутулый лохматый Бадаев, контакт с которым срабатывал чрезвычайно редко.

— Вообще-то стихи о Прекрасной Даме, — заговорил он, откашлявшись, — мне меньше всего нравятся. А если честно — не нравятся совсем. Я эту тему из пиконства взял, название понравилась: «Стихи о Прекрасной Даме». А почитал дома — и расстроился: не то. Надуманное какое-то. Однако видно, что страдал человек. Очень не хватало ему хорошей, честной девушки. А что смеетесь? Я что думаю, то и говорю. Там если ризы отбросить, алтари, богоматер там всякую, Вечных жен и разное прочее, то действительно обидно становится: неправильно он искал свою Прекрасную Даму. Он должен был сначала уяснить себе, кого ему надо: то ли женщину, то ли товарища, а может, просто богиню.

— Вечный идеал он искал, — крикнули с места, и Самохин, скосив глаза в записную книжку, сделал мелкую пометку на схеме.

— Ну прямо, — пробасил Бадаев. — Что он, дурак, идеал искать? Идеал не ищут, идеал в голове держат. Как эталон метра, под колпаком.

Он постучал себя по голове, и класс грохнул.

Раньше к таким «репризам» Самохин относился хладнокровно: они мешали ему, и он их просто не замечал. «Зачистить контакт», — помечал он у себя в книжке. Но сегодня его больше занимал сам Бадаев: что он представляет из себя, «за» он или «против», а может быть, реалист? Нет, непохоже. Реалисты, которых Самохин засек, держались корректнее, контакты с ними не приходилось «зачищать». Но тогда что стоит за снисходительным видом этого верзилы, за непременным желанием покомиковать, свалить дурачка? Раньше Самохину дела до этого не было: получил ответ, вышелушил зерно, если оно там имелось, и садись, голубчик, садись, ты мне больше не нужен. Но сейчас...

Пауза, однако, несколько затягивалась. Бадаев, покачиваясь, снисходительно смотрел на Самохина, а Самохин молчал.

— Ну хорошо, — сказал наконец Самохин. — А для себя ты вычитал что-нибудь?..

— Одно нашел. Ничего, понравилось. Про фотографию. «О доблестях, о подвигах, о славе я забывал на горестной земле, когда твое лицо в простой оправе передо мной сияло на столе...»

— Ну-ка подожди, — сказал Самохин. — Неважно ты читаешь, Бадаев. Давайте послушаем, как надо читать.

Он включил магнитофон, быстро перемотал пленку и отошел к окну, возле которого любил стоять во время урока...

прошлый раз грозился ниспровергнуть Блока. Что он скажет сегодня?

— То же самое и скажу, — поднялся худенький белобрысый Шиманский, который на схеме Самохина обозначался точкой пересечения доброго десятка линий — настолько он был активен. Обращение к Шиманскому оказывалось беспроигрышным шагом: вокруг него всегда кипели дискуссии. — То же самое и скажу: мало информации. Красиво, но мало. И, как правило, это недоосмысленная информация о случайных, второстепенных состояниях, что вообще-то для поэзии характерно. Возьмем стихотворение «О доблестях, о подвигах, о славе». В чем его суть? На столе у человека стояла фотография любимой девушки, потом девушка ушла к другому, и он, поколебавшись, эту фотографию убрал. Поступок совершенно естественный и очень однозначный. Информации здесь — ровно один бит.

— Можно, я скажу? — не выдержала Чижилова. — У меня было задание — предчувствие революции пятого года. Вот я нашла одно стихотворение, пусть Шиманский оценит, сколько в нем битов информации. Можно, Евгений Ильич?

Она выразительно показывала глазами на Шиманского. Самохин отвернулся. Еще не хватало, чтобы ему подавали знаки.

— Давайте, — неохотно разрешил он.

— Слушай, Шиманский, — агрессивно блестя очками, сказала Чижилова. — «Барка жизни встала на большой мели. Громкий крик рабочих слышен издали. Песни и тревога на пустой реке. Входит кто-то сильный в сером армяке. Руль дощатый сдвинул, парус распустил и багор закинул, грудью надавил. Тихо повернулась красная корма, побежали мимо пестрые дома. Вот они далеко, весело плывут. Только нас с тобою, верно, не возьмут».

— Ну вообще-то операции по отчуждению описаны довольно последовательно, — неторопливо начал Шиманский. — Видно, что человек наблюдал. Но никакой другой информации я здесь не вижу.

— Не видишь или ее нет? — звонким голосом спросила Чижилова.

— Не вижу.

— Не видишь, потому что не умеешь смотреть. Здесь каждая фраза имеет двойной или даже тройной смысл. «Барка жизни стала на большой мели» — это о полосе реакции. «Громкий крик рабочих слышен издали» — это о пролетарской революции, которую Блок задолго предвидел. Но пока — «Входит кто-то сильный в сером армяке» — речь идет о русском крестьянине: ведь первая русская революция была буржуазно-демократической по своему характеру. Дальше — почему корма красная? Кого не возьмет с собой восставший народ? Читать надо уметь, Шиманский.

И Чижилова с победоносным видом села. Анатолий Наумович, усмехаясь, покачал головой. Назаров делал пометки у себя в блокноте, незнакомая женщина, добродушно улыбаясь, писала. Класс ожилился. Самохин посмотрел сурово — наступила тишина.

— Евгений Ильич, — Шиманский все еще не желал садиться. — Я, признаться, не собирался выступать, но потом решил, что лучше напрямую. Тут мне записки угрожающие шлют, я и решил внести ясность в свою позицию. Скажите нам, бог с ней, с информацией, скажите нам прямо: вот мы тут магнитофон слушаем, чуть ли не цветовой музыкой занимаемся, а что нам все это дает?

— Шиманский, вы забываетесь, — сухо сказал Анатолий Наумович.

— Извините, Анатолий Наумович, что я стою к вам спиной, — обернулся Шиманский, — но я не могу стоять лицом к вам и к Евгению Ильичу одновременно.

— Послушай, Шиманский, то, что ты делаешь, подло! — крикнула с места Стрелковская и встала. — Да, подло, я презираю тебя за это.

— Наташа, сядь, — хмуро сказал Самохин. — Сейчас не время выяснять отношения. А тебя, Шиманский, я попрошу уточнить свой вопрос.

— Ну, я имею в виду, — Шиманский приложил руку к груди, — что нам дает такое вот изучение Блока практически? Нам, десятиклассникам?

— А лучшего момента ты не мог выбрать? — вспыхнула Чижилова. — До сих пор этот вопрос тебя не мучил.

— Он мучил меня и до сих пор, — сдержанно ответил Шиманский. — Впрочем, не только меня: добрые три четверти класса над этим думают. Допустим, Блока мы будем знать. Но что такое один Блок? Есть Тютчев, которого мы не знаем, есть Бальмонт, о котором мы едва слышали, и так далее и тому подобное. И все это заслуживает внимания, и все это можно изучать годами. Так, может, плюнем на остальное и займемся цветовой гаммой Блока, Есенина, Хлебникова? Будем крупными специалистами по цветовой гамме. Я от чего иду — от физики. Допустим, не дав нам понятия о механике, с нами начнут заниматься теорией профессора Козырева: «Время — это энергия». А на приемных экзаменах в вуз спросят о той же механике-матушке. И мы со своим Козыревым запоем. Не получится ли так же и тут?

— Физику мы шесть лет учим, — вставил свое слово Бадаев.

— Вот-вот. Не поздно ли нам переучиваться? И с нас ли надо начинать? Если я буду знать, что на экзаменах в вуз с меня спросят цветовую гамму, тогда пожалуйста. Но ведь не спросят же.

— Не спросят, — подтвердил Самохин.

Шиманский был ошеломлен столь легкой победой. Он неуверенно оглянулся на Анатолия Наумовича (лицо директора не предвещало ничего хорошего) и сказал:

— Нет... В общем, конечно, понятно... мы учимся, вы тоже учитесь... тут можно найти общий язык... Я признаю, что все это интересно и ново, во многом даже заставляет задуматься, и я не стал говорить об этом лишь потому, что Евгений Ильич не нуждается в наших комплиментах. Мне нужно было только получить ответ — и я его получил. Доверие за доверие.

Класс зашумел, не зная еще, как вести себя. Самохин обвел ряды тяжелым взглядом, и стало тихо.

— Шиманский поспешил предложить мне ничью, — медленно начал Самохин, — ничьей я не принимаю. Я абсолютно уверен, что мы делаем не то, что нужно Шиманскому. Ему нужна информация? Могу подсказать другие источники, более точные и более обстоятельные, чем стихи Блока. Впрочем, эти источники, видимо, Шиманскому известны. Возможно, ему от Блока ничего не нужно. Возможно. Бывают такие случаи абсолютной эмоциональной глухоты. Но я не думаю, что здесь глухота. Здесь не глухота, здесь помехи. Вот, скажем, прелюдия фа мажор Баха. Многие из вас ее слышали, хотя и не подозревают об этом. Прекрасная вещь. Но дайте послушать ее человеку, который занят тем, что подсчитывает в уме, сколько денег он истратил и сколько у него осталось. Вы знаете, я не уверен, что при первых же звуках прелюдии человек этот прекратит свои подсчеты. Более того, нет гарантии, что он прекратит свое занятие к последнему аккорду. Вполне вероятно, что музыка будет лишь раздражать его, сбивая со счета. Искусство не все-таки, хотя и может многое. Но значит ли приведенный пример, что человек этот для искусства потерян? По-видимому, нет. Как только он прекратит свои подсчеты... Не может же человек считать деньги всю жизнь. Тем более если он неглуп, начитан и, как Шиманский, знает, что не в деньгах счастье. Счастье — не в деньгах, зрелость — не в аттестате, знания — не в дипломе, ученость — не в степени. Все это известно каждому из вас, и Шиманский, я думаю, с этим согласен. У меня нет уверенности, что в данный момент кто-то из вас не занят какими-то подсчетами, принижающими, заземляющими, мельчащими такие высокие понятия, как зрелость, ум, опыт, ученость, счастье. Но в одном я уверен: все тридцать человек одновременно не могут быть заняты подобными чисто арифметическими выкладками. Не верю, что это возможно, и не поверю, даже если это окажется так.

— И тем не менее это так, — тихо сказал Шиманский.

— Не суди по себе! — закричала Ханаян. — Слышишь, не суди по себе!

— А ты не сверкай на меня глазами, Хабиби! — Шиманский снова поднялся. — Я думал так, что от Евгения Ильича мы получили карт-бланш на свободный обмен мнениями. Правильно, Евгений Ильич? Так вот, Хабиби, мой оппонент высказался, теперь скажу я...

— Теперь скажу я, — произнес вдруг Анатолий Наумович, и класс оцепенел. В полном молчании директор встал, прошел к учительскому столу, посмотрел на часы. — Ну-ка встаньте. — Класс с шумом поднялся. — Теперь стойте до звонка, остыньте немного. Как раз пять минут осталось, времени вполне достаточно. И чтобы ни единого слова. Хватит, наговорились. Пойдемте, товарищи, — добавил он уже другим тоном, обращаясь к Ночкиной, Веронике Витольдовне и Назарову.

Гости поднялись со своих мест и быстро пошли к дверям.

Самохин стоял у окна, лицо его было белым. Когда за Назаровым закрылась дверь, он поднес руку к горлу и расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

15

Обсуждение состоялось не сразу. Долго искали свободный класс, наконец нашли, расселись за партами, и тут выяснилось — потерялся Назаров. Стали ждать. Класс оказался для младших, парты были как игрушечные, и Ночкина с трудом усеялась вполоборота к столу. Вероника Витольдовна пристроилась на краешке скамьи, вид у нее был такой, будто она собиралась вот-вот уйти. Анатолий Наумович сидел за учительским столом и, пристально глядя на дверь, отстукивал какой-то сложный ритм. Самохин прошел в дальний конец класса и сел прямо на крышку парты, поскольку втиснуться за нее без риска разрушить все сооружение он не мог.

Так протекло несколько тяжелых минут. Никто не произнес ни слова. Наконец Анатолий Наумович перестал барабанить пальцами и сказал:

— Я думаю, ждать больше нет смысла. Начнем, пожалуй. Павел Борисович подключится позднее.

Ночкина кивнула. Вероника Витольдовна по-прежнему сидела с оскорбленно-отсутствующим видом, Самохин тоже промолчал.

— Кто выскажется первым? — спросил директор.

— Сложный случай, — вздохнув, сказала Ночкина. — Очень сложный случай. Не хотелось бы так сразу рубить сплеча...

— Но кто-то должен это сделать! — жестко сказал Анатолий Наумович. — Кто-то должен задать тон разговору. Урок-то ведь провалился.

— Я не согласна с вами, — возразила Ночкина. — В том плане, в каком урок был задуман, он прошел успешно. За исключением, быть может, конца, когда наше с вами вмешательство было неоправданным.

— Неоправданным? — Директор густо покраснел, но сдержался. — Я вынужден был вмешаться, чтобы остановить это безобразие, эту беспрецедентную анархию, которой нет места в школе...

— И с этим я не могу согласиться, — твердо произнесла Ночкина. — Никакой анархии я не нашла. Напротив, на протяжении всего урока имела место строжайшая, я бы сказала, беспощадная диктатура. Евгений Ильич — волевой, собранный учитель. Другой вопрос — на что была направлена его энергия, его недюжинная воля...

— Я с некоторым удивлением услышала от вас слово «учитель», — глядя прямо перед собой, заговорила Вероника Витольдовна. — По-моему, как учитель Евгений Ильич не состоялся. Будь я директором школы, я поручила бы ему вести литературный кружок для избран-

ных, для интересующихся, для желающих. Но класс я ему не доверила бы никогда. Тем более такой ответственный класс.

— Вы сказали «для избранных», — подал голос Самохин. — А почему, собственно, для избранных? Для интересующихся — это я могу еще принять. Для желающих — тоже. Но разве интересоваться и желать должны не все?

— Видите ли, Евгений Ильич, — Ночкина с трудом повернулась к Самохину, — на сегодняшнем уровне...

— По-моему, — перебил ее директор, — простите меня, Анна Даниловна, по-моему, разговор уходит в нежелательную для всех нас сторону. Не хотелось бы представлять дело так, будто Евгений Ильич является неким преждевременно родившимся гением, до которого наша школа не доросла. В школе учат, Евгений Ильич. И через сто лет, я уверен, будут учить. А не обмениваться мнениями. Частность, которой можно оживить урок, вы превращаете в основной методологический принцип. Вы позволяете учащимся задавать тон и ритм урока, урок превращается в комбинацию неожиданных.

— По-вашему, — дерзко сказал Самохин, — учитель должен страховать себя от неожиданностей? Оберегать себя любой ценой?

Анатолий Наумович посмотрел ему в лицо и помедлил с ответом.

— Евгений Ильич, дорогой, — сказал он наконец, — оберегать вы должны не себя, а ребят. О них вы прежде всего должны думать.

— Оберегать ребят? — Самохин прищурился. — От неожиданностей? Боюсь, что тут мы с вами никогда не сойдемся.

Анатолий Наумович моргнул, смерил Самохина взглядом, снова моргнул. Ночкина, казалось, наслаждалась происходящим.

— Не то, все не то, — Вероника Витольдовна встала. — Не о том мы говорим, товарищи. Мне, например, глубоко безразлично, провалился на наших глазах урок или не провалился. Мне жаль ребят, понимаете, жаль.

Вероника Витольдовна опустила голову, судорожно раскрыла чемоданчик, пошарила там, и вдруг по щекам ее полились слезы.

— Вот я плачу, вы видите, — говорила она, торопливо вытирая лицо платком, — но мне не стыдно, стыдно должно быть вам, всем вам, потому что все вы — соучастники преступления. Да, на ваших глазах совершается преступление. На ваших глазах ребята теряют веру в учителя. Понимаете вы, Самохин, — она обернулась, посмотрела на Самохина невидящими от слез глазами, — понимаете вы, что значит это слово — учитель? Учитель, который строг, но справедлив, спросит то, что даст, не больше, но и не меньше. Учитель, который умеет предвидеть, который знает наперед, чем кончится его следующий урок и как начнется новая тема. Учитель, который найдет ответ на любой вопрос, выведет из любого тупика. Который входит в класс, приносит с собой атмосферу уверенности и требовательности. Это крае-

угольный камень школы, основа воспитания. Как может учить и воспитывать человек, который колеблется и сомневается, предлагая на выбор или свое личное, с бесчисленными оговорками, мнение, или неограниченную свободу мнений? Чему он может научить? Колебаться? Сомневаться? Уходить при каждом критическом случае в кусты вкусовщины? Да, я знаю, Самохин не исключение. Пока еще он не правило, но уже и не исключение. Сейчас это модно — открывать шлюзы вкусам и мнениям и забывать о высшем авторитете учителя, который по долгу своему, по роду профессии своей должен стоять над, а не около. Подождите, вы достойтесь около, вы дождетесь, когда слово, сказанное вами, потонет в улюлюканье класса. Одно лишь утешение у меня: все это временное, все это мода. Добрый старый учитель еще вернется в школу и встанет на свое место. Но, к сожалению, это будет уже не при мне. Вот почему я плачу: я плачу о той школе, которой служила не один десяток лет и которая когда-то учила и воспитывала меня. Простите и поступайте, как знаете.

И Вероника Витольдовна, ни на кого не глядя и ни с кем не попрощавшись, быстро вышла из класса.

Самохин был ошеломлен.

— Ну, на таком уровне, знаете ли...

— А между прочим, — прервал его директор, — все это дело ваших рук. Вы сами себя так поставили, что только на таком уровне с вами и возможен разговор.

— Не понял, — сухо сказал Самохин. — Поясните.

— Да уж поясню! Зачеркивать сюда пришли, Евгений Ильич. А ведь зачеркивать приходится на параграфы в учебниках методики, а годы жизни живых людей, а то и целые биографии. Позволю себе поставить под сомнение ваше чисто человеческое право на это. Уж если и суждено что-то зачеркивать, то не вам я это доверю, не вам. Или вам, но в последнюю очередь.

— Все в опыт упирается, как я понимаю, — насмешливо сказал Самохин, — или, точнее, в отсутствие его. А ведь бывают случаи, когда опыт мешает трезво оценить ситуацию.

— Не передергивайте! — Анатолий Наумович стукнул кулаком по столу. — Не о практическом опыте речь, а о человеческом опыте.

— А человеческий опыт мой, — тихо сказал Самохин, — здесь не место и не время обсуждать. Перейдемте лучше к уроку.

— Вы правы, Евгений Ильич, — сказала Ночкина, — пора перейти к уроку. Вы, конечно, уверены, что всеми нами движет одно — опасение за выпуск. Возможно, конечно, что Анатолий Наумович терзается этой невысказанной мыслью, Вероника Витольдовна тоже. Но я-то здесь человек совершенно беспристрастный и, кроме того, облеченный некоторыми полномочиями.

Вполне в моей власти позволить вам, даже вопреки желанию администрации, пусть не в этой школе, а в какой-то другой, довести до конца задуманный эксперимент...

— Пустой разговор, Анна Дани-

ловна, — хмуро сказал Самохин. — Здесь уже высказывались вполне определенно. В том смысле, что доверили бы мне только литературный кружок.

— Да! — горячо сказала Ночкина и встала. — Да, Евгений Ильич, и я подписываюсь под этими словами. Кружком рискнуть я готова, но классом выпускным — никогда. Слишком дорогая цена за иллюзию.

— Что значит «за иллюзию»? — Самохин набычился.

— Вы надуваете нас, Евгений Ильич, простите меня за грубое слово. Вы имитируете свободный обмен мнениями на уроке. Удачно имитируете, не спорю, уж если такой опытный зубр, как Вероника Витольдовна, попала в расставленные вами сети. Ребята на уроке у вас — всего лишь марионетки. Вы дергаете их за веревочки — они выскикивают со «своими мнениями», и создается видимость дискуссии, которая ни к чему не ведет. Точнее, ведет она к вашему финальному высказыванию, к демонстрации блеска вашей логики, вашего ума. Авторитет учебника, авторитет программы вы подменили своим собственным... Но перекроет ли он те предыдущие, которые вы самовольно отменили? Об этом вас спросил сегодня Шиманский, об этом же хотела бы спросить и я. Только не вас — вы в этом деле, простите, не судья, — а вашего методиста, отсутствие которого, столь блистательное, начинает мне казаться странным...

16

Когда Самохин подходил к обществу, уже темнело. С большим трудом ему удалось отвязаться от однокурсниц, которые утешали его, подбадривали, кому-то угрожали, куда-то собирались пойти, написать какое-то письмо... Все это было чрезвычайно искренне, но нелепо, ненужно. Самохин хотел остаться один. Где-то там, на пятом этаже, шло классное собрание десятого «А» — собрание бурное, с вызовом директора, но сейчас это Самохина не трогало.

Практику ему было предложено закончить в указанные сроки, то есть через два дня. И эти предстоящие два дня беспокоили Самохина больше, чем все случившееся с ним сегодня.

Никаких обязательств с него не брали. Разрешалось работать так, как до сих пор, хотя бы как сегодня. Но дело было в том, что так, как сегодня, Самохин работать больше не мог. Он содрогался при мысли, что нужно будет войти завтра в класс, встать возле окна, взглянуть краем глаза в свою записную книжку — на схему, исчерченную зелеными и красными линиями. Нет, он не согласился ни с Ночкиной, ни с Анатолием Наумовичем, ни тем более с Вероникой Витольдовной, он по-прежнему считал, что они защищают честь своего мундира. Но что-то сломалось в нем сегодня, он больше не верил в свою киберсхему, которой так раньше гордился. Ребята, конечно, с готовностью

будут срабатывать в ответ на его вопросы, пожалуй, даже с большей готовностью, чем прежде, но что стоит за этой готовностью, он так никогда и не узнает. Какой-то коэффициент им не учтен, а какой именно — у Самохина не было желания искать.

До омерзения набродившись по раскисшему снегу, промокнув и промерзнув (причем тайной его мыслью было слечь назавтра с гриппом), Самохин возвращался домой как в полусне.

У двери общежития, когда он, стариковски пошаркав о проволочную сетку, собирался войти в вестибюль, кто-то робко тронул его за рукав. Он обернулся, взглянул неприязненно на худенькую девочку в коротком детском пальто, не узнал ее.

— Я Катя, Голубева Катя, — с отчаянием сказала девочка, заглядывая ему в лицо. — Вы меня не узнали?

— Ну как же, как же, — машинально сказал Самохин, наморщив лоб. Ему почему-то показалось, что это одна из его учениц. — Катя Голубева, я вас отлично узнал. Так чем могу быть полезен?

— Евгений Ильич, — быстро заговорила Катя, — я не спала всю ночь. Я поняла, что вы плохо обо мне подумали вчера. Так все это неправда, я клянусь вам, неправда.

И Самохин с удивлением увидел, что она плачет.

— Может быть, это вам покажется смешным, — говорила Катя, вытирая кожаной перчаткой слезы, — но я такой человек, что я не могу жить — вы меня слышите? — не могу жить, если знаю, что кто-то думает обо мне плохо, несправедливо...

— Да, но мне-то какое до всего этого дело? — Самохин только теперь понял, что перед ним вчерашняя подружка Кирилла. — Какое мне дело, что вы за человек? И кроме того, с чего вы взяли, что я вообще о вас думал? Не думал я о вас ни хорошо, ни плохо, ни тем более несправедливо. Пусть это вас больше не мучит, договорились?

— Нет, этого не может быть, — убежденно сказала Катя. — У вас на лице было такое презрение, такое пренебрежение... Всю жизнь буду помнить это лицо. Вы были несправедливы ко мне, Евгений Ильич.

— Ну хорошо, — устало сказал Самохин. — Я был к вам несправедлив, о чем глубоко сожалею. Достаточно вам этого или я должен выразиться как-то сильнее?

— Вы меня совсем не поняли... — проговорила Катя, отвернувшись. — Мне не нужны ваши извинения...

— А что же вам нужно? — вспыхнул Самохин. — Вы сами-то хоть понимаете, зачем вы сюда пришли?

— Я понимаю, — печально сказала Катя. — Мне нужно, чтобы вы мне поверили, иначе я просто не смогу жить.

— Сможете, — жестко ответил Самохин и с трудом открыл тяжелую дверь.

«Проклятая акселерация, — мрачно думал он, поднимаясь по лестнице. — Я, видите ли, плохо о ней подумал. Ну даже если и так, то что?..»

ПО БЕЛЫМ БАНДИТАМ — ОГОНЬ!

Поезд шел все дальше и дальше на север, вагон раскачивался, скрипел. Напротив нас с Левкой, у передней стенки вагона, на большой черной бурке сидел крупный мужчина лет сорока. На нем был френч защитного цвета, ворот

ке, к ним подсаели еще двое из пассажиров и взяли его за ноги.

Мужчина перестал биться, на лбу у него появились складки, и вагон наполнился раскатами громового голоса:

— Белые бандиты. Слушайте мою команду. Я вам...

Конвульсии стали все слабее и слабее, и припадок наконец прекратился. Один из парней, опустив руку припадного на бурку, сказал:

— Ну, кажется, кончилось.

Он развязал вещевой мешок, вынул из него полотенце, налил

цы. Песа бандиты из меня афишу-то делали, на деревню наши конники награнули, ну и высвободили меня. Врачи сказали, что организм у меня крепкий, — столько крови потерял, а выдержал. Только вот припадки после этого начались. Говорят, что пройдут. Напугал я, видно, вас, вы уж простите, — и он улыбнулся нам застенчивой улыбкой.

Мы подъезжали к Воронежу. Жена командира и студентка стали укладывать свои вещи. Им сидеть.

— Вот это на дорожку возь-

СЛОВО О КРАСНОМ СТУДЕНЧЕСТВЕ

Мои путь в высшую школу

В. С. ЕМЕЛЬЯНОВ,

Герой Социалистического Труда,
член-корреспондент АН СССР

френча расстегнут, и из-под него виднелась матросская тельняшка. Рядом с мужчиной — два парня помоложе.

— Я, пожалуй, сниму френч, да и прилягу, что-то неможется, — сказал мужчина.

Он был бледен — видать, ему действительно было плохо.

Но вот он начал как-то странно изгибаться, в углах рта у него появилась пена. Сидевшие рядом парни взяли его за руки, прижимая их к полу вагона, а он изгибался и бился всем своим сильным телом. Затем заскрежетал зубами и стал мотать головой, вытянулся, и на весь вагон раздалось слова команды:

— Трубка восемь, прицел двенадцать, по белым бандитам — огонь! Огонь! Огонь!

Все в вагоне вскочили, кто-то подбежал к парням, державшим бьющегося в припадке за руки, стал спрашивать, что с ним.

— Припадный он, из Сочи едет. Нас с ним послали, одному ему не добраться, — сказал один из парней.

У мужчины вновь начались конвульсии. Он бился головой о пол, на лбу у него выступили мелкие бусинки пота. Он тяжело дышал, пены вокруг рта стало больше.

Александровская-Корчагина не спускала с лежащего испуганных глаз. Парни не могли больше удерживать своего товарища, бьющегося в эпилептическом припад-

ке, из чайника в кружку воды и обтер человеку в тельняшке губы и лоб.

В вагоне стояла мертвая тишина. На лицах женщин был испуг. Лежащий на бурке дышал спокойно, лицо у него порозовело. Он открыл глаза и тихо спросил:

— Как я, ничего такого не наговорил?

— Нет, все в порядке, никаких таких выражений не высказывал. Только все командовал, — сказал его товарищи.

Мужчина сел и, обращаясь к нам, пояснил:

— Из Сочи еду. Лечиться посылали, да что-то не помогло. Смотрите, как меня Махна проклятая разукрасила. — И он поднял свою тельняшку.

На груди, около шеи виднелась пятиконечная звезда, а дальше красными полосками снятой кожи были вычерчены слова: «Да здра... Ш Ингер...».

— Не успели все дописать. Успели бы, не жить мне. Воевали мы с этими бандитами вот в этих самых местах, где сейчас проезжаем. Проскочил я со своим отрядом в одну деревеньку — и угодили мы в засаду. Остальных-то они сразу порешили, а меня взяли пытать, привязали к телеграфному столбу, сняли рубаху и давай кожу ленточками сдирать. Ты, мол, теперь афишей у нас будешь, каждый, кто увидит тебя, сразу же опрделит, за кем ему идти надо. Спасли меня буденнов-

мите. — Жена командира завернула в обрывок газеты кусок хлеба и несколько ломтиков сыра, сувила нам с Левкой. — Вам еще далеко ехать, а мы уже дома.

Из того запаса сухарей и егурцов, что дала мне мать, я сохранил половину. Нам с Левкой действительно долго еще ехать.

Ничего, доберемся. Свет не без добрых людей.

В МОСКВЕ

За Воронежем в нашем «штабном» вагоне стало просторнее. Вышли жена командира, студентка, большой матрос со своими сопровождающими — всего семь человек. И до самой Москвы никого к нам больше не подсаживали.

Прибыли мы на Казанский вокзал. Попрощались с попутчиками и вышли на площадь. Вся она была заставлена пролетками извозчиков — такого скопления извозчиков, как в тот день, мне никогда больше не приходилось видеть.

— Ну что теперь делать будем? Куда пойдем? — спросил я Левку.

— Я предлагаю прямо отсюда направиться в Совет профсоюзов, мне даже адрес в Баку дали. Он где-то на Солянке помещается. Вот надо будет порасспросить, где эта Солянка находится.

Узнали, где Солянка, и направилась туда. Нам удивительно повезло. Во дворе огромного дома мы встретили Сократа Геворкяна. Геворкян был бакинцем, и я с ним встречался в Рабочем клубе. Он тоже приехал учиться.

— Где ты с ночлегом-то устроишься? — спросил я Сократа.

— Прямо здесь, в Совете профсоюзов. Заняли одну из пустых комнат и ночуем. Идите к нам, у нас можете и мешки свои пока оставить, а там видно будет. Я тут уже неделю живу.

Мы поднялись на третий этаж и вошли в большую комнату, загроможденную мебелью: большими столами, стульями, какими-то допотопными диванами с жесткими сиденьями и резными спинками.

В комнате находился худой смуглый человек моих лет.

— Вот мы с ним вдвоем и оккупировали это «жилище». Знакомьтесь.

— Манджара, — услышал я.

— Он тоже приехал учиться, поступает в горную академию, — сказал Сократ. — А я уже зачислен на факультет общественных наук, сокращенно называется ФОН. Это новый факультет при Московском университете. Декан факультета — Удальцов Александр Дмитриевич, очень хороший специалист. Меня на этот факультет без экзаменов приняли.

Ставьте столы или диваны, располагайтесь. Мы с ним на столах спим, удобнее, — кивая в сторону Манджары, продолжал Геворкян. — А то давайте перекусим, а потом можно будет и по своим делам разойтись. Мы с Манджарой все наши съестные припасы объединили, так вроде бы экономнее получается.

Только теперь я заметил, что

в углу комнаты горела керосинка, а на ней стояла кастрюля.

— Подожди, я воды долью, — сказал Манджара. — Я на троих считал, а нас теперь пятеро.

Он принес откуда-то из коридора котелок воды, долил кастрюлю и, развязав вещевой мешок, вынул из него кусок свиного сала. Отрезал от куска ломтик, положил на небольшой листик фанеры и стал крошить на мелкие квадратки. Затем Манджара вытащил из мешка небольшую сковородку с ручкой, положил на нее квадратки сала и принялся чистить луковцу, снимая только тонкие желтые чешуйки. На той же самой фанерке он измельчил лук и тоже положил его на сковородку.

— Экономист, хозяйственный мужик, — проговорил Сократ, наблюдая за тем, как Манджара режет сало и чистит лук.

— Сейчас попробую. Если картошка уварилась, заправлю мукой, положу лук, и можно будет обедать.

Манджара поставил на керосинку сковороду с салом и луком, и комната наполнилась дразнящими запахами. Мы с Левкой давно не ели горячей пищи, перебиваясь кислым хлебом и сухарями. Правда, в штабном вагоне нас подкормили, нам перепало по несколько кусочков сыра и по куску вареной свинины. Но это не так много за пять дней пути.

Наконец суп был сварен, и Манджара спросил:

— Надеюсь, ложки у всех имеются? Я пойду Лене позову, она рядом поселилась.

— Также учиться приехала. Они из одного места с Манджарой, с Украинны, — пояснил Сократ.

— Тарелок у нас нет, — сказал Манджара, возвращаясь со

светловолосой девушкой. — У меня есть миска. Можно будет часть отлить в нее, а часть — в котелок. А кому добавить потребуется — в кастрюле резерв держать будем. Так, что ли?

— Ты давай в миску и наливай Лене, а мы вчетвером из котелка хлебать будем, — сказал Сократ.

— Что это вы меня выделяете, не в равноправное положение ставите? — возразила робко Лена.

— Хлеба мало, — не слушая ее, сокрушенно произнес Сократ.

— У меня сухари есть — из Баку привез, — сказал я.

Первый обед в Москве, на Солянке, в одной из больших комнат длинного унылого коридора здания ВЦСПС я хорошо помню до сих пор.

Вспоминая этот первый день в Москве, я вижу перед собой энтузиастов 20-х годов, исполненных оптимизма. Нас абсолютно не волновало и не смущало то, что мы не знали, где завтра будем почевать и удастся ли нам что-нибудь перекусить.

Мы ясно видели светлое радостное завтра, а горе и невзгоды нас мало смущали. Столько за последние годы свалилось на нас разных напастей и несчастий, столько мы пережили лишений и мук, что как-то обтерпелись. Мы достигли главного, что было мечтой жизни, — возможности учиться и овладевать вершинами культуры, путь к которым был для нас раньше закрыт.

— Ну, я пойду к себе на факультет, поговорю с начальством. Надо в общежитие устраиваться, — сказал Сократ, уходя из комнаты.

Левка тоже ушел, отправился разносить письма, которые ему надавали в Баку для москвичей.

Мы остались втроем: Манджара, Лена и я. Манджара еще не был зачислен студентом, Лена тоже. Их это несколько тревожило.

— Документы я уже все сдал. Как только оформят, так и направление в общежитие получу. Без оформления там и делать нечего, все равно не пустят. А тебе я советую сразу же в ЦК идти. В ЦК тебе дадут письмо в академию. У меня тоже письмо в ЦК было, — сказал Манджара.

Я и решил идти в Центральный Комитет.

ДВЕ БАНКИ КОНСЕРВОВ — ЭТО МНОГО

Центральный Комитет РКП(б) тогда помещался в здании на Воздвиженке (ныне улица Калинина).

В здание я прошел по партийному билету и, остановив в коридоре одного из сотрудников, сказал, что у меня имеется «секретный пакет» в ЦК РКП(б) из Центрального Комитета Азербайджанской коммунистической партии.

— Вам, пожалуй, надо пройти прямо к одному из секретарей ЦК, — сказал он мне. — Идите к Молотову, он сейчас здесь.

В небольшой приемной сидел молодой человек. Я сказал, что у меня «секретный пакет», который я привез с собой из Баку, и мне необходимо передать его секретарю ЦК.

— Проходите, — сказал он, кивнув на дверь. — Как раз у него сейчас никого нет.

Я открыл дверь и увидел сидящего за столом Молотова — он читал, склонившись над бумагами. Услышав звук открывающейся двери и мое «здравствуйте», Молотов поднял голову и посмотрел на меня через стекла пенсне.

— Здравствуйте, — произнес он, протягивая руку.

— У меня к вам письмо из Баку.

— Давайте.

Я подал конверт с пятью сургучными печатями. Молотов вскрыл его и, прочитав, засмеялся.

— Пройдите к товарищу Удальцову, он вам поможет устроиться. А пока я дам вам две банки консервов и талончики на три дня в третий Дом Советов на три обеда в гостинице «Метрополь». Это недалеко отсюда. Ну а потом вам придется самому устраниваться.

Молотов написал на письме ЦК: «т. Удальцову — надо оказать содействие в поступлении», — пожелал мне успеха, поднялся и пожал руку.

Уже много позже, когда я участвовал в работе Международного атомного агентства в Вене, а Молотов был постоянным представителем Советского Союза при этой организации, при очередной встрече с ним я напомнил ему, как на заре становления Советского государства я приехал учиться в Москву и он выдал мне две банки консервов.

— Неужели я две банки дал? Вам удивительно повезло: другим я по одной выдавал. Две банки консервов — ведь это было очень много для тех времен.

Выйдя из кабинета, я спросил сидящего в приемной молодого человека, что же мне делать с полученными талонами.

— Консервы здесь получите. — И он объяснил мне, куда и к кому идти. — В третьем Доме Советов вам дадут место, там вы сможете прожить дня три, а дальше нужно будет где-то устроиваться. Ведь вы учиться приехали? Там, где вас примут, и в общежитие поместят. А вот эти три талона — это на обеды. В «Метрополе» кормят сытно.

Я прошел вначале к Удальцову. Прочитав письмо и резолюцию, он спросил, какое у меня образование, а затем сказал:

— А почему бы вам не поступить на факультет общественных наук? На ФОН я мог бы зачислить вас без всяких экзаменов, а при поступлении в технические учебные заведения надо будет экзамены держать. А вы, наверное, за эти годы все позабыли и без

Слева направо (стоят): А. А. Фадеев, А. А. Блохин, Ф. Э. Зильбер, И. Н. Белецкий; (сидят): В. С. Емельянов, И. С. Апрыткин, Н. А. Блохин, И. Т. Тевосян.

подготовки вряд ли их выдержите. Поступайте на ФОН.

— Я хочу делом заниматься, специальность приобрести.

Удальцов обозлился и, сердито глядя на меня, сказал:

— А мы что, бездельничаем здесь, что ли? Я вам и предлагаю делом заняться.

Я видел, что он обиделся, и мне необходимо было как-то поправить дело.

— Я из Баку направлен в горную академию изучать горное дело. Общественные науки я мог бы и в Баку изучать, там у нас университет есть. Зачем же мне было ехать из Баку-то?

Удальцов смягчился.

— Что же, поступайте в горную академию, направление мы вам дадим. У вас есть еще какие-нибудь дела здесь?

— Есть.

— Тогда идите и занимайтесь ими. А часа через два вот у этого товарища получите направление. — И он показал мне на сидящую за другим столом женщину.

Я отправился за консервами, а затем решил пойти в третий Дом Советов. Возвратившись в ЦК уже в конце дня, я получил небольшое письмо, в котором было сказано, что меня направляют в Московскую горную академию для зачисления в студенты при сдаче положенных экзаменов.

Слова «при сдаче положенных экзаменов» Удальцов уже от себя добавил, подумал я. Хочет, чтобы к нему на факультет больше народу шло.

С Солянки я направился со своим мешком в третий Дом Советов. В небольшой комнате стояли три кровати. На них были белоснежные подушки, шерстяные синие одеяла в белоснежных поддеальниках. Никогда я еще не спал в таких, как мне тогда казалось, роскошных условиях.

Женщина, открывшая мне дверь, сказала:

— Располагайтесь вот на этой кровати, а можно, если хотите, на этой. Здесь пока живет один. Вещи можете сдать в кладовую, она у нас помещается на первом этаже.

Был уже вечер. Я разделся, лег и моментально уснул.

ЗАЧИСЛЕН

С УСЛОВИЕМ...

Сразу же с утра я решил идти в приемную комиссию Московской горной академии. В то время для пользования единственным видом коммунального городского транспорта — трамваем — необходимо было иметь талоны. Их у меня, конечно, не было, я ходил пешком, и это занимало много времени. В приемной комиссии, куда я после долгих расспросов наконец добрался, мне заявили, что я буду зачислен, но с обязательным условием до 1 октября сдать вступительные экзамены.

— Занятия у нас начнутся с первого сентября, а до первого вы свободны, — сказал мне один из членов комиссии. — Вам бы попозже приехать, ближе к сентябрю. Здесь и с продовольствием трудно, да и делать вам пока нечего. В общежитии у нас ремонт идет, поместить вас туда не сможем.

А может, действительно уехать в Баку? Получить документы о зачислении — и уехать. В Баку я смогу и поработать, и прикрепиться к какой-то столовой. А здесь что буду делать? Пройдет три дня, меня из третьего Дома Советов попросят. Куда тогда идти?

(Продолжение следует)

СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Из серии «ЖИЗНЬ СОЛДАТСКАЯ»

(литография).

Работ у Георгия Елфимова, студента третьего курса Московского государственного художественного института имени Сурикова, было немного: около десяти. И первое ощущение от увиденного в них, когда они стояли в редакции, прислоненные к стенке, — их беззащитность.

Зрители — посетители редакции — обменивались мнениями, говорили друг другу, что будущий художник слишком щедро цитирует Петрова-Водкина и Дейнеку. Те же, кто, кроме Третьяковской галереи, забредал и на выставки современных живописцев, совсем недавно ходивших в «молодых», признавали, что нечто похожее они видели у Попкова. Нет, у Обросова, поправляли их другие...

Словно и не было тех, таких недавних споров, на кого «похожи» Попков, Обросов, Жилинский, Иванов, Осовский. Да и можно ли ставить в упрек начинающему художнику его иногда безотчетное, незамет-

ное для него самое стремление быть похожим на любимого Мастера?

Тем более что один из таких мастеров удивительно точно заметил: «...великие... в своем творчестве достигают такой законченности, что продолжение их линии становится невозможным. Они обрывают собой целый исторический период, а каждое их произведение является резко отличным этапом их роста. Средний мастер ровен, гладок и не знает ошибок, великий — взрывает, подъемы и спады — это его нормальный путь...» Так писал Кузьма Сергеевич Петров-Водкин. И этими словами великодушно защитил все предстоящие труды будущих своих почитателей, а нас зарек от пустого занятия: искать сходство с уже знакомым там, где можно сделать открытие.

Есть подкупающая искренность и чистота в работах молодого графика. Поэтическое видение мира — вот что лежит в основе творчества Георгия Елфимова. И, увидев, уже невозможно забыть его «Людмилу», лист из серии «Жизнь солдатская», мягкую голубизну «Катка», прозрачную прохладу «Северной деревни». В красках Г. Елфимова есть та торжественная чистота, которая присуща — кто видел, знает — северному сиянию.

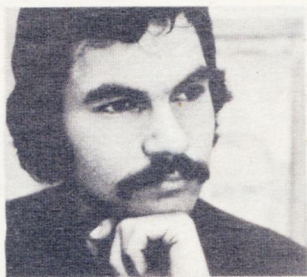
И не такие уж они беззащитные, эти работы будущего художника. Скромны и ненавязчивы, неброски, тихи — без звучного аккорда сочных красок, — а взяли за душу, как старая, с детства знакомая русская песня, и повели за собой в тот мир, который увидел и полюбил Г. Елфимов. В этом мире легко дышится, будто рядом с лесным ручьем.

И еще одна интересная деталь: сравнивали-то Г. Елфимова все больше с живописцами, совершенно не обращая внимания на то, что он график. А решая графические задачи, Елфимов пользуется языком живописных образов, и уже одно это крайне интересно. Такое слияние под силу далеко не каждому.

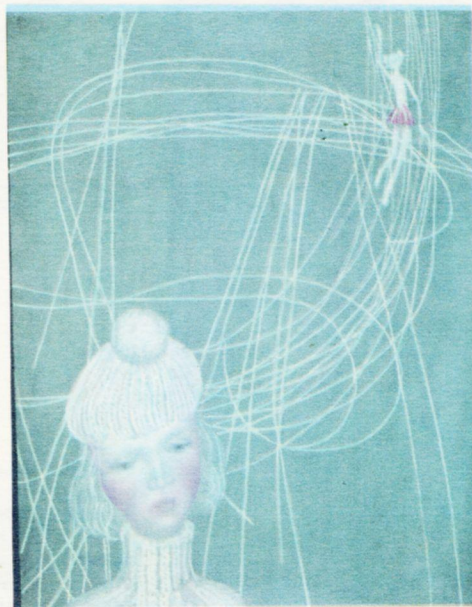
Как нелегко овладеть умением разбираться в окружающем мире, научиться переводить его на плоскость, найти краски гармонии или дисгармонии этого мира, — и все лишь для того мгновения, когда кто-то, возможно совсем незнакомый тебе, вдруг остановится возле твоей работы, задумается и покажется ему, что оба вы родом из того чудного места в России, где стынют высокие сараи в белых летних ночах, где осталась в окошке, как в раме картины, душевная девушка Людмила, самая лучшая на всем свете...

Впереди предстоит еще много напряженной работы.

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

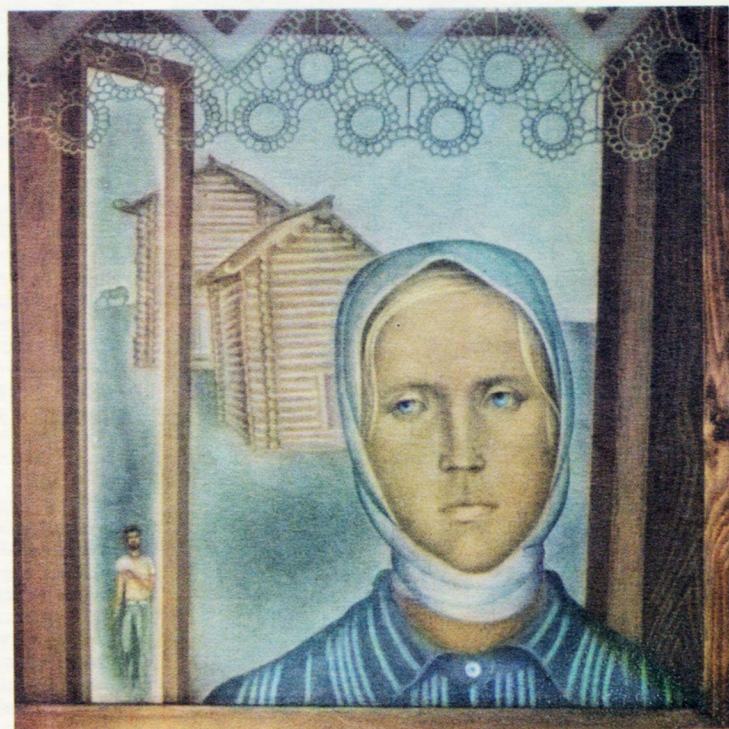

«ТВЕРСКОЙ ПУТЕПРОВОД».

«КАТОК».

«ЛЮДМИЛА».

Еще не совсем послушны краски: синий самовар сползает с клетчато-синей скатерти на письмо, аккуратно, наискосок оставленное для зрителя на столе («У самовара»), и даже довольно смелый и игривый взгляд невесты («Невеста»), к сожалению, не отвлекает зрителя от парящей за ее спиной кровати, застеленной пестрым лоскутным одеялом, с целым ворохом подушек — чуть не до потолка.

Это не «ложка дегтя», полагающаяся в качестве обязательной нагрузки к «бочке меда». Просто любой автор должен знать о своей работе все — и хорошее, и плохое, потому что это необходимо для дальнейшего творческого труда...

К. С. Петров-Водкин говорил, что «труд должен быть ясен и любим».

Эти слова, пожалуй, обращены не только к художникам...

Н. ДМИТРИЕВА

Борис ГУРНОВ

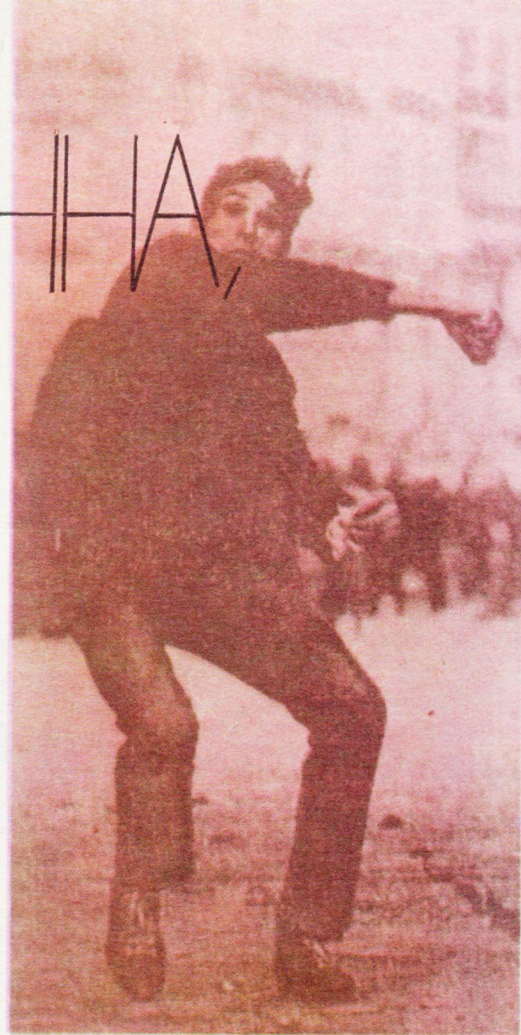

ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

РЕПОРТАЖ ИЗ ПАРИЖА —
СПЕЦИАЛЬНО
ДЛЯ «СТУДЕНЧЕСКОГО
МЕРИДИАНА»

СОРБОННА, ШЕСТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Отсчет мы, естественно, начинаем с мая 1968 года. Потому что мерят и долго, наверное, будут мерить тем маем все, что происходило и еще произойдет в Сорбонне, во французской высшей школе, в студенческом движении других стран.

Сейчас в древнем дворике Сорбонны тихо, безлюдно, чисто. А ведь именно здесь дни и ночи бурлил полный страстей митинг, из окон свисали красные флаги, а стены были сплошь покрыты плакатами. В этом дворике кипели рукопашные схватки, рвались гранаты со слезоточивым газом, раздавались крики раненых.

Ныне ничто не напоминает о тех днях. Разве только каменная колба в руках скульптурного Луи Пастера, горлышко которой отбито так, что колба теперь больше напоминает яблоко, а великий микробиолог стал походить на соседнего с ним Ньютона.

Нет стенда, посвященного 1968-му, и на открывшейся в церкви Сорбонны выставке истории университета. «Почему?» — спросил я. Не собрали, говорят организаторы, не обобщили материалы для полного и правильного осмысления событий.

Действительно, оценок мятежного мая много, и они самые противоречивые. Одни считают, что студенты, сражавшиеся на баррикадах, — национальные герои Франции, такие же, как те молодые участники антифашистского Сопротивления, чей прах с разных кладбищ перенесен в «склеп чести» церкви Сорбонны. Другие, наоборот, утверждают, что место организаторам и участникам майского взрыва в тюрьме. Разное пишут и говорят о Сорбонне...

Мой случайный каннский знакомый выглядел так, как — согласно канонам детективного романа — изображают шпионов и контрразведчиков, преступников и агентов секретной полиции, в общем, тех, кто по каким-то причинам старается быть неузнанным: темные очки под шляпой, надвинутой на самые брови, усы и борода, скрывающие все, что осталось не спрятанным очками, шляпой и поднятым воротником плаща. Говорил он отрывистым полупешотом, нервно оглядываясь, должно быть в опасении «хвоста». Представился, не подавая руки: «Революционный студент — борец за дело трудового народа. Нахожусь на нелегальном положении. Имя мое вы узнаете позже». Однако этот «нелегал» подкатил к шикарному каннскому отелю «Карлтон» на собственной машине, по номеру которой любой мог в течение считанных минут узнать имя ее владельца. И роскошный полуспортивный автомобиль «борца», и сидевшая в нем супермодная его подруга как-то не вязались ни с трудовым народом, ни с его делом.

«Нелегал» обращался с просьбой к моему соседу по отелю — владельцу крупной парижской кинопрокатной фирмы. Предварительный разговор уже состоялся с матерью «борца», отчаянно декольтированной старухой, решившей, должно быть, сбалансировать минимум одежды максимумом бриллиантов. «Мы показали нашему мальчику и его подруге, — нараспев говорила она, — номер рядом с нами, но он ведь у нас — ре-во-лю-ци-о-нер! Говорит, что убеждения не позволяют ему

автономии университетов! Требовали, чтобы власти наконец не просто выслушали, но вникли в их нужды и, главное, сделали что-то конкретное и радикальное. Чтобы они могли учиться сегодня с уверенностью, что не станут завтра дипломированными безработными. Власти приказывали прекратить беспорядки — полиция и специальные отряды жандармерии выполняли их распоряжения.

Плотным строем перекрыли улицу жандармы из республиканской службы безопасности. В стальных касках с опущенными на лица пластиковыми забралами, с огромными круглыми щитами и дубинками в руках, они кажутся пришельцами из других эпох или миров. Колонна студентов приближается. Все громче скандирующее голоса: «Свободу! Стипендий! Общежитий!» Над недвижно молчаливым строем жандармов резко звучит команда — из второго ряда выдвигаются вперед гранатометчики, ошетинив навстречу демонстрантам узкие трубы стволов. Строй перед строем. Лоб в лоб. Две плотные массы людей, зажатые с боков каменными берегами улиц.

Я видел такое не раз и не два. Первыми в основном не выдерживали студенты. Оскорбительный выкрик — и в солдат летели камни, палки. И тогда грохотали гранатометы, резко хлопали разрывы, едкий дым слезоточивого газа заполнял улицу; одетые в противогазы жандармы начинали орудовать дубинками. Крики ожесточенной схватки, вопли раненых, истощный вой полицейских машин, увозивших арестованных...

Первые дни туристы и парижские обыватели ходили по вечерам смотреть эти побоища как спектакль. Но вот после многодневной забастовки студентами захвачена Сорбонна, из пламени бесчисленных красных полотнищ вырвалось мгновенно подхваченное всем студенческим Парижем набатное слово: «Революция!»

Вслед за Сорбонной волнения охватили студенческие центры Франции. Поднялись лицеисты.

Одна за другой вспыхивают забастовки на промышленных предприятиях. И вот уже две тысячи металлургов завода «Сюд Авиасьон» в департаменте Атлантическая Луара заняли заводские цехи. Их примеру следуют рабочие автомобильных заводов «Рено» в Клеоне, Флене, Мансе и Булонь-Бийанкуре.

Так же, как и в оккупированной студентами Сорбонне, где двадцать четыре часа в сутки продолжается митинг, в театре «Одеон», захваченном вовлеченной в борьбу интеллигенцией, непрерывно митингуют деятели культуры.

Революция! Чисто студенческие лозунги первых мятежных дней переросли в требования коренных социальных и политических реформ.

Громче всех в сумятице тысяч голосов звучали голоса ультралевых анархистов, возглавляемых Кон-Бендитом, которые начинали в Нантере «большой бунт». Одно за другим, подхваченные прессой, радио и телевидением, становились известны широкой публике имена новых молодежных лидеров — Кривин, Гейсмар, Соважо — один другого револю-

ционнее... За что они выступали и какая между ними разница — понять было трудно. Одно очевидно — все выступали против президента, правительства, общественной системы. Против всего существующего, подлежащего слову. К лику чуть ли не святых ими был причислен семидесятилетний американский философ Герберт Маркузе, провозгласивший гегемонном современной революции молодую интеллигенцию, студенчество и люмпен-пролетариат.

Только рабочий класс под руководством своих испытанных вожakov — компартии и Всеобщей конфедерации труда выдвинул в те дни стройную конкретную программу требований и добился определенных уступок от властей. Студенческие и иже с ними интеллигентские «ультрареволюционеры», разглагольствовавшие о недопустимости «сговора с буржуазией», продолжая тактику насильственной борьбы, добились лишь того, что на выборах в июне 1968 года напуганный обыватель шарханулся вправо, отдал большинство голосов представителям буржуазных партий.

Это был первый урок из событий 1968 года.

Помнится, в феврале 1970 года я снова приехал в Нантер, где все началось в 1968-м. Забыл дорогу к студенческому городку. Увидел на перекрестке ряд полицейских автомобилей и сразу же понял, что мне именно туда.

— Юридический факультет? — переспросил молодой полицейский из зарешеченного окна синего фургона. — Не советую там сейчас появляться. Но уж если очень нужно, ориентируйтесь по нашим машинам. На углу, видите, две? Пройдете через мостик под горой, их будет три, дальше — четыре. А там уж совсем близко. Наши ребята покажут вам. А может быть, и проведут, — заговорщически подмигнул полицейский. — Им, да и всем нам, скоро, наверное, туда...

«Завтра ожидаются вооруженные столкновения в Нантере», — сообщило накануне парижское радио. В 9,30 утра у входа на юридический факультет были установлены микрофоны радио и камеры телевидения. В 10,30 раздались воинственные крики, и толпы заросших, бородастых парней в мотоциклетных касках бросились с палками на штурм центрального входа на факультет. Завертели разбитые вдребезги стекла. Из окон полетели на мостовую стулья и книги. В шуме схватки раздавались крики раненых. А на заранее подготовленных удобных платформах спокойно работали операторы телевидения. Затем подкатили темно-синие фургоны — и жандармы навели порядок железной рукой закона.

На следующее утро снимки беспорядков на юридическом факультете Нантера появились во всех газетах. В заголовках над ними мелькали упоминания об угрозе нового 1968 года. «Сумасшествие разрушения начинается снова, — тревожно сообщала газета «Паризьен либере». — Отряды одетых в каски «коммунистов» напали на юридический факультет».

— Вот ведь как хитро работают буржуазные газетчики, — сказал мне Ив Оро, один из руководителей студенческого совета в Нантере. — Они

жить в буржуазном отеле. И, кроме того, — какой ужас! — его, оказывается, может арестовать полиция за какие-то студенческие шалости в Париже. У вас ведь яхта, — просяще пропела она, — дайте им на время одну из кают». Кинобизнесмен согласился. «Поезжайте, молодой человек, — сказал он, едва сдерживаясь, чтобы не рассмеяться, — располагайтесь там, как вам будет удобно. Я всегда восхищался теми, кто не щадит себя в борьбе за свободу. Если это необходимо для вашей безопасности, я прикажу механику по ночам выходить в нейтральные воды...»

«Нелегал» простился, опять не подав руки, и решительно направился к своей машине. Тут-то мой сосед и прыснул со смеху.

Это было в мае 1970 года. Двумя годами раньше — в мае 1968-го — кинобизнесмен, вероятно, отреагировал бы на такую просьбу иначе. Тогда ему, как и многим другим владельцам яхт и прочей собственности, было, пожалуй, не до смеха.

В те дни, когда за взрывом студенческого бунта в Нантере разлилось зарево пожаров над Латинским кварталом в Париже и узкие улочки вокруг Сорбонны раскололись стенами баррикад, выпуски последних новостей радио и телевидения, газетные репортажи с каждым часом все больше стали напоминать сводки с поля боя. Впрочем, ими они и были. Репортажи о многотысячных студенческих демонстрациях сменялись сообщениями о схватках с полицией, переходящих в уличные бои.

Студенты требовали восстановить свои погранные свободы и былую

рассчитывают, что сенсационное сообщение прочтут все, а кавычки у слова «коммунисты» заметят и правильно поймут немногие. Вот и сложится у обывателя впечатление, что драку затеяли коммунисты, хотя на самом деле мы были защитниками факультета от леваков, хулиганящих под знаменем «революционной борьбы». К настоящим коммунистам они давно не имеют никакого отношения, наоборот, при всяком удобном случае выступают против нас. Зачастую и с палками в руках.

Своей ультралевой анархической деятельностью, сводящейся к безобразным выходкам и кровавым потасовкам, — продолжал Ив Оро, — они наносят огромный ущерб организациям, выступающим с позиций подлинно революционной борьбы за переустройство общества. Они отпугивают население угрозой полной анархии, создают в массах представление о революционерах как о «демонах всеобщего разрушения». Этим-то с удовольствием и пользуется буржуазная пропаганда, старательно «путаящая» леваков с настоящими коммунистами.

— Мы не склонны обвинять всех леваков з умышленном сотрудничестве с реакцией, — говорила мне Мари Клер, представительница студенческого совета филологического факультета. — Очевидно, многие из них в своей «сверхреволюционности» наивно-искренни. Однако объективно они действуют заодно с реакцией.

Поэтому, видимо, не случайно очередные беспорядки в Нантере были намечены на канун открытия съезда Французской компартии. Буржуазная пропаганда с нетерпением ожидала скандалов, чтобы шумом новых бесчинств этих якобы «коммунистов» заглушить голос съезда представителей подлинно Коммунистической партии Франции. Снова, как и в первый день волнений, заняли лучшие для съемки и наблюдений точки представители буржуазных газет и журналов, радио и телевидения. Заранее были установлены и опробованы камеры и магнитофоны. Но снимать в тот день оказалось нечего. Драк не было. И ультралевые и ультраправые, встретив на факультете плотную стену готовых к отпору студентов, не решились на новую провокацию.

В 1253 году духовник короля Людовика Святого Робер де Сорбонн основал на левом берегу Сены коллеж для изучения теологии детьми малоимущих родителей. Получившее имя своего основателя, это учебное заведение стало основным среди тех, что были созданы до него и что возникли позже, и дало название всему выросшему на их основе Парижскому университету. Время шло, университет разросся далеко за пределы Латинского квартала, а в последние годы и Парижа — в Нантер, например, в Венсенн. После реорганизации в 1970 году все коллежи и факультеты Парижского университета сгруппированы по территориальному признаку в отдельные комплексы под знаменами от первого до тринадцатого. И то, что когда-то было соб-

ственно Сорбонной с церковью, построенной кардиналом Ришелье (где, кстати, находится и его могила), теперь официально называется: «Университет Париж-4».

Во времена Робера де Сорбонна и еще раньше, при Карле Великом, основанном на острове Сите первые парижские школы, состав студентов был единым. Здесь учились в основном дети бедняков, мечтавшие выбиться в люди через духовный сан или благодаря учености. Затем, уже сравнительно недавно, университетский диплом стал модой, и стены Сорбонны заполнили «белоподкладочники» — дети аристократии и крупной буржуазии. Но опять-таки и это была в общем-то единая масса. Элита. Потому и относительно немногочисленная.

В последние годы французский университет стал массовым. Только с 1960 года количество учащихся вузов возросло с 247 до 700 тысяч. Состав нынешнего студенчества отразил изменения в структуре французского общества: усилились роль и значение так называемых «средних классов», и в университет пошли дети мелкой и средней буржуазии, интеллигенции, чиновничества. Очень резко по сравнению с тем, что было, хотя по абсолютным цифрам это не так много — до 12 процентов, — возросла прослойка студентов — выходцев из рабочих семей и даже крестьян.

Вся эта новая масса с огромным трудом должна была втискиваться в старые аудитории. Мне самому доводилось быть свидетелем того, как многие студенты в Сорбонне слушали лекции, сидя на полу, в проходах, на лестнице. Помнится, вместе с французскими друзьями, пригласившими меня послушать интересное выступление на юридическом факультете, мы высидели предшествовавшую ему лекцию по древнегреческой стилистике. Иначе рисковали остаться без места. Еще труднее, вернее — попросту невозможно, было для нового состава втиснуться в старые нормы, обычаи и условия сложившейся жизни.

Прежних студентов — «белоподкладочников» — занимали проблемы приятного проведения свободного времени, которого у них было предостаточно. Волновали отвлеченные теоретические и политические дискуссии. Их не беспокоило последнее дипломное распределение: вопрос их успешной карьеры был решен с момента рождения.

Новые студенты потребовали стипендий, льготных столовых и общежитий, гарантированной работы после окончания университета. Они были настоятельно заинтересованы в модернизации университетов, пересмотре устаревших учебных программ и всей системы высшего образования, оставшейся практически неизменной с той поры, когда ее реформировал Наполеон Бонапарт.

Менее 20 процентов учащихся французских вузов получают государственные стипендии, которые так малы, что их едва хватает на оплату жилья, покупку книг и прочие скромные расходы. Для того чтобы сводить концы с концами, большинство французских студентов

(55 процентов к 1968 году) были вынуждены работать в течение всего года. Потому-то до выпуска из университета дотягивают немногим более 30 процентов учащихся.

Но и этот многотрудный финиш сулит большинству мало радости. Тысячи выпускников Сорбонны и других университетских центров страны пополняют армию безработных с дипломом.

Почему? Быть может, стране не нужны квалифицированные кадры? Наоборот. В школах, например, не хватает учителей, в больницах недостаток врачебного персонала. Работа есть, и люди, желающие выполнять ее, есть, но в учебных и лечебных учреждениях нет свободных ставок. Государство не отпускает должных средств на нужды народного образования и здравоохранения. Почему?

Все эти вопросы не волновали представителей прежней кастовой Сорбонны — университета элиты.

Студенты же 50—60-х годов настойчиво требовали их решения. Однако власти либо вовсе не хотели с ними говорить, либо пытались отделиться пустыми обещаниями, и на вспышки обоснованного недовольства отвечали административными и полицейскими репрессиями. Студенты были вынуждены от слов переходить к действиям.

Все более частыми стали взрывы протеста в Сорбонне и других студенческих центрах страны. Раз от раза ожесточались стычки с полицией. Синие, с зарешеченными окнами фургоны жандармерии постепенно превратились в привычную примету улиц вокруг Латинского квартала Парижа. Такие вспышки бунта молодежи нельзя назвать беспочвенными, как пытались определить их буржуазные газеты. Твердая решимость студенчества добиться существенных перемен не только в университетах, но и в жизни всего буржуазного общества, доказавшего свою неспособность к подлинно демократическим преобразованиям, становилась все очевиднее.

— Позвольте! — может возразить внимательный читатель. — Вы же писали о том, что французский университет в основном средне- и мелкобуржуазный, а детей трудящихся там не больше 12 процентов. Получается — и дети буржуазии выступают против буржуазного общества?

Да, выступают. И зачастую с самых крайних «ультралевых» позиций. Многие из них не нуждаются в стипендиях, удешевленных столовых и общежитиях. Они наглухо забивают узкие улицы вокруг Сорбонны своими собственными автомобилями. Они заполняют по вечерам многочисленные рестораны и кафе Латинского квартала. И когда друзья, которых я вожу туда посмотреть на студенческую жизнь, наивно спрашивают: «Наверное, это дешевые рестораны?» — я отвечаю: «Нет, довольно дорогие».

Таких студентов не волнует проблема безработицы после окончания университета: их устраивает. Но они обеспокоены другим, тем, чего не было еще лет 15—20 назад, —

«девальвацией» интеллектуальных профессий.

Выросшие и воспитанные в материально благополучных буржуазных семьях, где традиционно считалось, что диплом Сорбонны — лишняя гарантия исключительного положения в обществе, они во время учебы — раньше или позже — начинают понимать, что в век научно-технической революции, когда труд инженеров и научных работников становится массовым, им, как рабочим к станкам, придется встать к компьютерам и быть наемными пролетариями умственного труда. Красивая иллюзия буржуазных сынков, разбившаяся о прозу жизни, — еще один фермент бунта.

Экзальтация, истерическое шарханье в сторону «немедленной революции» буржуазных сынков, перепуганных перспективой потери своей «исключительности», нетерпеливое искреннее стремление трудового студенчества добиться осуществления своих законных требований и демократического обновления общества, отсутствие у тех и других достаточного жизненного опыта, умения разбираться в людях, лозунгах и к тому же свойственное молодости нетерпение и максимализм облегчили задачу тех, кто старательно толкал студенчество под знамена «ультра-левых».

Потребовалось время после бурного мая 1968 года, чтобы студенты, молодежь, взрослые французы различных возрастов и профессий — одни раньше, другие позже — поняли, что никакой позитивной программы у маоистов, троцкистов, анархистов и всех прочих леваков не было. Раньше всех от авантюристов отвернулись широкие массы трудящихся. Они не позволили увлечь себя «сверхреволюционными» лозунгами. Всеобщей забастовкой в мае 1968 года под своими конкретными лозунгами рабочие добились от властей существенных уступок. Затем от леваков, видя полную бесперспективность разрушительной деятельности, отошло трудовое студенчество. Искренне верившие в революцию, дравшиеся на баррикадах мая за выполнение конкретных требований, они убедились, что гораздо полезнее для дела использование различных методов борьбы и переговоров, поняли необходимость тесного союза с рабочим классом. Прочнее других в рядах «новых революционных сил современности» осели откровенные авантюристы, хулиганствующие деклассированные элементы, упорно поддерживаемые силами реакции, понимающие, что левачество не только меньше из «революционных зол», но даже явное для буржуазного общества благо — сила, вносящая раскол в ряды действительно левых групп и партий и к тому же активно выступающая против основной из них — партии французских коммунистов.

Начиная с 1969 года каждое Первое мая по улицам Парижа, иногда по одним и тем же, проходят две демонстрации. Одна — с лозунгами компартии, Всеобщей конфедерации труда и других прогрессивных организаций Франции. Другая — левацкая. Изменяющееся каждый

Памятник Луи Пастеру перед входом в Сорбонну.

год соотношение численности этих двух колонн наглядно свидетельствует о падении влияния леваков и укреплении позиций коммунистов и прогрессивных профсоюзов.

В начале 1971 года генеральная ассамблея Национального союза студентов Франции призвала созвать в Париже отдельный от левацких групп, собирающихся в Дижоне, съезд своей организации. На нем была выработана конкретная платформа действий обновленного союза.

Левацкие же лидеры на своем съезде в Дижоне, все еще пытавшиеся говорить от имени Национального союза студентов Франции, продолжали клеймить всякие формы легальной борьбы, как «политику сотрудничества с буржуазией».

Силой удерживая за собой законно принадлежащее студенческому союзу здание в центре Латинского квартала на улице Суффо, они продолжают оттуда вдохновлять группы своих единомышленников на «революционное» битье стекол в магазинах и банках, поджоги автомобилей в фешенебельных курортах, выбросив лозунг: «Не дадим буржуазии спокойно отдыхать!» В рамках все той же так называемой «народной

войны» группа леваков разбила витрину фешенебельного продовольственного магазина и, забрав оттуда изрядное количество черной икры, понесла ее «в народ» — в бараки, где в ужасных условиях ютятся сверхэксплуатируемые иностранные рабочие.

Икру и некоторые другие неданные дотеле яства рабочие, конечно, съели, но в их тяжелую жизнь короткое пиршество не внесло абсолютно никаких изменений. Левацкие же лидеры отпраздновали это событие как одну из крупнейших побед «народной войны».

Зимним вечером 1972 года впервые после майского взрыва студенты во главе с руководством своего союза пришли к воротам парижских заводов «Рено» в пригороде Булонь-Бийанкур.

Во время событий 1968 года рабочий Париж оказал активную поддержку студентам: профсоюзы объявили всеобщую забастовку, состоялись манифестации протеста против полицейских расправ в Сорбонне, демонстрации под лозунгом «Трудящиеся, преподаватели, студенты — солидарны!», в которых приняли участие сотни тысяч человек. Однако при всем при этом рабочие так и не

допустили студентов в цехи своих предприятий, опасаясь провокаций со стороны леваков.

Я хорошо помню тот зимний вечер. Зыбким туманом тянуло с Сены. Темное небо накрыло Париж так низко, что казалось, слилось с серым туманом улиц. И неясно было, с реки или с неба та водяная пыль, что оседала на лицах, влажила волосы, мочила листовки в руках молодых рабочих. В тот же час такие же листовки раздавали прохожим студенты в Латинском квартале. Они были подписаны Всеобщей конфедерацией труда и национальными советами студентов и лицеистов Франции.

«Огромное событие! — говорили в листовках. — Встреча рабочих и учащейся молодежи на «Рено», в которой принимает участие генеральный секретарь Всеобщей конфедерации труда, член Политбюро Французской компартии Жорж Сеги...»

В до отказа забитом рабочими и студентами зале — лица юных и пожилых. «Мы рады восстановить свои связи с Национальным союзом студентов Франции», — говорил под гром оваций Жорж Сеги. — Эти связи были крепки до того момента, когда их разрушили безответственные воспоминаниями старых ошибок. Нужно смотреть в будущее, сознавая, что борьба за лучшую жизнь — это общее дело всех, кто действительно заинтересован в прогрессе. Вот почему мы, представители Всеобщей конфедерации труда, протягиваем братскую руку дружбы продолжающим борьбу за осуществление общих для всей молодежи требований, направленных на коренное изменение нашего общества...»

Собрание вел секретарь организации Всеобщей конфедерации труда заводов «Рено» Роже Сильвен. Его рука была забинтована: накануне, когда он вместе с друзьями распространял листовки у ворот завода, на него напала группа леваков. Рядом с ним в президиуме встречи — Рене Фажнзильберг, один из лидеров обновленного союза студентов, раненный бандой леваков в Латинском квартале.

— Завтра в цехах завода выборы, — прощаясь, говорил Роже, — за ночь нужно подготовить листовки, чтобы с раннего утра быть во всеоружии у ворот завода...

— У нас тоже выборы в совет университета, — сказал, уходя, член руководства Национального союза студентов Жан-Луи Коэн. — Сегодня поздно вечером в Сорбонне митинг. Нужно быть рядом с товарищами. Леваки чем малочисленнее, тем активнее. Там всякое может случиться...

Но случилось не в Сорбонне, а на «Рено». Во время одной из редких теперь попыток леваков прорваться на завод, «чтобы вносить революционное сознание в ряды рабочих», в схватке с охраной был убит один из «ультрареволюционеров», двадцатитрехлетний Пьер Оверне, бывший рабочий, скатившийся затем в люмпен-пролетариат.

Я приехал на улицу Эмиля Золя, когда труп уже убрали. На мостовой

виднелись начерченные мелом контуры недавно лежавшего здесь тела. Кругом сновали, делая замеры, агенты уголовной полиции. А перед воротами небольшая группа крикунов во главе с шумно известным в мае 1968-го Гейсмаром и на старости лет примкнувшим к левакам Жан-Полем Сартром, пыталась вовлечь рабочих в дискуссию о «перманентной революции» и о «новых движущих ее силах».

— Уходили бы вы, господа, отсюда подобру-поздорову, — сказал, проходя мимо, пожилой рабочий. — Ведь говорить нам с вами давно уже не о чем.

Если хочешь увидеть в Сорбонне студентов, нужно придти вечером. И не для того, чтобы поговорить с ними на досуге после окончания занятий. Нет. По вечерам как раз лекции и семинары только начинаются. А днем пусто. Совсем одни мы идем по брусчатке внутреннего двора Сорбонны под строгими взглядами Гюго, Ньютона и Пастера.

— Самое загруженное лекциями время теперь с пяти до десяти вечера, — рассказывает мне один из лидеров Национального союза студентов Франции, Рене Морис. — Ведь если к 1968 году приблизительно половина студентов вынуждена была зарабатывать себе на жизнь, то теперь днем работают, а учатся по вечерам 65 процентов. Все так же, как до мая 1968-го, переполнены аудитории, так же не хватает стипендий, общежитий, столовых, но главное — мест для трудоустройства молодых специалистов. Университет по-прежнему выпускает безработных с дипломами.

— Неужели же за все прошедшие годы власти так и не сделали ничего существенного, чтобы сократить эти странные диспропорции, при которых нужда в дипломированных кадрах есть, а работы им нет?

— Как же, — невесело улыбается Рене, — делают и делают. И притом просто, решительно и существенно: закрывают факультеты, сокращают курсы. И первые годы после 1968-го из-за нашей раздробленности им это удавалось довольно легко. Теперь труднее...

Помню, как летом 1971 года на решетке забора в Латинском квартале появился огромный плакат: «Здесь, на аллеях сада, проходят занятия студентов Парижского университета, закрытого властями из-за недостатка средств на расширение и ремонт помещений, на оплату профессоров». И действительно, на раскладных стульчиках, на стопках книг, просто на траве сидели студенты и слушали лекции, которые читали те самые преподаватели, для оплаты которых у государства не хватило средств. Позанимались так, позанимались — благо осень здесь теплая — и разошлись, ничего не добившись.

А вскоре после исторической встречи студентов и рабочих «Рено» десятки тысяч парижан — молодых и взрослых — прошли по улицам города в колоннах невиданной по своему размаху манифестации под лозунгом: «За право на образование,

на получение профессии, на работу по этой профессии!»

И когда власти отменили существовавшую ранее для студентов отсрочку от призыва в армию, в их защиту поднялся весь трудовой Париж, всколыхнулась волнами массовых протестов страна.

Во время этой манифестации в Париже была группа ленинградских кинематографистов, снимавших документальный фильм о борьбе студенчества западных стран. Они попросили меня пройти с микрофоном по рядам демонстрантов и задать разным людям один вопрос: что чувствуют они, шагая в колоннах этого марша протеста?

— Солидарность! — был почти стопроцентный ответ.

— Так что же все-таки, если суммировать, дали Сорбонне и всему студенчеству Франции май 1968-го и шесть прошедших лет? — спросил я у Рене Мориса.

— Студенчество смогло сопоставить собственные силы с мощью объединенных усилий всего народа, — начал загибать он пальцы. — Осознано свое место в общей борьбе. На ошибках поняло, кто его друг, а кто враг. Убедилось, что залог успеха не в яркой вспышке бунта, а в упорной борьбе, сочетающей все формы...

Рене помолчал и затем подытожил:

— А главное, что, по моему мнению, дали студенчеству все эти годы, можно определить одним словом — зрелость.

Зрелость! Пройдут годы, и именно этим словом, вероятно, подведут итог и создатели стенда 1968-го и позднейших годов в музее истории Сорбонны. Но не перенесут, я думаю, в «склеп чести» ни останки Пьера Оверне, погибшего под знаменем студенческой революции у ворот завода «Рено», ни Филиппа Материана, убитого под тем же знаменем в схватке с полицией у стен Сорбонны. Об этих, вероятно, честных, искренне заблуждавшихся ребятах, должно быть, не вспомнят даже знаменосцы той «революции», спокойно занимающиеся сейчас иными делами. Даниэль Конбендит пишет, как говорят, мемуары во Франкфурте. Бывший лидер левацкого союза студентов Франции Жак Соважо преподает историю искусства в Нанте. Возглавлявший в свое время маоистскую группу «Пролетарская левая» Алан Гейсмар занимается литературными переводами.

Кстати, недавно я встретил своего знакомого киносценариста, и он сказал, что снова видел в Каннах того «нелегала». Он уже третий год каждое лето живет в «Карлтоне» вполне легально. У него собственное «дело» в Париже по рекламе готового платья.

Февраль — венец зимы. Самый короткий месяц. Не хватило зиме дней. Март торопит — подточит капелью сугробы, и они опадут, оседают, будто баллоны, из которых выпустили вдруг воздух.

Но еще задирист мороз, крепок наст, надежен лед. Февраль ходит в ярком лыжном свитере и в вязаной шапочке с кисточкой. Но торопись, торопись, лыжник, пробежать по поносящейся, накатанной лыжне. Зима мчится к финишу. Поспеш и ты. К алой ленте транспаранта, на котором три буквы: ГТО.

Сдал ли ты, студент, зимние «зачеты» физкультурного комплекса? Если не сдал, то еще есть время. Есть время отдать лыжне то, чему научился в первые зимние месяцы, что накоплено на тренировках. Есть время восстановить румянец после трудной зимней сессии.

А потому — на старт!

Зовут на лыжню, на каток стяги III зимней Спартакиады народов СССР — самых массовых соревнований нашей страны. Спартакиада задумана как большой спортивный праздник. Пусть она станет праздником и для тебя, студент.

Здоровье, физическая закалка — величины отнюдь не абстрактные. Давно замечено, что бодрость физическая роднится с душевной бодростью, что свежий морозный воздух хорошо проветривает мозг, конечно же устающий от непрерывного чтения учебников и конспектов, что усталость после лыжной прогулки не минус, а плюс к работоспособности, столь нужной за библиотечным столом, в учебной лаборатории.

Есть и еще один довод в пользу стартов ГТО. Нынче в рамках зимней спартакиады проводятся новые соревнования — первенство СССР по многоборью ГТО на призы газеты «Комсомольская правда».

Первенство страны по ГТО объявлено ЦК ВЛКСМ и Спорткомитетом СССР в начале зимы, в декабре. На старт состязаний выходят школьные классы и студенческие группы, коллективы цехов предприятий и бригады строков, колхозов и совхозов, отделы учреждений и научные лаборатории. Эти соревнования выявят чемпионов ГТО. Конечно, чемпионом станет далеко не каждый. Допустим, лично ты и не стремишься в чемпионы. Но чемпионом ГТО может стать твоя группа, твой курс, твой факультет, твой вуз. Поэтому главное условие соревнований — на старт должен выйти каждый.

Февраль во многом определит итог большого зимнего экзамена, который держат в эти дни наш вузовский спорт, комсомольские организации, кафедры физвоспитания, студенческие спортклубы. Первый этап первенства страны по многоборью ГТО — самый массовый, а стало быть, самый важный и ответственный. Он решает, будет ли вуз участвовать в соревнованиях второго этапа на первенство района, города, который проходит под девизом «Дорожи честью своего коллектива». Все зависит сейчас от четкой организации соревнований в группах, на факультетах, от того, сумеют ли комсомольские и спортивные активисты орга-

ГТО

НА МАРШЕ

низовать дело так, чтобы старты ГТО стали не дежурным мероприятием для галочки, чтобы проходили они по-студенчески задорно и азартно.

Верится, что любовь к спорту, потребность в ежедневных физических упражнениях надолго сохранится у выпускников Киевского ордена Ленина политехнического института имени 50-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Этот вуз одним из первых вышел на старт первенства СССР. Новые соревнования не застали комсомольских и спортивных активистов вуза врасплох. К началу зимы около тринадцати тысяч студентов, преподавателей, сотрудников института были вовлечены в орбиту ГТО. А 2172 из них к этому времени уже были вручены почетные значки комплекса.

Уверенно взяли старт всесоюзных состязаний технические вузы Днепропетровска, накопившие опыт подобных соревнований во время спартакиады ГТО «А ну-ка, парни!», многие вузы Киргизии, Белоруссии, Москвы и Ленинграда.

Однако кое-где оказались не готовы к старту. Разве не тревожно, например, что из 32 тысяч студентов Грузии лишь 2700 сдали нормативы ГТО, а в двух тбилисских вузах — консерватории и институте иностранных языков — вообще не подготовлено ни одного значкиста!

Кое-где живая творческая работа по внедрению комплекса ГТО подменяется словопрениями — составлением планов, проведением совещаний и различных слетов. Именно на этот путь встали работники республиканского совета ДСО «Буревестник» в Азербайджане. Судите сами, к чему здесь пришли: нормы по совещаниям с повесткой «О пропаганде и внедрении...» перевыполнены с лихвой, а нормы ГТО к началу зимы сдали лишь восемь процентов студентов вузов республики.

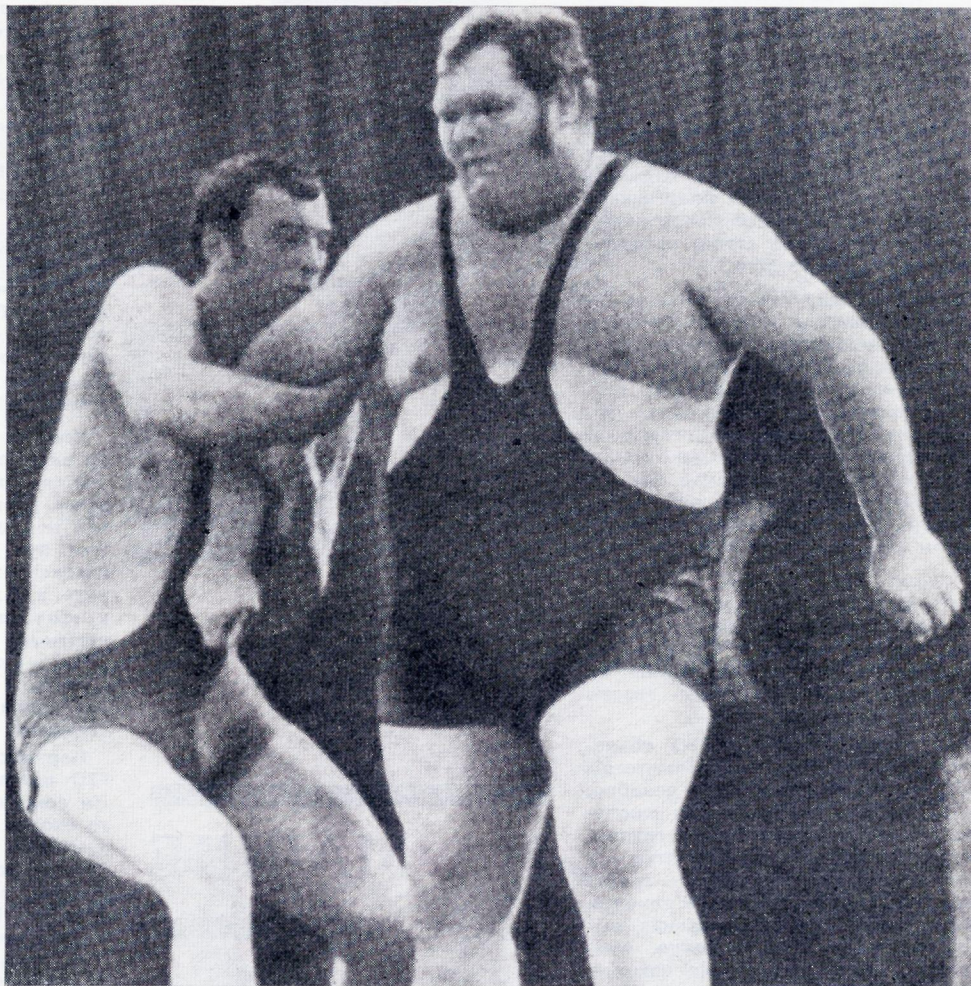
Первенство СССР по многоборью ГТО поставило перед комсомольскими вожаками, работниками вузовского спорта вполне конкретную задачу: центрами всей работы по комплексу ГТО должны стать группа, курс, факультет. «Каждый выпускник вуза — значкист ГТО» — вот что диктует нам сегодняшний день.

Сегодняшний день — это разбег в завтра. Завтра выпускники вузов страны придут на фабрики и заводы, в научные лаборатории, станут педагогами, юристами, врачами, агрономами... Физическая закалка нужна всем. Она нужна для того, чтобы непреходящая ценность — знания могли быть последовательно, до конца, капля за каплей отданы на благо народа, общества. Девиз древних греков «В здоровом теле — здоровый дух», как некогда, актуален и в наши дни. Пусть скромненький рубеж ГТО. Пусть невелики затраты сил, необходимые для преодоления этого рубежа. Но он, этот рубеж, научит многому. Брать рубежи науки, брать жизненные рубежи. Вот почему ГТО, пожалуй, не только физическая закалка.

...За окном февраль. Последний месяц зимы. Решающая пора зимних спортивных стартов. Готов ли ты к старту, студент!

ЛЕГЕНДА НАШЕЙ УЛИЦЫ

ИЛИ
РАССКАЗ
О САМОМ СИЛЬНОМ
БОРЦЕ
ПЛАНЕТЫ —
СТУДЕНТЕ
ГОРСКОГО
СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО
ИНСТИТУТА

Сослан Андиев — Крис Тейлор.
110 килограммов против 220.

Не сочтите за безрассудство или чудачество, но автор этих строк недавно провел схватку с чемпионом мира и обладателем Кубка мира по вольной борьбе. Впрочем, все по порядку...

Когда на празднике Джиоргуба выходили на круг наши местные борцы, чтобы прославить свое имя, Колобок всегда сидел среди зрителей. Был он толст и неповоротлив, за что и получил от мальчишек нашей улицы это прозвище. То ли стеснялся Колобок, то ли попросту робел, но на круг его нельзя было вытащить и за уши. Сидит среди таких же тихонь и стариков, пригаится, только глаза блестят. Не знаю, долго ли еще он бы прятался среди зрителей, если бы не один случай...

Зате, победив всех, стоял посреди круга и горделиво ждал следующего соперника. Но никто не решался...

Одни были уже побежденными Зате, другие, чувствуя его явное превосходство, не хотели быть посрамленными.

— Что нам скажет младший из рода Андиевых? — раздался вдруг голос седобородого старца Микалы, известного в прошлом своей силой. Поговаривали, что он встречался с прославленным Боллой Кануковым, известным всему миру осетинским борцом, которого за рост, достигавший двух с половиной метров, называли Казбек-горой.

Колобок не пошевелился. Лишь глаза заблестели ярче.

— Куда ему? — выкрикнул кто-то. — Он же никогда не боролся, только смотреть умеет.

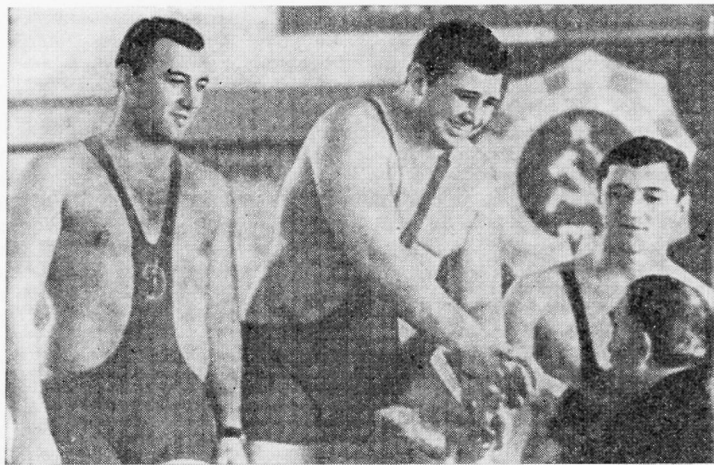
От дружного хохота Колобок съехался, но с места не сдвинулся.

— На всем Северном Кавказе не было борцов, равных твоему отцу, —

продолжал Микала, обращаясь к Колобку. — Он был наша гордость. А теперь мы гордимся его старшими сыновьями Геной и Сергеем. Твоих братьев сейчас знают как хороших борцов по всей стране. Так что же нам скажет младший? Или он самый слабый корень Андиевых?

Колобка словно подбросило. Он вышел в круг, протягивая руку Зате, как это положено перед началом схватки. Но Зате вместо приветствия рванул робкого соперника на себя и тут же обхватил его сзади, пытаясь сбить наземь, а затем и уложить на лопатки. Ошарашенный такой дерзостью и коварством, Колобок словно окаменел. Но потом... Потом было то, чего меньше всего ожидали. Непобедимый Зате извивался, словно ужаленный, в объятиях Андиева-младшего. Он дрыгал ногами в воздухе, всеми силами ста-

Вот они, богатыри из рода Андиевых: Геннадий, Сергей, Сослан.

раясь за подбородок отжать от себя Сослана. Но куда там!.. В добродушном Колобокке проснулся воин. Подержав Зате чуть в воздухе, он вдруг резко прогнулся в спине, но ноги скользнули по траве, мокрой от росы, и Колобок упал, коснувшись обеими лопатками земли... А Зате, еще не зная, что одержал случайную победу, все пытался вырваться из крепких объятий. Но, поняв, в чем дело, перестал сопротивляться и радостно заулыбался.

Никогда я не видел Колобка таким несчастным. Слезы проступили у него на глазах, и, чтоб не выдать их, он побежал, скрылся в яблоневом саду. Но всем было ясно, что Колобок сильнее Зате.

Потом я уехал учиться в другой город и долго не видел Колобка. Я вспомнил его схватку с Зате через пять лет, когда узнал потрясающую новость: Сослан в свои семнадцать лет стал в американском штате Колорадо чемпионом мира среди юношей! Факт. Газеты, радио, телевидение — все говорили об этом. Ничего себе, думал я, вот так Колобок, уже и до Америки докатился! Сам я в семнадцать лет выкатывался только на соседнюю улицу, и то лишь чтоб повстречаться со своей девушкой. А тут — Колорадо! Ай да Колобок!..

В дом Андиевых я шел как в свой собственный: как-никак соседи. С братьями Колобка, когда он еще и не родился, не один кусок хлеба делили. Самый старшим среди нас был Гена. Нам с Сергеем, Андиевым-средним, все время казалось, что Гена нас надувает. То ли оттого, что время было послевоен-

ное и росли мы на голодный желудок, то ли оттого, что Гена был очень крупным, нам казалось, что кусок хлеба он себе отламывает соответственно. Иногда это кончалось «схватками», но справиться с Геней нам было не под силу. Еще бы! Могли ли мы тогда даже подумать, что наш хлебный распорядитель станет чемпионом страны по вольной борьбе в тяжелом весе!.. Сергей с годами тоже окреп, потянулся за старшим. Был он неоднократным призером страны, чемпионом России, тоже, как брат, в тяжелом весе, но сравняться с Геней так и не смог. Видно, суждено это было сделать

самому младшему в семье. Не только сравняться, но и превзойти.

Было раннее утро, когда я вошел во двор Андиевых. Колобка я узнал сразу, несмотря на то, что он из мальчишки-увальня превратился в стройного двухметрового красавца. Семнадцатилетний Голиаф так был увлечен утренней зарядкой, что не обратил на меня ни малейшего внимания. Ничего странного: к ним в дом, как в свой собственный, заходит вся наша улица. Сослан самозабвенно вертел своими пудовыми гантелями. Я зашел в беседу, густо увитую виноградными лозами, и, сорвав увесистую янтарную гроздь, стал любоваться резвящимся парнем. Отложив гантели, он начал гнутья, как гуттаперчевая кукла, обхватывая в воздухе воображаемого противника, подбывая его грудью. Он так резко прогибался в спине, идя на мост, что казалось, у него в руках всамделишный соперник.

Парень пропотел так, словно его смазали прованским маслом. Закончив зарядку, он подставил лицо первым солнечным лучам, закрыл глаза и расслабился. И так стоял, будто ведя свой молчаливый диалог с входящим солнцем. Потом глаза открылись, и я увидел их чистейшую голубизну, будто вобрали они в себя цвет ясного неба. Мужественный профиль выдавал в нем потомка воинственных аланов — предков осетин. Я пытался найти изъян в его сложении, но так и не обнаружил.

Несмотря на довольно свежее утро, парень стал обливаться ледяной водой из шланга, стоя под раскидистой кроной орехового дерева. Затем докрасна, с видимым удовольствием,

растерся жестким махровым полотенцем. И свежий, сухой, чистый направился в дом.

— Колобок!

Он замер у дверей. Видно, его уже давно так никто не называл.

— Колобок!

Чемпион мира на какой-то миг растерялся, но потом быстро, словно по ковру, шагнул в мою сторону, и через мгновение я почувствовал, как легко мои ноги отрываются от земли.

— Колорадо! — выкрикнул я, блатая в воздухе ногами. — Колорадо! Ай да Колобок!

После «мягкой посадки» на крутящееся кресло в его просторной комнате я внимательно огляделся и окончательно понял: да, Колобок стал чемпионом. По вымпелам, медалям можно было представить, как шел Сослан к своему высокому титулу, как превращался из близкого мне мальчишки-соседа в нынешнего парня, уверенного в своих движениях. Так вот на что потратил Сослан эти пять прошедших лет... Чемпион города среди школьников, области, республики, первый среди юных борцов страны... Я присматривался к Колобку и не знал, как с ним разговаривать. Старшим всегда бывает неловко, когда они встречаются с младшими, успевшими в жизни сделать больше, нежели они сами.

— И как ты до такой жизни «докатился»?.. Весь в золоте утопаешь...

— Это все Гена и Сергей. Не будь их, не было бы ничего. А с такими домашними тренерами не пропадешь.

— Значит, после той схватки с Зате и пошел с Геней в борцовский зал?

— Пошел. Только меня Асланбек Захарович не взял.

— Дзгоев?

— Ну конечно.

— Что же он?

— Гена сказал ему, что у меня с учебой нелады. Дзгоев мне говорит: приходи через месяц с дневником. Ну, я тогда здорово в школе поднажал. Принес табель, он даже не поверил. Ни одной тройки. Вот тогда и начал. И пошло потихоньку...

— А чемпионом когда решил стать?

— Да не хотел я им становиться. Мне борьба нравится в чистом виде. Вот поединок, вот твой соперник. Я не слабее его, но почему он кладет меня на лопатки? Как научиться опережать его? Как стать таким ловким, умелым, чтобы любой соперник был по силам? Нет, главное — не награда, а сама борьба...

— Так что же, не нравится тебе быть чемпионом, что ли?

— Почему не нравится? Приятно, конечно. Все-таки я один на нашей улице... Всем нравится...

— На улице?

— А что?

— Ты же один в мире!

— А-а... Ну, это я пока не совсем понимаю, вот наша улица — это да! А сейчас давай музыку послушаем. Хочешь? У меня записи отличные есть. — Он осторожно постучал пальцем по стене комнаты. — Они еще спят, но мы включим. Тихо можно...

Он включил свой стереокомбайн,

и мелодия тихо, вполшепота стала наполнять комнату, полилась через распахнутое окно в сад. Я слушал музыку и рассматривал портреты знаменитых борцов на стене комнаты. Мне вспоминались те дни, когда каждый из них был еще в зените славы. Все они были моими земляками, с нашего города. Тяжеловес Сергей Дзарасов, чемпион страны, призер первенств мира, самый грозный соперник чемпиона мира немца Дитриха. Я вспоминал, как многие ребята старались подражать Дзарасову, особенно после того, как он стал призером Олимпийских игр в Мельбурне. Ходили, расставив руки в стороны, выпятив грудь, надув шею. Это было смешно и трогательно. Таких ребят называли дзарасятами. Потом все боготворили Бориса Кулаева. А когда возшла звезда победителя Кубка мира Алимбека Бестаева, то в наших парикмахерских было не протолкнуться: все мальчишки желали постричься «под Бестаева». Так наши кумиры «диктовали» моду, меняли привычки нашего города. А однофамильцы чемпионов ходили гордые и с важностью рассказывали о привычках, вкусах, характере своих знаменитых родственников.

Но бывали случаи, когда какая-нибудь из знаменитостей начинала таять от жара своих бесчисленных поклонников, все чаще принимать поднесенный рог с зельем... Быстро тогда угасала знаменитость, и вскоре ее забывали. Люди, которые кланялись тебе за твою доброту, силу, не могут простить слабости, потому что ты обманул их надежды. Сдался. Сломался.

Как же сложится все у тебя, Колобок? Чем станет для тебя слава? Строгим другом или недругом-соблазнителем?

— А ты знаешь, я в институт поступил, в сельскохозяйственный.

— Агрономом станешь?

— Нет, экономистом... Считать буду...

— Нравится?

— Не знаю...

— Не бросишь? Борьба ведь как невеста. Внимания требует, верно-сти...

Он помотал головой.

— Нет, не брошу. Мама говорит, что мы, Андиевы, однолюбы. Уже если выбрали что, будем верны до конца. В крови, говорит, это у нас. Я ей верю. Значит, надо сделать все, чтобы полюбить свою будущую профессию. И я так сделаю.

— Ну, посмотрим.

— Посмотрим...

Потом у меня снова были разлуки с нашей улицей, с домом Андиевых. Время шло. И я, встречаясь через годы с Сосланом, его старшими братьями, с радостью отмечал, как мужает, крепнет Колобок. Он продолжал бороться, стал чемпионом страны среди юниоров и молодежи, потом среди взрослых, выиграл международный турнир в Иране. С Камчатки, где работал в газете, я слал поздравления Колобку с каждым его успехом. Да, Сослан с честью нес по свету нравы и обычаи нашей улицы. Слава не портила его, а лишь подбавляла ему сил. Успехи делали Сослана равным да-

же среди седобородых стариков нашей улицы. А это, уж поверьте, далеко не обычное признание. И он, воспитанный с малых лет в уважении к старшим, ценил это доверие по-взрослому трезво, дорожил этим доверием, как своей андиевской честью. Не это ли самолюбие помогает ему в нужные моменты? Не оно ли дает ему новые силы в тяжелых схватках на ковре, в долготочасовых сидениях над учебниками, чтобы очередной зачет, экзамены в институте были сданы, несмотря ни на частые разъезды по стране, миру, поистине колоссальные нагрузки тренировок, несмотря ни на что!.. Преодолеть себя, осилить трудное — в этом характер Андиевых.

А в это время в борцовском мире происходило событие, которое коснулось даже людей, далеких от спорта. В голубых лучах юпитеров, в прицелах кинообъективов, телекамер вспыхнул белым кругом олимпийский ковер Мюнхена, знакомая фигура легендарного борца, теперь уже трижды олимпийского чемпиона. Александр Медведь целовал счастливый для него борцовский ковер XX Олимпиады. Грозный, непобедимый Медведь прощался с поклонниками вольной борьбы. Он уходил, оставляя людям для размышлений свою загадку: трижды олимпийский чемпион, двенадцать лет подряд безраздельного господства на ковре, осененном пятью кольцами, — как это ему удалось?

Александр Медведь, склоненный в прощальном поцелуе над борцовским ковром... Эта картина осталась в памяти миллионов болельщиков. Но не только о величии подвига человека думалось в эти мгновенья.

Кто станет наследником Медведя? Найдется ли среди советских борцов тяжеловес, достойный встать на самое почетное место в сборной страны? Или уход Медведя вспыхнет зеленым светом для тяжеловесов других стран, истомленных ожиданием своего часа в тени минского богатыря?

Не об этом ли думал 220-килограммовый американский борец Крис Тейлор — надежда национальной сборной США — накануне розыгрыша Кубка мира по борьбе, который должен был состояться в Нью-Йорке. Да, в отсутствие Медведя, который выиграл у него на Мюнхенской олимпиаде, Крису было на что надеяться. Победа на Кубке мира ему была тем более необходима, так как он только что ушел в профессионалы. Все мы были наслышаны о силе этого американца, который ради рекламы мог положить «на лопатки» фордовскую легковую машину, гнул рельсы, медные монеты... Всем нам, свидетелям Мюнхенской олимпиады, был известен весьма внушительный вид этого борца.

С Тейлором должен был встретиться Сослан. 220 килограммов против 110. Я волновался за Колобка и негодовал на тех, кто позволяет поединки спортсменов с такой разницей в весе. Сослан еще совсем молод, надорвется парень — и все...

Вот как описывает корреспондент американской газеты «Дейли ньюс» ту запомнившуюся всем схватку Тейлора и Андиева:

«Я спросил Андиева:

— Сослан, Крис весит в два раза больше, чем вы. Ведь это очень много...

— Но я же не виноват, что Крис такой крупный парень. Ему не мешало бы немного согнать вес...

— Вы знакомы с Крисом?

— Да. Он хороший парень, и жена у него горячая поклонница борьбы, всегда болеет за него... Но ковер есть ковер. И я постараюсь выиграть у Криса, хотя мы с ним не плохие приятели... Сами понимаете: спорт, Кубок мира... Дома знаете как будут довольны.

— У вас прекрасные данные киноактера. Согласились бы вы сняться в фильме?

— Нет, быть посредственным актером я не хочу. Кому это надо? В борьбе то же самое. Да и в любом деле, пожалуй...»

Медведь и западногерманский борец Дитрих показали первыми, как можно выигрывать у Криса Тейлора, борца, который почти вдвое больше по комплекции и обладает внушительной физической силой. Сослан стал третьей бедой для Криса. И если в двух предыдущих схватках Тейлор терпел поражения от умудренных опытом, известных всему миру атлетов, то теперь ему противостоял стройный парень двадцати одного года, с открытым взглядом голубых глаз.

Да, Крис Тейлор проиграл Андиеву-младшему. Сослан навязал ему свой излюбленный стиль борьбы — в атаке, выдержал навалы, подобные лавинам. И эта борьба окончательно вознесла Колобка в число сильнейших тяжеловесов мира.

У парня крепкая кость, радовался я, андиевская...

Говорят, на последнем чемпионате мира в Тегеране жители иранской столицы просто с ума посходили от Колобка. Пятерых сильнейших борцов планеты, таких же, как он, могучих и сильных, он положил на лопатки и с явным преимуществом в десять баллов выиграл у болгарина Боева. Иранцы, большие поклонники и знатоки борьбы, несли Колобка к пьедесталу почета на руках под торжественные крики: «Медведь! Второй Медведь!» Самому молодому чемпиону мира был торжественно вручен подарок иранского шаха — серебряный поднос с чеканкой искуснейших мастеров.

...И снова я у андиевской калитки. Во дворе — никого. Меня сразу удивило количество витых бараньих рогов, навешанных на стене дома. Они бы составили приличное стадо. Да, немало шашлыков было съедено в этом доме...

— Что стоишь у забора? — услышал я за спиной. — Иди сюда.

Это был Гена. Могучий Гена. Пошире Сослана в плечах, но чуть ниже ростом. Из поколения Иваницкого — Медведя, их достойный соперник.

Я вошел во двор.

— А где Колобок? Я пришел его поздравить.

— Он на крыше, — махнул рукой Гена. — Там ребята потолок стелют.

Он усадил меня за стол. Придвинул тарелку с вареными кусками баранины. Помыл помидоры и стал своими громадными руками крошить

салат, добавляя зелень и стручковый перец.

— Ешь. Мама с женой ушли на базар. Я за хозяйку, не обижайся...

— А чего обижаться? — сказал я. — У тебя получается. Ну, как Колобок?

— Доедаем его овцу. За чемпионом мира.

— Это как?

— Ну, если он становится чемпионом, мы в его честь овцу режем. Вон видишь сколько... Моих там нет. И Сергеевых нет. Все его...

— И какая была самая вкусная?

— Последняя, конечно, которую ешь. Парень отличился в Тегеране. Мы овцу наготове держали, слушая радио. А как только объявили, что он чемпион, мы тут же ее освежевали за успех. Самая крупная была из всего стада. Слышал, как он работал на этом чемпионате? — Гена начал загибать пальцы. — У швейцарца Бахмана выиграл за пятьдесят секунд, у поляка Маковецкого — за минуту, румына Шимона и турка Илдрына уложил в полторы минуты, иранец Филаби был на лопатках через три минуты с небольшим...

— И как это у него получается?

— Просто он при первой же возможности проводит прием, идет на обострение. Я считаю это правильным.

— Так что выходит, все противники только и ждут момента, чтобы предоставить ему возможность проводить решающий прием?

— Смеешься? Нет, одинаковых борцов не бывает. Каждый не только выигрывает по-своему, но и уступает. И в каждом поединке он уже не тот, что в предыдущем. Соперник не тот, борцовский ковер, судьи, зрители даже — все влияет на схватку. И чем выше у борца техника, чем он больше думает, тем легче ему привыкнуть к идущему бою. Сослан — атакующий боец. У него реакция особая и кожа чуткая. Я иногда на тренировках с ним сам удивляюсь, как он все чувствует. У нас вообще борьба атакующего стиля. Заметь, так боролись все асы. Помнишь Алимбека Бестаева или Дзарасова. Вспомни Балаадзе... Такими были и Медведь, и Иваницкий...

— Но ведь только атаковать — вовсе не значит, что тут же выиграть?

— Конечно. Но атака учит реакции, быстроте мышления, умению мгновенно видеть малейшую ошибку противника и не прощать ее. В этом достоинство атакующей борьбы. Поэтому она обязывает больше работать над техникой. Пассивный боец — это слабый боец, как правило, мастер невысокого класса. Это я тебе точно говорю.

— Ну а еще чему ты учишь Сослана?

— Многому. Режим соблюдать, например. Самодисциплина должна быть. Ну, это длинный разговор... Ты лучше обо всем поспрашивай самого Сослана...

— С ним поговоришь... Из него же слова гвоздодером надо тянуть!

— Да уж такой, все в себе носит. А ты что не ешь? Не вкусно?

— Что ты! Очень.

— Ешь, или обижусь... Знаешь, и соперники у Сослана — будь здоров: Модебадзе, Паршуков, Тейлор,

Боев, Филаби... С ними надо всегда встречаться в форме. Иначе скупают за здорово живешь, а парню это ни к чему, сам знаешь. Ему расти надо...

— А учеба как? Институт?

— Последний курс. Все в порядке. Скоро будем диплом получать. Да, взрослеет парень. А для нас он все кажется малым...

— Слушай, как он успевает?.. Сборь, соревнования, выезды. Или чемпиону мира в учебе все прощается, бывает ведь так?..

— Да, наверное, простили бы. Ты же знаешь, как у нас любят борьбу. Только для Сослана подачка в любом виде — что нож в сердце. Гордый... Ты заметил, что он не во всех соревнованиях участвует? Так вот, если нет на турнире Сослана — значит, грызет гранит науки. И даже декан, по-моему, не уговорит его пожертвовать зачетами во имя спортивной славы. Не любит быть должником. Вот и суди, для чего он учится. Ради диплома или своего будущего дела. Что ж, наездился, по свету, повадал, как люди живут. Быстро повзрослел...

— Так понравился ему сельскохозяйственный?

— Раньше бы не знал, как ответить. Долго он присматривался. Теперь знаю: нравится. И верю — будет он настоящим экономистом. Ведь с призванием люди не рождаются. Оно появляется, когда глубже копнешь дело, поразмыслишь... Конечно, если слуха нет, Магомаям не станешь. Но ведь такие, как он, — редкие люди, не всех же небеса одаряют...

— А в борьбе?

— В борьбе тоже бывают одаренные, способные, посредственные. Но чемпионом каждый может стать, если очень сильно захочет. Но это тоже не каждому дано — сильно захотеть. Это, наверное, и есть талант — желание. Знаешь, что уже говорит Сослан? Хочет после института учиться дальше. В науку пойдет. Вот как все оборачивается, а ты спрашиваешь: нравится ли ему сельхоз...

Большие железобетонные блоки, из которых они крыли потолок, сейчас заливались горячим асфальтом. Руководил работой инженер-строитель Сергей Андиев. Колобок в старых, протертых джинсах орудовал самодельным катком. Работа у него шла ловко, легко. Другие ребята — тоже борцы, судя по мощным торсам и крутым, налитым шеям, — подавали конвейером наверх горячую смолу, асфальт.

— Тренируемся, — шутил Сергей, пожимая мне руку. — Видишь, как Сос работает. Как на чемпионате. Андиеву-среднему я был чуть выше плеча. Внешне они похожи с Сосланом.

— Я с Колобком проведу схватку, — сказал я. — И если выиграю, вы мне зарежете овцу.

— Но будь осторожней, — улыбнулся Сергей, — крыша не ковер, отсюда бежать некуда. Высоко...

— Колобок, выходи бороться! — окликнул я чемпиона. Он медленно встал и весь просиял.

— Ты! — радостно воскликнул он, и через секунду я взлетел над его головой.

— Не урони! — предостерег кто-то из ребят.

Он осторожно опустил меня.

— Что ж ты опоздал? Так здорово было... Настоящий пир.

— Ничего, на овцу я успел.

— Тебе позавидуешь. Мне бы съездить на Камчатку... Красиво там?

— Очень. Вот тебе бы в горячих гейзерах покупаться! После них как новорожденный...

— Здорово, тебе позавидуешь...

— А тебе нет? Ты то в Америке, то в Иране...

— Нет, все это не то. Шумно, душно, громко. А на Камчатку я бы съездил. Ты катался в собачьей упряжке?

— Катался. И на оленьих нартах. И с алеутами чай пили, хека ловил.

— Ну, здорово! Ну и везучий же ты...

В его комнате было все по-прежнему. Только на стене теперь висел подарок шаха — серебряный поднос.

— Волновался, когда боролся? Везде пишут, что ты всегда спокоен.

— Конечно, волновался. Это я делаю вид, что спокоен.

— Значит, ты боялся. Кого больше всех?

— Не боялся, а волновался...

— Какая разница?

— Скажешь тоже какая... Боишься — это значит не уверен в себе, обязательно проиграешь. А когда хочешь выиграть и думаешь, как это лучше сделать, тогда волнуешься. Тем более когда все хотят, чтоб ты выиграл...

— Страна хочет.

— Вот поэтому и волнуюсь.

— Все хочу тебя спросить: кого ты считаешь самым лучшим борцом?

— Каждый хорош по-своему.

— Медведь?

— Каждый по-своему. Медведь по-своему, у него своя манера. У Левана своя. Я у него многому учусь. — Ты бы хотел встретиться с Медведем?

— Конечно, но он уже ушел. С хорошим борцом всегда интересно встретиться, многому учишься.

— А если бы проиграл?

— Не знаю... Но встретиться с ним было бы очень интересно. Хочешь, музыку послушаем. У меня новые записи.

— Давай... А с тренерами все в порядке?

— Дома я с Геной тренируюсь. Он для меня — первый, самый главный тренер. У него большой опыт. А на сборах — Преображенский, Шахмурадов. Тренеры сборной страны. Туда плохих не ставят. Чувствуешь, музыка... Это Эриол Гарнер...

Мы молча слушали музыку. Она свободно лилась в знакомый с детства сад, и я снова вдруг увидел под раскидистой яблоней неповоротливого мальчугана, плачущего после схватки с Зате... Я думал о чудесном превращении нашего Колобка в первого богатыря Земли. Вот он, гордость нашей улицы, заслуженный мастер спорта СССР, которому от роду всего лишь двадцать один год. Сказка нашего детства была рядом. Она трепетала, купалась в потоке мелодии, добрая, настоящая. Живая легенда моей улицы...

ОТКРЫТИЕ ВУЗОВ...

В семье университетов — новорожденный: Алтайский государственный университет (Барнаул). В новом учебном году распахнули свои двери еще два вуза — Могилевский технологический институт, который приступил к подготовке специалистов для пищевой промышленности республики, и Талды-Курганский педагогический институт в Казахской ССР.

Новгородский филиал Ленинградского электротехнического института имени В. И. Ульянова (Ленина) пре-

образован в политехнический институт, а Куйбышевский филиал Всесоюзного заочного института инженеров железнодорожного транспорта стал ныне самостоятельным учебным заведением.

Азербайджанский государственный педагогический институт языков имени М. Ф. Ахундова разделится на два вуза — русского языка и литературы имени М. Ф. Ахундова и иностранных языков имени 50-летия СССР.

...И «ОТКРЫТИЯ» В ВУЗАХ

Во многих институтах страны в этом учебном году начали действовать новые факультеты: технической эксплуатации зданий — в Московском инженерно-строительном, энергетический и механико-технологический факультет переработки зерна — в Алтайском политехническом, инженерно-технический — в Воронежском политехническом и лесотехническом институтах.

В Кишиневском политехническом инженерно-строительный факультет разделится на два — промышлен-

ного и гражданского строительства и градостроительства и архитектуры, а в Ташкентском политехническом вместо строительного созданы факультеты промышленного и гражданского, а также сельскохозяйственного строительства.

Санитарно-технические факультеты появились в Иркутском и Красноярском политехнических институтах. В филиале Северо-Западного заочного политехнического института в Вологде образованы вечерний и заочный строительные факультеты.

СТО И ОДНА СЕЛЬСКАЯ ПРОФЕССИЯ

Министерство высшего и среднего специального образования СССР утвердило учебные планы для сельскохозяйственных вузов. По специальности «зоотехника» установлена новая квалификация — зооинженер. Началась подготовка специалистов по производству яиц и мяса, птицы, свинины, говядины и молока на промышленной основе.

Московский институт инженеров сельскохозяйственного производства, Украинская и Белорусская сельскохозяйственные академии, а также Челябинский институт механизации и электрификации сельского хозяйства будут отныне выпускать инженеров по недавно открытой специальности «автоматизация сельскохозяйственного производства».

Евгений БЕСПОКОЙНЫЙ

НЕ ПОВРЕДИ!

Они приехали в нашу районную больницу на практику — два столбчатых парня в дымчатых очках. Честно говоря, мы ждали их. Лето — пора отпусков, и эти ребята были как нельзя кстати.

Итак, они приехали и сразу же приступили к работе. Обходя с ними палаты, я думал о том, что до сих пор они знали только болезни, теперь воочию увидели страдания людей, пораженных этими болезнями. Они увидели также, что болящие по-разному относятся к своим болезням. Одни были уверены, что поправятся (иначе для чего же медицина!), другие считали, что неизлечимы (ведь медицина еще так несовершенна!), третьи сомневались, но надеялись (медицина все же сделала кое-какие успехи в наш век!), и только немногие трезво оценивали наши возможности.

О самих себе пациенты знают не так уж много, поэтому их уверенность или неуверенность в благополучном исходе зависят в конечном итоге от врача. Правильным, вовремя сказанным словом врач имеет возможность «призвать под ружье бойцов надежды» в душе больного и тем самым помочь ему ослабить позиции недуга. Словом, лекарства — акт второй в процессе лечения. Первый — доверие больного.

Обо всем этом я и сказал юным коллегам, когда мы вернулись в ординаторскую. Они слушали вроде бы внимательно, но все покашливали, поправляли свои дымчатые очки и показались мне в тот раз очень по-

хожими друг на друга. Но я ошибся. Они оказались совсем разными.

Первый довольно быстро уловил эту важнейшую суть врачебной работы. Он не скрывал, что всего лишь студент, но при этом умел, правильно используя свои знания и наблюдения, так тонко обнадежить больных, так ответить на их вопросы — осторожно, немногословно, но убедительно, — что люди начали верить ему, его пусть неполным, но добротным знаниям. Обитатели больницы скоро оценили его мягкие, безошибочно действующие руки. Он легко и с удовольствием делал умолы, массаж, перевязки, ничуть не смущаясь тем, что это обязанность сестер.

Второй практикант оказался иного склада. Он был лишен самого главного, что делает врача врачом, — необходимого сочетания скромности, самокритичности, способности понять состояние больного и в соответствии с этим суметь точно определить (и оценить!) свои действия и задачи. Непрерывно позируя в белом халате, из карманов которого так внушительно и солидно выглядывали фонендоскоп и молоточек (кстати, такой же новейшей системы фонендоскоп торчал и из кармана первого студента, но был как-то незаметен), он всеми фибрами жаждущей признания души стремился сойти у больных за врача. При этом он постоянно пытался блеснуть перед ними еще очень общими и далеко не совершенными познаниями, что зачастую приносило им не пользу, а вред, демобилизуя и без того нередко слабую волю и сопротивлению недугу. Инъекций и других манипуляций он также избегал, поэтому они ему, как правило, не удавались, и пациенты их плохо переносили.

Тем не менее он видел себя в будущем великим психиатром и, шагая рядом со мною по улицам нашего городка, довольно уверенно ставил всем встречным специфические диагнозы: «Вот этот, с разветвленной сетью мелких сосудов на лице,

синеватым кончиком носа и острым блеском глаз, несомненно, пьет горькую, и уже давно. Это подтверждается и общим неряшливым видом, потертой и неопрятностью одежды... А?...» Он с улыбкой глядел на меня, гордясь своей проницательностью и ученостью. Ему и в голову не пришло, что это просто тяжело больной человек с расстроенным кровообращением. Он регулярно бывает в нашей больнице на приеме, частенько встречаю я его и на улице, но ни разу не видел навеселе.

Студент, конечно, этого не знал. Не мог знать. Но беда, как говорится, не в этом. Он не захотел понять, что только длительная и весьма интенсивная работа (с накоплением своего и использованием опыта других) может научить его в будущем тщательности наблюдений и исследований, умению обобщать, а главное — быть осторожным в оценках и выводах. Ибо, сказал я ему, самой первой заповедью врача с древнейших времен было и остается: «Не повреди!» Ведь не только незнанием, но и своей черствостью, самовлюбленностью можно причинить боль человеку.

Быстро пролетели недели практики. Официально оба студента выполнили ее программу полностью. Что же касается больных, то те поставили им свою оценку: первого проводили тепло, взглядами одобрения и словами уважения, другого — сухо, с тихим сочувствием и состраданием. Знаменитый русский врач прошлого столетия М. Я. Мудров писал: «Тебе ты испытал болезнь и знаешь больного, но ведай, что и больно тебя испытал и знает, каков ты...» Вот то-то и оно, что знает. Эти слова, предназначенные старому лекарю, имеют не меньшее значение и для сегодняшнего школьника, готовящегося стать врачом. И хорошо бы, если каждый, кто замыслил пойти после выпускных экзаменов со своими документами в медицинский институт, запомнил их.

В конце 1969 года в США был издан роман американского писателя Марио Пьюзо «Крестный отец», который сразу же привлек к себе внимание и до сих пор числится в списках бестселлеров, хотя прошло уже более трех лет.

«Крестный отец» — это своеобразный титул Вито Корлеоне, главаря одной из самых крупных организаций нью-йоркской мафии, мульти-миллионера. Этот человек хозяйничает в профсоюзах, ему подчиняются судьи и сенаторы, у него на жалованье состоят крупные чины полиции, а мелкие у него на побегушках. Поместье Корлеоне — настоящая бронированная крепость, где царит своеобразный домострой: все подчинено дону Корлеоне, властной рукой правит он сыновьями-гангстерами и сворой многочисленных рабски преданных ему, а впрочем, при случае его же предающих приспешников.

Автор романа, итальянец по происхождению, вырос в Нью-Йорке, в районе так называемой Маленькой Италии, или «адской кухни», и с проблемой мафии столкнулся непосредственно с самых ранних лет, хотя и объявил по вполне понятным причинам, что роман не зиждется на документальном материале. Однако более чем очевидно, что за вымышленными образами книги скрываются подлинные воротилы мафии (прототипом дона Корлеоне, к примеру, явно послужил реально существующий Джозеф Профаси), пользующиеся покровительством самых высоких сфер американского общества. Не далее как на протяжении последних двух лет в палате представителей США разбирались несколько скандальных дел, таких, как, скажем, документально обоснованное дело члена Верховного суда Дугласа, обнаружившее его связь с гангстерами — владельцами игорных заведений Лас-Вегаса и Майами. Судебные процессы над воротилами преступного мира, как правило, затягиваются надолго и завершаются поразительно мягкими приговорами. Стоит вспомнить суд над сыном главаря бруклинской мафии Коломбо, обвиняемого в переплавке серебряных монет для продажи их в слитках. Механика подобного «правосудия» со всею силой жизненной правды обрисована в романе.

В публикуемых нами главах из романа показывается путь Вито Корлеоне в мафиози, раскрывается история создания его «империи».

Америго Бонасеры сидел в зале Третьего районного суда города Нью-Йорка, дожидаясь, когда свершится правосудие и возмездие падет на головы обидчиков, которые так жестоко изувечили его дочь, пытаясь над нею надругаться.

Судья, внушительный, важный, подпернул рукава своей черной мафии, словно бы вознамерясь

собственноручно разделаться с двумя юнцами, стоящими перед судебским столом. Тяжелое лицо его застыло в высокомерном презрении. И все же во всем происходящем сквозила некая фальшь, Америго Бонасеры чуял ее нутром, но пока еще не мог осмыслить, в чем дело.

— Вы поступили как последние подонки, — резко сказал судья.

Да, думал Америго Бонасеры. Да, именно так. Скоты. Животные.

Юнцы — глянцево-шевелюры модно подстрижены, на умытых, гладких мордах постное смирение — покаянно понурили головы.

Судья продолжал:

— Вы вели себя как звери в лесу. Ваше счастье, что вам не удалось обесчестить бедную девушку, не то я отправил бы вас за решетку лет на двадцать. — Он выдержал паузу, мазнул лисьим взглядом изпод грозно нахмуренных бровей по бескровному лицу Америго Бонасеры. Потом нахмурился еще больше, повел плечом, как бы преодолевая естественный гнев, и закончил: — Однако, принимая во внимание ваш возраст, вашу не запятнанную прежде репутацию и доброе имя ваших родителей, а также учитывая, что закон в неизреченной мудрости своей не призывает нас к мести, я приговариваю каждого из вас к трем годам тюремного заключения условно.

Лишь сорокалетняя профессиональная привычка управлять своими чувствами дала силы похоронщику Бонасере скрыть прилив негодова-

Марио ПЬУЗО

ИМПЕРИЯ ТИХОГО СИЦИЛИЙЦА

ния и злобы. Его дочка, юная, хорошенькая, еще лежит в больнице, а этим вырождакам дадут гулять на свободе. Значит, перед ним ломали комедию. Вот сияющие родители сбились тесной кучкой возле своих ненаглядных чад. Еще бы им не сиять. Им есть чему радоваться.

Едкая горечь подступила к горлу Бонасеры. Он стиснул зубы, выдернул из нагрудного кармана полотняный белый платок и прижал его к губам. Так он стоял в проходе, а те два молодчика, бесстыжие, наглые, с усмешкой прошествовали мимо и даже не взглянули в его сторону. Он пропустил их без единого звука, только крепче зажал себе рот крахмальным платком.

Следом прошли родители — две женщины и двое мужчин, — одних лет с Бонасерой, только одеты как коренные американцы. Эти на него посмотрели сконфуженно, но и с вызовом, с каким-то затаенным торжеством.

Все эти годы, прожитые в Америке, Бонасеры верил в закон и порядок. Того держался, тем и преуспел. И сейчас, хотя у него мутилось со-

знание от дикой ненависти и ломило в затылке от желания кинуться купить оружие и застрелить этих двух мерзавцев, Бонасеры повернулся к своей ничего не понимающей жене и сказал:

— Над нами здесь насмеялись. — Он помолчал и, решившись окончательно, уж не думая, во что ему это обойдется, прибавил: — За правосудием надо идти на поклон к дону Корлеоне.

* * *

Двенадцати лет от роду дон уже был вполне мужчиной. Невысокий, смуглокожий, ладный, он жил в

Рисунок С. АЛИМОВА

Корлеоне, своеобразной сицилийской деревне, напоминающей обликом мавританское селение, и наречен был Вито Андолини. Но однажды нагрянули чужие люди, они убили его отца, а теперь собирались прикончить сына, и мать отослала подростка к друзьям в Америку. И здесь, на этой новой земле, Вито взял себе другое имя, он назвался Корлеоне — в знак того, что не прервались нити, связывающие его с родной деревней. То было одно из редких проявлений чувствительности, какие он себе позволял.

Мафия на Сицилии являлась на заре столетия как бы вторым правительством, во много раз превосходившим своею властью законное правительство в Риме. Отец Вито оказался втянут в жестокую распрю с односельчанином, тот пошел со своими обидами к мафии. Андолини не пожелал покориться и в драке убил главаря местной мафии на глазах у жителей деревни. Через неделю его нашли мертвым — бездыханное тело, искромсанное выстрелами из обрезов — лупар. А через месяц после того, как отца схоронили, вооруженные люди из мафии явились вынюхивать, где находится двенадцатилетний Вито. Они рассудили, что слишком близок день, когда мальчик возмужает окончательно, чего доброго, в недалеком будущем он примется мстить за убитого. Тогда-то Вито и спрятали у родных, а затем переправили в Америку. Там его приютила чета Аббандандо, их сыну Дженко суждено было стать со временем советником — *consigliori* — у дона Корлеоне.

Юный Вито поступил работать в бакалейную лавку Аббандандо на Девятой авеню, пряمهонько в «адской кухне», квартале разноплеменной нью-йоркской бедноты. В восемнадцать лет Вито женился на итальянской девчужке, только что приехавшей с Сицилии; ей было всего шестнадцать, но стряпала, велла хозяйство она превосходно. Молодые сняли квартиру на Девятой авеню, ближе к Тридцать пятой улице, всего за несколько кварталов от лавки, где работал Вито, и на третий год бог дал им первенца, Сантино, которого за беззаветную привязанность к отцу товарищи единодушно окрестили Сонни — сынок.

Жил в том квартале человек по имени Фануччи — итальянец тяжеловесного сложения и устрашающей наружности, щеголявший в светлых дорогих костюмах и кремовой шляпе. По слухам, он состоял членом одного из ответвлений мафии — «Черная рука», банды, которая, угрожая кровавой расправой, вымогала деньги у лавочников и мирных обывателей. Правда, народ в той части города селился больше отчаянный, сам скорый на расправу, а потому зубодробительные угрозы Фануччи оказывали действие разве что на людей немолодых и бездетных, за которых некому было заступиться. Кое-кто из лавочников спокойствия ради откупался от Фануччи пустяковыми взятками. Не довольствуясь этим, он коровил, как стервятник, урвать часть добычи у своего же брата жулика: у ловкачей, сбывав-

ших из-под полы итальянские лотерейные билеты, у хозяев квартир, собиравших у себя любителей азартных игр. Платила ему необременительную дань и бакалейная лавка Аббандандо, как тому ни противился безусый Дженко, который заявил отцу, что он пришьет этого Фануччи. Отец запретил.

Вито наблюдал за происходящим спокойно, с таким ощущением, что его это не касается.

Однажды случилось так, что на Фануччи напали трое молодых ребят и расположили ему горло от уха до уха; убить не убили — рана оказалась неглубокой, — но нагнали страху и выпустили порядочно крови. Недели через две того из них, чья рука нанесла удар ножом, кто-то застрелил; двух других Фануччи за изрядную мзду от родителей согласился не трогать. После этого случая поборы возросли, а владельцы подпольных игорных домов стали принимать Фануччи в долю. И по-прежнему Вито Корлеоне держался в стороне от всех этих дел. Узнал — и тут же выкинул из головы.

В годы первой мировой войны, когда с ввозом оливкового масла стало туго, Фануччи вошел компаньоном в бакалейное дело Аббандандо, снабжая его не только оливковым маслом, но также итальянской колбасой салами, сырами, ветчиной. Очень скоро он построил в лавку своего племянника, и Вито Корлеоне оказался без работы.

К тому времени у него успел появиться второй сын, Фредерико, и Вито приходилось кормить четыре рта. До сих пор это был степенный, очень уравновешенный молодой человек, предпочитающий держать свои мысли при себе. Сын хозяина бакалейной лавки, Дженко Аббандандо, был его закадычным другом, и Вито попрекнул его поступком отца. Сгорая со стыда, Дженко поклялся, что от забот о пропитании, во всяком случае, Вито будет избавлен. Он, Дженко, берет за таскать продукты из лавки, обеспечить друга всем необходимым. Вито сурово осадил его — позор, когда сын обкрадывает отца.

Теперь в нем пробудился холодный гнев на всеильного Фануччи. Вито ничем не выдавал себя, он выжидал. Несколько месяцев проработал на железной дороге, потом война кончилась, спрос на рабочие руки упал, пришлось перебиваться поденщиной. Десятники попадались большей частью из местных, коренных, а нет, так из ирландцев, и крыли чернорабочих на чем свет стоит. Вито неизменно носил их ругань с каменным лицом, как если бы не разбирал ни слова, а между тем он понимал английский отлично, хотя сам говорил коряво.

Как-то вечером, когда Вито с домашними сидел за ужином, послышался стук в окно, выходящее на узкий, как колодец, дворик между их домом и соседним. Вито отодвинул занавеску и с удивлением увидел, что из окна напротив высунулся парень с их улицы, Питер Клеменца. Он протягивал какой-то предмет, обернутый белой простыней.

— Слушай, земляк, — сказал Клеменца. — Подержи пока у себя, я потом возьму. Бери скорей.

Вито машинально перегнулся над пустотой и принял сверток. Лицо у Клеменцы было напряженное, тревожное. С ним явно что-то стряслось. У себя на кухне Вито развернул сверток — под белой, перепачканной маслом тканью оказалось пять ружей. Вито убрал их в платяной шкаф при спальне и стал ждать, что будет дальше. Он узнал, что Клеменцу забрали в полицию. Наверно, когда он передавал ружья, к нему уже лომились в дверь.

Вито не заикнулся о случившемся ни одной живой душе. Его жена со страху, как бы ее муж тоже не угодила в тюрьму, не смела проронить ни звука, даже когда садилась посудачить с соседками. Через два дня Питер Клеменца вновь появился на улице и как бы между прочим спросил Вито:

— Мой товар еще у тебя?

Вито кивнул. Он был скуп на разговоры. Клеменца зашел к нему домой, Вито налил стакан вина и полез в шкаф за свертком.

Клеменца пил вино, толстощеюе лицо его было добродушно, а глазки цепко следили за Вито.

— Разворачивал посмотреть?

Вито безразлично качнул головой. — Не имею привычки соваться не в свои дела.

В тот вечер они допоздна просидели вдвоем, потягивая вино. Они пришли друг другу по душе. Клеменца был прирожденный рассказчик, Вито Корлеоне умел слушать. Они сделались приятелями.

Немного спустя Клеменца осведомился у жены Вито Корлеоне, не пригодится ли ей красивый ковер — застлат пол в общей комнате. И позвал Вито помочь донести его.

Он привел Вито к внушительному жилому дому с беломраморным портиком, открыл парадную дверь своим ключом и впустил приятеля в шикарно отделанное помещение.

— Стань к той стене, пособи скатать, — бросил Клеменца.

Ковер оказался богатый, глубокого красного цвета, чистая шерсть. Вито Корлеоне никак не ждал от Клеменцы столь щедрого подношения. Они скатали ковер рулоном, Клеменца взялся за один конец, Вито за другой, взвалили рулон на плечи и двинулись с ним к выходу.

В эту минуту зазвенел звонок. Клеменца мгновенно сбросил ковер с плеча и неторопливо подошел к окну. Он отвел самый краешек портьеры, заглянул в щелку и зачем-то вытянул из-под полы пиджака револьвер. Только тут ошеломленный Вито Корлеоне сообразил, что они в чужой квартире, и ковер этот чужой, и они совершают кражу.

Снова раздался звонок. Вито пододвинулся ближе к Клеменце — посмотреть, что происходит. У парадного стоял человек в полицейском мундире. Они увидели, как он напоследок еще раз надавил на дверной звонок, пожал плечами, спустился с мраморного приступка и зашагал прочь.

Клеменца удовлетворенно перевел дух, буркнул:

— Айда, тронули, — и поднял свой конец рулона. Вито поднял свой.

Полицейский едва успел свернуть за угол, когда с ковром на плечах они протиснулись в тяжелую дубовую дверь и вышли на улицу. Через полчаса приятели уже перекраивали ковер — он не уместился в общей комнате Вито Корлеоне. Остатка как раз хватило на спальню. У Клеменцы всякая работа кипела в руках, а в карманах его широченного, обвисшего складками пиджака (он и в ту пору любил просторную одежду, хотя и не успел еще сильно раздобреть) нашелся нужный для раскройки инструмент.

Время шло, а легче не становилось. Нарядным ковром семью не накормишь. Работы не было, а значит, жене и ребятишкам Вито Корлеоне оставалось одно: пухнуть с голоду. И Вито принял от Дженко, закадычного друга, пакеты с продуктами; раз принял, другой... И вот наступил день, когда с ним затеяли разговор Клеменца и Тессио, тоже малый с их улицы, товарищ Клеменцы и одного с ним поля ягода. Эти двое одобряли Вито, его умение держаться, и они знали, что он в крайности. Они предложили ему войти в их шайку и заняться налетами на грузовики, которые забирали женское шелковое платье с фабрики на Тридцать первой улице.

Скрепя сердце, вопреки голосу рассудка Вито согласился. Решающий довод был тот, что после участия в налете он выручит самое меньшее чистую тысячу долларов. На взгляд Вито, его молодые сообщники действовали сгоряча, готовились непродуманно, делили добычу как придется. Весь их подход к делу был, по его понятиям, чересчур легкомыслен. Впрочем, он нашел, что сами они ребята стоящие, основательные. От Питера Клеменцы, уже смолоду дородного, исходила некая надежность; внушал доверие и сухощавый, замкнутый Тессио.

Налет прошел без сучка, без задоринки. Вито, к своему изумлению, ничуть не сбобел, когда сообщники наставили на водителя оружие и вынудили его покинуть грузенную шелком машину. Приятно поразило его также хладнокровие Клеменцы и Тессио. Они преспокойно подтрунивали над шофером, обещая, что пошлют его жене пару платьев, если он будет вести себя смирно. Самому сбывать платья Вито счел неразумным, он целиком отнес свою долю скупщику краденого и потому выручил всего семьсот долларов. Но в 1919 году и это были немалые деньги.

На другой день Вито Корлеоне остановил на улице Фануччи, разодетого в кремовый костюм и белую на сей раз шляпу.

— Ну что, молодой юноша, — сильно коверкая слова на сицилийский лад, сказал Фануччи. — Болтают, будто ты разбогател. И ты, и твои приятели. Только не кажется тебе, что со мной ты обошелся не больно-то красиво? Сам посуди, это мой квартал, стало быть, должен ты оросить мне клюв. — Он употребил ходячее выражение сицилийской ма-

фии: «Fari vagnari a pizzu». «Pizzu» — это клюв любой мелкой птицы, скажем, канарейки. А смысл самого выражения — выкладывай часть добычи.

Вито по обыкновению промолчал. Он разгадал с полуслова, куда клонит Фануччи, но ждал, когда он выскажется без обиняков. Фануччи вздохнул:

— Ты дашь мне пятьсот долларов, и я прощу тебе обиду. В конце концов, откуда молодежи набраться учтивости, какую подобает оказывать человеку вроде меня.

Вито Корлеоне улыбнулся, и в улыбке этого юнца, еще не запятнанного себя ничьей кровью, было нечто столь леденящее, что Фануччи на миг оцепенел. Но все же он прибавил:

— Иначе в дом твой явится полиция, твоя жена и дети узнают стыд и нужду. Конечно, если мне наплеет про твой барыш лишнего, я смогу клюв самую малость. Но уж никак не меньше, чем на три сотни. И лучше не пробуй провестить меня.

Теперь в первый раз заговорил Вито Корлеоне. Он повел речь рассудительно, без всякого озлобления. В его голосе слышалась лишь почтительность, приличная при беседе младшего со старшим, да еще со столь значительным лицом, как Фануччи.

— Моя доля пока у друзей, — мягко сказал он. — Мне надо будет обратиться к ним.

У Фануччи отлегло от сердца.

— Другьям можешь передать, я рассчитываю, что и они дадут мне оросить клюв, с них причитается по стольку же. Передай, передай, не бойся, — повторил он. — Мы с Клемендой старые знакомые, он разбирается, что к чему. Ты вообще присматривайся, как он себя ведет. У него больше опыта по этой части.

Вито Корлеоне переступил с ноги на ногу. Он изобразил на лице замешательство.

— Само собой, — сказал он. — Вы же понимаете, для меня это все внове. Спасибо, что вы наставляете меня, как крестный отец.

Его слова произвели на Фануччи впечатление.

— Ты правильный малый. — Он взял руку Вито и стиснул ее волосатыми ручищами. — Уважительный. А это в молодые годы великое дело. В другой раз чуть чего — сперва поговори со мной, понял? Возможно, я тебе смогу посодействовать в том, что ты задумал.

С годами Вито Корлеоне понял, откуда у него взялось тогда умение безошибочно избрать верную линию поведения с Фануччи. Конеч, постигший его отца, непокорного человека, умерщвленного сицилийской мафией, — вот что, конечно же, научило его осторожности. Но в те минуты он ощущал только лютую ярость, что у него вымогают деньги, ради которых он решил поставить на карту жизнь, свободу. Он не испугался. Больше того, он расстался с Фануччи, заключив, что тот либо круглый дурак, либо спятил. Насколько Вито знал Клеменцу, дородный сицилиец скорей согласился бы расстаться с головой, чем с одним-единственным центом из добытых денег. Разве не был он готов

уложить полицейского из-за какого-то краденого ковра? Да и в поджаром, гибком Тессио недаром проглядывало сходство с ядовитой змеёй, готовой ужалить.

Однако вечером у Питера Клеменцы, в квартире по ту сторону дворика-колодца, Вито суждено было пополнить свое едва начавшееся образование еще одним уроком. Клеменца длинно выругался, Тессио потемнел как туча, но обсуждать оба принялись лишь одно: согласится ли Фануччи на две сотни долларов? Тессио считал, что не исключено.

Клеменца был твердо убежден, что ни в коем случае.

— Нет, эта вощь со шрамом на верняк пронюхала, сколько мы унесли от того оптовика, которому сбыли товар. Фануччи гроша не скостит с трех сотен. Придется нам раскошелиться.

Вито не верил своим ушам; впрочем, он постарался скрыть недоумение.

— А зачем нам вообще ему платить? Что он может один против нас троих? Мы сильнее его. И у нас есть оружие. Почему мы обязаны отдавать кому-то деньги, если добыли их собственными руками?

Клеменца терпеливо объяснил:

— У Фануччи есть дружки, сущее зверье. У него есть связи в полиции. Он вот добивается, чтобы мы ему выболтали, что замышляем, а сам наведет на наш след легавых и тем выслужится перед ними. Тогда за легавыми будет числиться должок. Это у него проверенный способ. А сверх всего ему сам Маранцалла выделил на откуп этот квартал.

Маранцалла — гангстер, чье имя то и дело мелькало в газетах, — возглавлял, по слухам, шайку, промышленную вымогательством и вооруженным грабежом.

Вито Корлеоне сидел с приятелями, пил вино. И думал — никогда еще в жизни он не думал так напряженно и упорно. Он сам удивлялся, до чего ясно у него работает голова. Он припомнил все, что ему было известно о Фануччи. Вспомнил, как убили мальчишку, который ранил его. Вспомнил, как легко отделились двое других, дав Фануччи отступного. И вдруг его охватила уверенность, что нет у Фануччи никаких важных связей, да и быть не может. Всякий мало-мальски уважающий себя главарь-мафиозо не успокоился бы, пока не убрал и тех двух. Фануччи изловчился уничтожить одного, спугнул двух других и знал, что теперь ему их не прикончить. И потому разрешил откупиться от себя. Нахрап да дюжие кулаки — вот что позволило ему обложить данью лавочников и устроителей азартных игр на дому.

Получается — один Фануччи. Или в крайнем случае Фануччи да еще какие-то молодчики с оружием, которых он по сходной цене нанимает для особых заданий. Теперь Вито Корлеоне оставалось решить последнее. По какому руслу направится отныне его жизнь.

(Продолжение следует)

себе только месячный отпуск, положенный каждому трудящемуся, и использовал этот месяц для подготовки к экзаменам в докторантуру. После напряженных лет учебы в докторантуре его фамилия стала употребляться с заслуженным прилагательным — «ученый».

А В ЭТО ВРЕМЯ УЧИТЕЛЬ ИЗ КАЛУГИ КОНСТАНТИН ЦИОЛКОВСКИЙ ИЗЛАГАЛ ИДЕЮ ПЕРВОГО ПУТЕШЕСТВИЯ К ЗВЕЗДАМ.

Потом он учился на семинарах по повышению квалификации и симпозиумах по обмену опытом, на кур-

сах иностранных языков и в школе машинисток-стенографисток.

Он прочел восемь тысяч книг, по об этом знали только библиотекари, у которых он брал эти книги. Он постиг двадцать семь наук и три лженауки, но это было известно только аттестационным комиссиям, выдававшим ему очередной диплом. Он изучил двенадцать языков, но из чувства патриотизма пользовался только родным.

Выйдя на пенсию, он приобрел автомашину и снова пошел учиться — на курсы шоферов-любителей...

...Смерть его была случайной. Он допустил ошибку: впервые пытался применить свои обширные теоретические знания для практических целей. Попытка заменить сгоревшую пробку стоила ему жизни.

Он жил долго — целый век. И на его могильном камне по просьбе, высказанной в завещании, высекли надпись:

«ВЕК ЖИВИ — ВЕК УЧИСЬ!»

Потом это стало мудрой народной поговоркой.

Арк. ИНИН, Л. ОСАДЧУК

Правда... на другом факультете. Не был!

— А с этими... у тебя как!

— С какими!

— Ну, с зачетами!

— Сдаю. Постоянно. Как-то зимой сдавал... Когда у нас эта... была... Ну, она еще бывает зимняя и летняя... А ты!

— Я тоже... сдавал. Не помню уже что... — он склонился ко мне и сказал доверительно: — Поверишь — нет, до того весь заверченный, закрученный — иногда забываю, на каком факультете учусь!

— Ну, это ты зря! Я как только забуду — сразу в зачетку зырк — и все ясно. Только вот зачетку я давно не видел: наверное, в читалке оставил. Когда журнал «Советские профсоюзы» брал.

Он взглянул на часы и хлопнул себя по лбу:

— Опоздал! Ну, ты извини, я бежал. Увидимся еще как-нибудь.

— Где! — спросил я, набирая скорость.

— В общежитии! — прокричал он, убегая. — Я в сто тринадцатой живу.

Фу ты, пропасть — в сто тринадцатой! Я понял, почему его голос был мне знаком: он во сне разговаривает. А лицо — потому что у него над кроватью фотография висит: он с Валей или Верой Семеновой. В загсе снимали.

Я ведь тоже в сто тринадцатой живу!

А фамилию его я узнаю, когда приду домой: у нас на дверях список висит — кто в тереме живет. Его койка за моей, значит, он как раз после меня дежурит.

Я бежал и усмехался: надо же, как все просто: посмотрю список — и...

И вдруг я остановился. А как моя фамилия! Как! Зачетка-то в читалке!

И. НИКОНОВ

ОТ АВТОРА. Я, конечно, допускаю, что фельетон этот неважный, композиция его рыхлая, диалог вялый, образы не вылеплены, нет анализа и глубоких обобщений.

Согласен.

Но прошу учесть одно обстоятельство. Дело в том, что на журфаке университета я считался крепким общественником. Все пять лет был председателем подкомиссии студсовета по оказанию моральной помощи материально нуждающимся студентам. Все пять лет — заседания, конференции, беседы...

А в это время, говорят, на факультете читали спецкурс по фельетону...

И. Н.

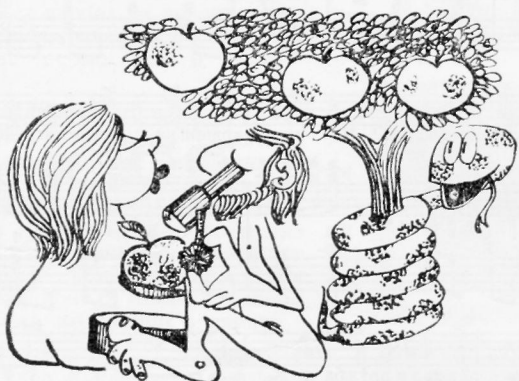

Рис. А. КРАМИНОВА

Рис. В. РОЗАНЦЕВА

ПАРАЛЛЕЛЬ НОВАТОРА

Наконец и в нашем институте перешли на самообслуживание. Сначала студенты дежурили в общежитии и в раздевалке, а на прошлой неделе ректор издал приказ, по которому мы, пятикурсники, должны замечать декана.

Сегодня на последней лекции мне передали, чтобы я зашел в деканат. Частые вызовы туда не были для меня приятной неожиданностью, но я пошел. Потрясающая картина предстала передо мной, едва я переступил порог кабинета. На месте декана в небрежной позе и в моем новом галстуке сидел мой сосед по общежитию — Димка!

— Подойдите сюда, товарищ! — сказал Димка железным голосом, и при этом его палец ткнулся в висющую над его головой табличку. На новой табличке «Декан факультета», как у шофера в автобусе, бы-

ла вшнута на бумажке Димкина фамилия.

— Прогуливаем, значит! — голос новоявленного декана зазвенел. — Прогуливаем! На лекции не ходим! Курсовой не делаем! С семинаров сбегаем!

Димка с упрямством перечислял мои грехи. Для этого ему не надо было особенно напрягать память, так как он лично принимал участие в каждом из них. Минут десять я терпел, но наконец мне это надоело. Когда Димка крикнул: «Можете идти! Считайте себя на месяц без стипендии! И взаймы не проси, не дам!», — я тяжело вздохнул и вышел...

Мне было жаль Димку. Он ведь, наверное, не знал, что вчера был подписан приказ, по которому с завтрашнего дня мы должны были замечать ректора. А в списке я стоял первым!

Гр. ПРУСЛИН

После школы устроили меня в институт стаж зарабатывать. На приличную работу. В библиотеку. Уголки книжных страниц разгибать. Так и в трудовой книжке записали: «Ученик разгибателя».

Через месяц мне разряд присвоили, еще через полгода в должности повысили. Стал я старшим разгибателем художественной литературы. Оклад увеличили. Теперь я в час сто уголков разгибаю.

В институт, разумеется, поступать не стал. Зачем? Работа интересная, интеллектуальная, и платят прилично.

А на днях Петьку встретил, отличника нашего, призера олимпиад. Идет довольный, телевизор цветной тащит.

— Хорошо живешь, видно Петя? — спрашиваю.

— Не жалуясь, — отвечает.

— А работаешь-то где?

— На ответственной работе: главный загибатель художественной литературы.

Больше я его ни о чем не спрашивал.

А. АНТОНОВ, В. ЛАТУШОВ

ПАРАЛЛЕЛЬ АБИТУРИЕНТА

Музыка Анатолия НОВИКОВА

Стихи Льва ОШАНИНА

ОТЛИЧНАЯ УЧЕБА, УДАРНЫЙ ТРУД — ТЕБЕ,
РОДИНА! 1
КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АУДИТОРИЯ
Страшен ли шторм в три балла? 2

СТУДЕНТ И НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРОГРЕСС

Пять технологических заданий предлагает
будущим инженерам Московский автозавод
имени Ленинского комсомола 8

СЛОВО О КРАСНОМ СТУДЕНЧЕСТВЕ

Б. Емельянов. Мой путь в высшую школу 9

ПОЭЗИЯ

Времен возвышенная связь 6
Пабло Неруда. Новые переводы 19

ТРЕТИЙ ТРУДОВОЙ

В. Злотников. Атакуют «Хакасия» 12

НАШЕ СПРАВОЧНОЕ БЮРО 15
ДЕВИЗ: ПОДВИГ

Пишу тебе с фронта. Неизвестные письма
студентов-солдат Великой Отечественной 17

ПРОЗА

Валерий Алексеев. Открытый урок. Повесть.
Окончание 22
Марио Пьюзо. Империя тихого сицилийца.
Главы из романа «Крестный отец» 43

КАРТИННАЯ ГАЛЕРЕЯ

Н. Дмитриева. Северное сияние 32
ПУЛЬС ПЛАНЕТЫ
Б. Гурнов. Сорбонна, шесть лет спустя 33

СПОРТ

Р. Галазов. Легенда нашей улицы. Очерк 38

ПАРАЛЛЕЛЬ. Юмор 46

На первой странице обложки:
иллюстрация Е. Леонова,
съемка А. Дорофеева

Главный редактор
Владимир ТОКМАНЬ

Редколлегия: Анатолий АФАНАСЬЕВ,
Генрих ВОЛКОВ, Феликс ВОЛКОВ, Юрий
ВОРОНЦОВ, Николай ЕГОРОВ, Алексей
ЕЛИСЕЕВ, Владимир ЖИТЕНЕВ, Егор ИСА-
ЕВ, Александр КРАМИНОВ, Станислав
САМСОНОВ (ответственный секретарь),
Лилия УДАЛОВА, Александр ШЕПТУЛИН

Макет и оформление художника И. ДАНИЛЕВИЧ
Технический редактор Ю. ШАБЫНИНА

Наш адрес: Москва, 101503, ГСП-4, Суцеская ул., 21,
редакция журнала «Студенческий меридиан».
Рукописи не возвращаются.
При перепечатке ссылка на «Студенческий меридиан»
обязательна
Телефоны редакции: 251-15-00, доб. 4-78; 2-41; 253-71-86;
251-89-82.

Сдано в набор: 28/ХП 1973 г. Подп. к печ. 15/П 1974 г.
А07632. Формат 60×90¹/₈. Печ. л. 6 (усл. 6)+2 вкл.
Уч.-изд. л. 10.2. Тираж 240 000 экз. Заказ 2675. Це-
на 20 коп. Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая
гвардия». 103030, Москва, К-30, Суцеская, 21.

Пение *mf* Легко, подвижно

Архи мед и Ломоносов-соль земли! Знать сегодняшних вопросов не мог

Ф-п *mf* М М М М 7 7 7 7 7 7 7 7

Ваял

ли Как же дальше жить планете голу бой? Ей на все должны ответить мы с та

бой А ведь мо ло дость да ет-ся только раз, а ведь мо. ло - дость зо-

вет в доро гу нас. Там в до. ро. ге на рас све, че ты най, дешь попутный ветер, ты най.

дешь попутный ветер и ему не прекословь! На по. хошной на дорожке встройт.

ри де, на картошке прове. ряются и дружба и лю. бовь! Все сна.

Квад

Архимед и Ломоносов — соль
земли! —
Знать сегодняшних вопросов не
могли.
Как же дальше жить планете
голубой?
Ей на все должны ответить мы с
тобой.

Все сначала вроде просто —
дважды два!
А потом гудит от формул голова.
Все открытия, все новинки —
прошлый век,
Ты пробей свою тропинку, человек!
Если ж вдруг тебя не любят —
не беда.
Впереди еще недели и года.
У тебя еще в запасе целый век, —
Может, твой-то в первом классе
человек...

Припев:

А ведь молодость дается только раз.
А ведь молодость зовет в дорогу нас.
Там в дороге на рассвете
Ты найдешь попутный ветер,
Ты найдешь попутный ветер
и ему не прекословь!
На походной на дорожке,
В стройотряде, на картошке
Проверяются и дружба и любовь!

Знаменитые страницы шевеля,
Мы берем, как говорится, все с нуля.
Друг-филолог, математик, астроном.
Все с нуля бери, да сам не будь
нулем!

Припев.

* Вместо вступления исполнить по-
следние четыре такта фортепианной
партии.

10 ВОПРОСОВ ЧИТАТЕЛЮ

Частыми гостями нашего журнала будут известные поэты, мастера писателя и кино. С кем из них ты ждешь встречи?

О какой стороне деятельности студенческих строительных отрядов нам стоит говорить особо?

С молодежью студентами каких зарубежных стран ты бы хотел познакомиться на страницах «Меридиана»?

Журнал и впредь вести разговор об актуальных проблемах учебы, трудоустройства, быта студентов, будущих намерениях ты предлагаешь, какую статью ты считаешь наиболее важной для студенческого клуба?

Главный труд студента — матерьяльщина. Какие темы, очерки, рассказы по душе? Какие из них ты считаешь наиболее важными? Какие из них ты считаешь наиболее интересными? Какие из них ты считаешь наиболее актуальными? Какие из них ты считаешь наиболее полезными? Какие из них ты считаешь наиболее оригинальными? Какие из них ты считаешь наиболее современными? Какие из них ты считаешь наиболее интересными? Какие из них ты считаешь наиболее полезными? Какие из них ты считаешь наиболее оригинальными? Какие из них ты считаешь наиболее современными?

О чем, на твой взгляд, должен рассказывать наш спортивный отдел? С кем из спортсменов ты бы хотел встретиться в нашем журнале? Нужна ли тебе помощь в сдаче норм ГТО?

Как ты считаешь, нужен ли на страницах журнала разговор о молодой студенческой семье, о проблемах, которые возникают при ее формировании. Нужны ли советы психолога, педагога, экономиста, врача и т. д.?

9

Мы можем, как ты видишь, печатать цветные картины, рисунки, фотографии. Чему мы должны уделять больше внимания: произведениям отечественной и зарубежной классики, работам современных мастеров или твоих сверстников — студентов художественных вузов?

8

Каким ты бы хотел видеть наш уголок сатиры и юмора? Чисто студенческим или выходящим за рамки вузовской жизни? Нужен ли тебе кроссворд?

10

Время от времени мы хотели бы помещать в журнале материалы в помощь любителям коллекционирования. С какими коллекциями марок, значков и т. д. ты хотел бы познакомиться?

Итак, ты познакомился с двумя номерами «Студенческого меридиана». По первым материалам ты можешь судить, как и о чем мы бы хотели говорить с тобой, читатель. Но, может, ты захочешь сам принять участие в составлении наших планов на будущее, поможешь своим советом, предложением? Тогда приглашаем тебя на наш открытый редакционный совет. Для начала ответь, пожалуйста, на десять вопросов анкеты.

36.3 В ДВОЮ КОЛЛЕКЦИЮ

Академии
наук —
250
лет

Нигде в мире не издается столько марок о науке и ее деятелях, как у нас в стране. Этой теме в советской филателии прямо или косвенно посвящено около четырехсот почтовых миниатюр. Ими можно наглядно проиллюстрировать историю создания и развития Академии наук СССР.

Основанная 28 января (8 февраля) 1724 года указом Петра I, академия собралась в своих стенах лучших ученых Российского государства. В 1742 году ее членом был избран великий русский ученый-энциклопедист М. В. Ломоносов. Марки, почтовые открытки и художественные маркированные конверты, выпущенные в его честь, могут составить интересную коллекцию.

Первооткрывательницей этой ныне распространенной в советской филателии «научной» темы была марка, вышедшая к 200-летию АН СССР. Художник

Н. Алексеев изобразил на ней здание академии, построенное в Петербурге в 1783—1787 годах по проекту Джакомо Кваренги.

Многие серии и отдельные марки посвящены деятелям русской науки XIX века. Среди них такие известные ученые, как математик П. Л. Чебышев, химик А. М. Бутлеров, физиолог И. П. Павлов. Филателистам хорошо известна и серия из двух миниатюр, выпущенная в 1947 году к вековому юбилею Географического общества СССР. На одной из них — портрет адмирала Ф. П. Литке. Многие знают, что он был не только флотоводцем, но и выдающимся ученым, а с 1864 по 1882 год возглавлял Академию наук.

Многие советские марки довоенных лет рассказывают о содружестве ученых со строителями Днепрогеса и Магнитки, с авиаторами и исследователями Севера. После войны вышли почто-

вые марки с портретами О. Ю. Шмидта, легендарного руководителя полярных экспедиций, академика А. Е. Фермана, много сделавшего для освоения природных ресурсов Советского Союза. Мы встречаем на почтовых знаках имена ученых, внесших неоценимый вклад в победу над фашистской Германией. Это кораблестроитель А. Н. Крылов, медик А. В. Вишневский, специалист в области сварки металлов Е. О. Патон...

Несколько слов о самых последних выпусках «академической» филателии. Поступили в обращение почтовые марки, посвященные академикам М. Д. Миллиончикову и И. Г. Петровскому. Вышла марка в честь 250-летия Академии наук СССР. Эскиз ее выполнен художником А. Калашниковым.

И. ЗАКС,
старший референт
Всесоюзного
общества филателистов

